

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ—ИЮНЬ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Марьина В.</i> Освобождение от фашизма и развитие революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	3
<i>Семен В. В.</i> Важнейший фактор мира и безопасности (Варшавскому Договору — 30 лет)	18
<i>Базыли Бялкозович</i> (ПНР). Польско-советский культурный обмен. Состояние и перспективы исследования	32
<i>Борисова О. В.</i> Социально-экономическое положение болгарской интеллигенции (конец 20-х — начало 30-х годов)	48
<i>Писарев Ю. А.</i> Балканский союз 1912—1913 гг. и Россия	58
<i>Живов В. М.</i> Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков	70

СООБЩЕНИЯ

<i>Костюшко И. И.</i> Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР на период до 2000 года	86
<i>Калашникова Н. Ю.</i> Изменение социально-классовой структуры румынского общества в процессе социалистического строительства	90

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Худанчи В. И., Ковальчук Т. Н., Желицки Б. И.</i> Рабочий класс социалистической Венгрии 60-х и первой половины 70-х годов	96
<i>Мигилев А. Д., И. В. Шабловская.</i> Самой высокой мерой: современная проза европейских социалистических стран о войне	98

3

1985

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Осинова М. А.</i> Рабочее совещание «Тенденции демократизации и интернационализации современных славянских литературных языков» . . .	101
<i>И. К.</i> Конференция Комиссии историков СССР и ПНР	103
<i>Оцели В. И.</i> Международная конференция славистов в Щецине (ПНР) . . .	103
<i>Ермакова М. И.</i> Конференция «Я. А. Смолер и его время»	106
<i>В. З.</i> Присуждение премий двух академий	107
<i>В. Р. Г. Г.</i> Литаврин — лауреат Международной премии им. братьев Кирилла и Мефодия	108
<i>Беллева В. И.</i> <u>Сергей Иванович Прасолов</u>	109
<i>Горина Л. В., Горяинов А. Н.</i> <u>Анатолий Евсеевич Москаленко</u>	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117132, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

МАРЬИНА В.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ФАШИЗМА И РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Антифашистское национально-освободительное движение, развернувшееся в Югославии, Польше, Албании, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Венгрии в ходе второй мировой войны, переросло в революции, приведшие к установлению в этих странах диктатуры пролетариата и их переходу на путь социализма.

Интерес к этим революциям не угас и по сей день и особенно возрос в преддверии 40-летия победы над фашизмом¹. Отношение к революционному процессу 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы состоит из вопросов идеологического противоборства между социализмом и капитализмом, а сами революции не перестают быть объектом различного рода вымыслов и инсинуаций со стороны противников социализма [Подробнее об этом см. 1, с. 38].

Характерным для современной ревизионистской и буржуазной историографии является стремление исказить, представить в извращенном виде историю указанных революций. И главное утверждение буржуазных фальсификаторов сводится к тому, что революции не имели самостоятельного характера, что они были импортированы в страны Центральной и Юго-Восточной Европы Советским Союзом.

В данной статье, не претендующей на всесторонний охват проблемы, затрагивается ряд вопросов, связанных с причинами возникновения революций в указанном регионе, их характером, закономерностями и спецификой развития.

Революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы победили в условиях разгрома фашизма, решающую роль в котором сыграл Советский Союз.

О характере происшедших в указанном регионе революций вот уже около 40 лет идут споры среди как советских, так и зарубежных исследователей-марксистов. Не вдаваясь в суть этих споров и не останавливаясь на существующих точках зрения, отметим лишь, что они порождены сложностью изучаемой проблемы, необходимостью разбора и анализа запутанного клубка общественных противоречий, который надлежало решить указанным революциям.

Представляется, что к их началу существовало три группы противо-

¹ Свидетельство тому — проведение журналом «Проблемы мира и социализма» заседания по проблематике революций, в котором принимали участие ученые Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Состоялся обмен мнениями по вопросам сущности революций, их общих черт и закономерностей, многообразия форм, методов и приемов осуществленных социальных преобразований [1, с. 38—52]. Статьи, посвященные революциям 40-х годов, были опубликованы также в теоретических и политических органах ряда коммунистических партий, например, в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист» [2], органе ЦК КПЧ журнале «Новая мысль» [3].

речий, которые в большей или меньшей степени были свойственны всем рассматриваемым странам. Во-первых, противоречие между большинством населения каждой из стран, с одной стороны, и гитлеровским фашизмом и поддерживающими его внутренними силами, с другой. Оно должно было разрешиться в ходе национально-освободительной борьбы, наиболее активной силой которой выступал рабочий класс, возглавляемый коммунистами, и в результате побед армий антигитлеровской коалиции, и прежде всего Советской Армии, на фронтах второй мировой войны. В решении этой задачи были заинтересованы широкие социальные слои стран рассматриваемого региона — в том числе и часть средней и мелкой буржуазии, что отразилось на составе большинства антифашистских национальных фронтов. Необходимость устранения этого противоречия придавала начавшимся революциям антифашистскую, а следовательно и антиимпериалистическую направленность, поскольку сам фашизм являлся олицетворением диктатуры наиболее реакционных сил монополистического капитала.

Вторая группа противоречий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы определялась срастанием империализма с остатками докапиталистических общественных отношений, сохранением господствующими классами в интересах укрепления их власти и усиления эксплуатации трудящихся пережитков докапиталистических формаций в политическом и социально-экономическом строе. В уничтожении этих общественных рудиментов были заинтересованы широкие слои трудящихся и мелкой буржуазии, и прежде всего крестьянство, которое особенно страдало от наличия отягощавших аграрный строй феодальных и полуфеодальных пережитков. Рабочий класс также выступал в первых рядах борцов за их уничтожение, видя в этом необходимое условие для свободного развития классовой борьбы в деревне и формирования под своим руководством политической армии грядущей социалистической революции. Хотя в ликвидации этих противоречий было заинтересовано большинство населения рассматриваемых стран, поскольку оно стало на пути общественного прогресса, его решение имело подчиненное по отношению к уничтожению фашизма значение, так как последнее являлось необходимым предварительным условием всякой общественной перестройки.

Наконец, третью группу составляли противоречия между трудом и капиталом, которые особенно наглядно проявлялись в противоборстве двух антагонистических классов общества — пролетариата и буржуазии. Необходимость ликвидации этих противоречий в начальный период революций была очевидна лишь для рабочего класса и даже не для класса в целом, а лишь для его наиболее зрелой в политическом отношении части, представленной коммунистическими партиями. Создание вокруг коммунистов политической армии в целях разрешения противоречий между трудом и капиталом требовало определенного времени, накопления трудящимися массами собственного политического опыта, который убедил бы их, что рабочий класс, выступая против буржуазии, выражает в то же время и их коренные интересы. Подвести массы к пониманию этого обстоятельства можно было посредством решительной и последовательной борьбы пролетариата за разрешение первых двух групп противоречий, т. е. против фашизма и поддерживавших его наиболее реакционных группировок монополистического капитала, а также за демократизацию политической и социально-экономической системы, за уничтожение остатков докапиталистических формаций, тормозящих общественное развитие.

Понятно, что указанные противоречия не существовали самостоятельно и независимо друг от друга. Все они взаимодействовали, переплетались, накладывались одно на другое, тем самым усиливаясь и обостряясь. Наличие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы нерешенных антифашистских, антиимпериалистических, демократических задач создавало возможность для подведения широких слоев трудящихся через борьбу за демократию к борьбе за социализм. Реализация этой возможности зависела от соотношения социально-политических сил в каждой стране

и в международном масштабе, от способности рабочего класса возглавить борьбу за демократию и не допустить перехвата инициативы антигитлеровской буржуазией, стремившейся ограничить глубину неизбежных общественных преобразований, пожертвовать наиболее устаревшими элементами существующего политического и экономического строя в целях сохранения его основы и идущей ради этого на сговор с внутренней и внешней реакцией. Задачей рабочего класса было возглавить борьбу за демократические преобразования, чтобы углубить их, провести в наиболее радикальных формах, выйти за рамки капиталистических отношений, придать революционному процессу социалистическую направленность. При этом революционные рабочие партии руководствовались основным на опыте трех русских революций ленинским учением о том, что чем радикальнее и последовательнее демократические преобразования, тем возникающие в результате их осуществления условия более благоприятны для развертывания классовой борьбы пролетариата за социалистические цели.

В период перерастания антифашистской освободительной борьбы в народно-демократические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы сложились благоприятные условия для занятия рабочим классом руководящей роли в этих революциях. Пролетариат был не только самой активной, но и наиболее организованной политической силой в движении Сопротивления. Коммунисты явились инициаторами создания и руководителями антифашистских национальных фронтов. Значительно выросли их авторитет и влияние как наиболее последовательных борцов за национальное освобождение, усилились симпатии к ним со стороны широких трудящихся масс.

Ощутимое колебание общественных настроений вследствие побед антигитлеровской коалиции, и прежде всего Советского Союза, в войне против фашистской Германии, а также вступление частей Советской Армии на территорию стран рассматриваемого региона в связи с началом их освобождения содействовали укреплению гегемонии рабочего класса в развертывавшихся революциях.

В то же время позиция класса буржуазии в целом как претендента на руководство обществом были значительно ослаблены в конце войны. Это было связано с тем, что наиболее реакционные ее группировки, поддерживавшие фашизм, оказались разгромленными вместе с последним. Авторитет буржуазии как силы, способной возглавить нацию и руководить ею, был подорван в результате того, что ее довоенная внешняя и внутренняя политика не смогла обеспечить странам региона сохранение их национальной независимости и государственного суверенитета. Наконец, та часть буржуазии, которая участвовала в антифашистской борьбе и сохранила влияние в массах, к концу войны оказалась политически слабо организованной (исключением, здесь, пожалуй, была правая часть польского «людовского» движения) и к тому же пребывала в состоянии растерянности вследствие краха ее надежд на освобождение стран Центральной и Юго-Восточной Европы с Запада. Таким образом, силы, противостоявшие рабочему классу в его стремлении к гегемонии в начавшейся революции, были разобщены и ослаблены. Пролетариат, возглавляемый коммунистическими партиями, сумел стать руководителем нации в ее борьбе против фашизма и за демократизацию общественного строя. Коммунисты распространяли свое влияние на значительную часть рабочего класса, а вместе с сотрудничавшими с ними социал-демократическими и социалистическими партиями, в которых к моменту освобождения усилилось левое крыло, вели за собой его большинство. Степень влияния коммунистов (как прямого, так и посредством союзнических партий и организаций) на другие слои трудящихся и мелкобуржуазные массы была различной в разных странах.

Коммунистические партии играли руководящую роль во всех первых народно-демократических правительствах, созданных как правительства национальных фронтов на завершающем этапе освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы от фашизма. При этом их руководящая

роль определялась не столько численностью коммунистических представителей в правительствах, хотя и это имело немаловажное значение, сколько важностью занимаемых ими постов, а также их влиянием и активностью.

В Албании коммунисты были единственной политически организованной силой созданного в октябре 1944 г. Временного демократического правительства. В остальных странах в народно-демократические правительства наряду с коммунистами вошли социал-демократы², политические представители крестьянства и других мелкобуржуазных слоев, а также антифашистской буржуазии. Основой первых народно-демократических правительств, также как и антифашистских национальных фронтов, был союз рабочего класса и крестьянства.

Создание правительств национальных фронтов явилось важным фактором в развитии революций и означало решение главного их вопроса — вопроса о власти — в пользу демократических сил. Возглавленный рабочим классом антифашистский союз призван был обеспечить демократическую альтернативу фашизму, создать благоприятные условия для перехода к социализму.

Программы, принятые правительствами, призваны были обеспечить решение двух первых из указанных выше общественных противоречий, существовавших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на завершающем этапе их освобождения. Программы включали такие задачи, как активное участие в войне против гитлеровской Германии вплоть до ее окончательного разгрома, восстановление национальной независимости и государственного суверенитета рассматриваемых стран, восстановление или обеспечение демократических прав и свобод, искоренение остатков фашизма в общественно-политической, экономической жизни и идеологии, создание органов новой народно-демократической власти, демократизация общественного и экономического строя путем ликвидации остатков докапиталистических формаций (прежде всего пережитков феодализма в деревне), улучшение жизни трудящихся и др.

Таким образом, в начальной фазе своего развития народно-демократические революции не были направлены против капитализма и буржуазии как целого, а носили демократический, антифашистский и антиимпериалистический характер. При этом благодаря руководящей роли рабочего класса уже в этот первый период рассматриваемые революции вышли за рамки классических буржуазно-демократических революций, поставив и некоторые антикапиталистические задачи. Мероприятия, ограничивавшие позиции буржуазии как целого (например, введение рабочего контроля на промышленных предприятиях, борьба против спекуляции и «черного рынка», дифференцированная система поставок сельскохозяйственных продуктов государству и т. д.), осуществлялись уже и на первом этапе деятельности народно-демократических правительств. Однако их объем по сравнению с задачами антифашистскими и демократическими был во всех странах значительно меньшим. Кроме того, эти мероприятия облеклись зачастую в антифашистскую, демократическую форму.

Коммунисты держали курс на мирное развитие революций, на подведение непролетарских слоев к социализму через борьбу за общедемократические требования, в ходе которой они на собственном опыте могли убедиться в том, что социалистический строй отвечает их интересам. Мирный путь перехода к социализму сопряжен с продолжительностью, с созданием переходных форм революционной власти, которые призваны, не ставя непосредственно социалистических задач, осуществлять глубокие демократические преобразования, создавать условия для перехода к более высокому этапу революционного процесса [4, с. 118; 5, с. 194—195]. К такому типу власти в условиях России В. И. Ленин относил революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Он

² В Югославии социал-демократическая партия не возобновила свою деятельность, а в Болгарии и Польше в правительства вошли левые социал-демократические группировки.

отмечал: «Только такая диктатура смела бы дочиста все остатки феодализма, обеспечила бы самое быстрое развитие производительных сил» [6, т. 19, с. 362].

Опираясь на ленинские выводы, международное коммунистическое движение в межвоенные годы продолжало теоретически разрабатывать этот вопрос. IV конгресс Коминтерна (1922) выдвинул лозунг создания рабочего правительства как возможной формы перехода к диктатуре пролетариата [7, с. 172, 186]. Новым шагом в этом направлении были решения VII конгресса Коммунистического Интернационала (1935) о создании единого народного фронта борьбы против фашизма и организации правительства народного фронта, задачей которого являлось проведение широких мероприятий против фашизма и реакции и укрепление позиций рабочего класса и всех трудящихся [7, с. 408—409]. Г. Димитров, говоря в 1936 г. о борьбе испанского народа против фашистской диктатуры Франко за демократическую республику, отмечал, что она будет отличаться от старой демократической республики и явится «особым государством с подлинной народной демократией». «Это еще не будет советское государство, — считал он, — но государство антифашистское, левое, с участием подлинно левой части буржуазии» [8, с. 440].

Большинство правительств антифашистских национальных фронтов, возникших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на завершающей стадии борьбы с фашизмом, представляли собой власть именно такого переходного типа. Новое демократическое государство, считает А. П. Бутенко, по своему классовому содержанию не являлось органом демократической диктатуры буржуазии и вместе с тем еще не стало органом социалистической диктатуры пролетариата. «Это был тип государства, представляющего собой демократическую диктатуру ряда классов, т. е. демократическую власть пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии, а в ряде стран и части средней буржуазии, основывающуюся на союз е пролетариата и крестьянства при гегемонии пролетариата» [9]. Марксистско-ленинская теория социалистической революции, предусматривая возможность возникновения таких переходных форм власти, не рассматривает их, как некое стабильное, застывшее в своем развитии образование.

Призванная содействовать углублению революционного процесса в социалистическом направлении, такая власть и сама претерпевает изменения в ходе развития революции, приобретая черты, свойственные диктатуре пролетариата и, в конечном счете, превращаясь в нее. В. И. Ленин писал, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства имеет свое прошлое — борьбу с самодержавием и крепостничеством, будущее же ее — борьба за социализм. В установлении власти переходного типа В. И. Ленин видел реальный путь к утверждению государственного руководства обществом со стороны рабочего класса, называя революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства «началом завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство» [6, т. 19, с. 214].

Темпы трансформации такой переходной формы власти в диктатуру пролетариата зависят от конкретно-исторических условий — от расстановки классовых и политических сил внутри каждой страны и в международном масштабе, от прочности позиций рабочего класса в органах этой власти на начальном этапе ее существования, от степени влияния пролетариата и его революционной партии на непролетарские слои трудящихся³.

Внешние и внутренние условия развития революций в странах региона благоприятствовали более быстрому или постепенному становлению в них диктатуры пролетариата. При этом революционный процесс, сутью которого была борьба за окончательное оформление политической власти ра-

³ При неблагоприятных для рабочего класса международной обстановке и соотношении внутренних общественно-политических сил возможны и регрессивные изменения в характере власти переходного типа, а также ее ликвидация и восстановление политического господства буржуазии. Ярким примером этого в современных условиях являются события в Чили, а в рассматриваемый нами период — события в Греции.

бочего класса, в каждой из стран имел свою специфику, обусловленную позициями различных классов и их взаимоотношениями в ходе революции.

Исход борьбы между пролетариатом и буржуазией за власть в решающей мере зависел от того, какую из двух противоборствующих сил подержат мелкобуржуазные массы, составившие большинство населения в этих странах.

Как уже отмечалось, пролетариат, возглавляемый коммунистами, играл руководящую роль во всех антифашистских национальных фронтах и созданных ими правительствах. Мелкобуржуазная демократия, политически представленная главным образом социал-демократическими и левыми крестьянскими партиями, была заинтересована в сотрудничестве с рабочим классом прежде всего при решении антифашистских, антиимпериалистических, общедемократических задач. Наконец, антифашистская буржуазия, принявшая участие в большинстве первых народно-демократических правительств, хотя и выступала за ликвидацию фашизма, но не являлась искренней сторонницей намеченной в правительственных программах демократической перестройки общества. Вынужденная согласиться на ее проведение, буржуазия рассчитывала путем незначительных уступок сохранить главное — свою власть. Поэтому, несмотря на внешнее единство, уже в начальный период государственной деятельности национальных фронтов между входившими в них силами началась упорная борьба за то, какими методами, темпами, в каких формах и насколько последовательно осуществлять мероприятия, намеченные в программах народно-демократических правительств.

К тому же следует учитывать, что часть антифашистских буржуазно-либеральных группировок, отвергших сотрудничество с коммунистами — их политическими представителями были, например, правое крыло Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС — «Врабча I»), «исторические партии» (национал-царанистская и национал-либеральная) в Румынии, до лета 1945 г. правое крыло крестьянского движения в Польше Стронництво людове (СЛ) — РОХ, — оставалась вне рамок национальных фронтов и созданных ими правительств. Однако отсутствие представителей указанных группировок буржуазии в органах власти вовсе не означало прекращения их активности и отказа от стремления вернуть себе прежние политические позиции. Влияние либерально-буржуазных группировок на массы было различным. Так, их изоляция в Болгарии была более глубокой, чем в Румынии, где позиции «исторических партий» были еще прочны, хотя и значительно подорваны вследствие упорного сопротивления руководства этих партий демократическим преобразованиям в период, последовавший за восстанием 23 августа 1944 г. и до образования правительства национально-демократического фронта во главе с П. Грозой в марте 1945 г. В Польше же СЛ — РОХ вследствие антигитлеровских позиций ее лидеров и традиционных связей с деревней сохранила преобладающее влияние на крестьянство.

Реакционные и либеральные группировки буржуазии, оказавшись вне рамок национальных фронтов, пытались спасти капиталистические порядки, организуя борьбу против линии, намеченной в программах «фронтов» и их правительств, действуя, с одной стороны, как оппозиционная сила, а с другой, стремясь проникнуть внутрь «фронтов» и разложить их изнутри. При этом они пытались использовать входившие во «фронты» буржуазные и мелкобуржуазные партии и организации.

Влияние и позиции антифашистских кругов буржуазии в национальных фронтах и первых народно-демократических правительствах было различным. В Национально-освободительный фронт Албании и Временное демократическое правительство они вообще не входили. Здесь буржуазия была отстранена от власти еще в ходе освобождения страны от фашизма. В Народно-освободительном фронте (НОФ) Югославии и Временном правительстве Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) антифашистская буржуазия была представлена фактически отдельными лицами, не имевшими за собой ни прочной организации, ни массовой базы. Их влияние и возможности противодействия революционному преобразова-

ниям были весьма ограничены. Ко времени полного освобождения страны Коммунистическая партия Югославии (КПЮ), являвшаяся единственным организатором и руководителем народно-освободительной борьбы, сумела распространить свое влияние на широкие массы населения и изолировать буржуазию. Значительная часть задач, вставших перед антифашистскими силами в других странах региона в начальный период деятельности правительств национальных фронтов, была реализована в Югославии в ходе народно-освободительной борьбы. Соотношение классовых сил в стране коренным образом изменилось в пользу сторонников революционного переустройства общества, народные массы поддержали выдвинутую КПЮ программу глубоких социально-экономических и политических преобразований до того, как контрреволюционные силы решительно выступили против нее.

К моменту создания ДФЮ на первый план здесь объективно выдвинулось противоречие между трудом и капиталом, хотя это вовсе не означало, что уже тогда сложились все условия для открытого провозглашения КПЮ курса на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Однако почти полная изоляция буржуазии от масс, утрата ею своих политических и в значительной мере экономических позиций в стране, прочное положение КПЮ в органах власти, ее огромный авторитет и влияние на широкие трудящиеся массы позволяют говорить о том, что союз антифашистских сил, объединившихся в НОФ, был в момент создания правительства ДФЮ объективно нацелен на решение противоречия между большинством трудящихся и удерживающей свои позиции частью буржуазии. Вопрос был лишь в том, какими путями сохранить в основном союз сил, сложившихся вокруг КПЮ в период народно-освободительной борьбы, и переориентировать его на достижение социалистических целей.

В Болгарии антифашистская буржуазия вошла в Отечественный фронт, где была представлена маловлиятельным в тот период союзом «Звено» и правой частью руководства БЗНС — «Пладне». Однако преобладающую часть населения, как и в Югославии, вели за собой левые силы — Болгарская рабочая партия (коммунисты) и левая группировка БЗНС — «Пладне».

Таким образом, в названных трех странах коммунистические партии снискали поддержку широких непролетарских слоев еще в ходе антифашистской освободительной борьбы. Задачей коммунистов там было укрепить создавшееся единство и, выдвигая понятные массам лозунги и мобилизуя их на осуществление поставленных задач, добиваться, чтобы большинство, сложившееся на антифашистской основе, стало антикапиталистическим большинством.

В Югославии, Албании и Болгарии шансы буржуазии опереться на непролетарские трудящиеся слои в борьбе за восстановление своего господства были меньшими, чем в других странах региона, где коммунистам еще предстояло приложить усилия, чтобы высвободить мелкобуржуазные массы из-под влияния буржуазных партий. Гегемония рабочего класса в антифашистской освободительной борьбе и в начальный период революций не могла автоматически сохраниться в период углубления и развития революционного процесса. За ее утверждение необходимо было бороться, убеждая трудящиеся массы в том, что пролетариат является наиболее решительным и последовательным защитником их интересов.

В национально-демократическом фронте в Польше и Польском комитете национального освобождения (ПКНО) под руководством Польской рабочей партии (ППР) объединились левые, демократические силы общества: значительная часть рабочего класса и авангардная, в политическом отношении наиболее зрелая часть остальных непролетарских трудящихся слоев, политически представленных Польской социалистической партией (ППС), левым Стронництвом Людовым (СЛ) и Демократической партией (ДП). Однако эти силы представляли собой лишь революционно-демократическое меньшинство. Значительные массы населения, в том числе и некоторые слои рабочих, шли за партиями, оказавшимися вне фронта (правой СЛ, правой социалистической партией ВРН и т. д.).

Своеобразная ситуация создалась в Румынии, где, так же как и в Польше, в Национально-демократический фронт и его правительство вошли преимущественно левые силы, возглавляемые Коммунистической партией Румынии (КПР). Однако они имели достаточно прочную массовую базу. Часть антифашистской буржуазии (группа Г. Татареску), отказавшись вступить во «фронт» пошла на сотрудничество с ним и приняла участие в деятельности правительства П. Грозы. КПР, авторитет и влияние которой значительно возросли в период борьбы за демократизацию страны после восстания 23 августа 1944 г. и которая пользовалась безусловной поддержкой массовой крестьянской организации Фронт земледельцев, располагала прочными позициями во «фронте» и правительстве.

В Венгерском национальном фронте независимости, а также Национальном фронте чехов и словаков и в созданных ими правительствах антифашистская буржуазия имела довольно прочные позиции и вела за собой основную часть мелкобуржуазных масс. Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) и Венгерская коммунистическая партия (ВКП), сотрудничавшие с социал-демократическими партиями, опирались прежде всего на рабочий класс, удельный вес которого в населении страны, а также политическая зрелость и организованность в Чехословакии были гораздо выше, чем в Венгрии.

Такова была расстановка классовых и политических сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период, когда были созданы первые правительства национальных фронтов и началась борьба за реализацию принятых ими программ.

В восточной части Германии антифашистско-демократический блок возник после окончательного военно-политического разгрома гитлеровской Германии. Большой объем общенациональных, антифашистских и демократических задач, среди которых одной из важнейших была борьба за объединение Германии на антифашистской демократической основе, определил характер деятельности блока в 1945—1949 гг.

Антигитлеровская часть буржуазии, принявшая участие во власти, считала, что образование народно-демократического правительства должно знаменовать завершение революции. С одной стороны, она была удовлетворена достигнутыми результатами, с другой — напугана ими, и поэтому выступала не только против дальнейшего развития революционного процесса, но и против последовательного выполнения задач, намеченных в правительственных программах.

В условиях, сложившихся на завершающей стадии антифашистской борьбы (решающая роль СССР в антигитлеровской коалиции, присутствие советских войск на территории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, гегемония рабочего класса в движении Сопротивления), реально смотрящие на вещи представители буржуазии опасались прежде всего того, чтобы сразу же «не выйти из игры», т. е. не оказаться отстраненными от власти. Для них было важно «пережить трудные времена, в том числе и ценой значительных уступок, и оттянуть решающее столкновение с рабочим классом на более позднее, выгодное для себя, как они полагали, время. Они вели себя подобно либеральной буржуазии в России, о которой В. И. Ленин писал: «Вынужденные строить свою деятельность (или свои политические гешефты, вернее сказать) на почве данных, фактически складывающихся отношений, либеральные буржуа *начали приходить к необходимости признать революцию*. Они делают это не потому, что они революционеры, а несмотря на то, что они не революционеры. Они делают это по нужде и против воли, со злобой видя успехи революции... Природенные торгаши, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их встать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами» [6, т. 11, с. 116].

Политические представители антифашистской буржуазии строили свои расчеты на том, что в антикоммунистический лагерь удастся со временем привлечь мелкобуржуазные массы, следующие в первую очередь за социал-демократическими и крестьянскими партиями. Использование частнособственнической психологии мелкого буржуа и запугивание его

«отменяющим частную собственность» социализмом относились буржуазией к числу важнейших средств в борьбе за непролетарские слои трудящихся. Расчет был и на то, что народная власть не справится с трудностями, связанными с восстановлением разрушенного войной хозяйства, что тяжелое экономическое положение приведет к недовольству народных масс новой властью и ослаблению революционных сил, занимающих в ней руководящие позиции. Буржуазия полагала также, что сплочение всех контрреволюционных элементов будет облегчено после вывода советских войск с территорий рассматриваемых стран. Наконец, реакция рассчитывала на ухудшение международной обстановки, обострение противоречий в антигитлеровской коалиции и ее окончательный распад, на усиление антикоммунистического курса в политике империалистической буржуазии в мировом масштабе. Все это, как надеялась реакция, должно было повлечь за собой ослабление народно-демократических режимов и пошатнуть доверие к ним со стороны значительных слоев колеблющейся мелкой буржуазии.

Для рабочего класса образование народно-демократических правительств и выполнение их программ означало не прекращение революции, а лишь некий «трамплин», создание благоприятных условий для развертывания борьбы за осуществление социалистических целей пролетариата, за уничтожение всякой эксплуатации человеческого труда, за ликвидацию частной собственности на важнейшие средства производства, за плановое развитие народного хозяйства, за перестройку (в перспективе) на общественных началах аграрного строя и т. д. Оценивая в свое время борьбу против абсолютизма, реакционных сословий и учреждений в России, В. И. Ленин писал, что она «необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся — чисто демократическим по своей природе учреждением, *капиталом...*» [6, т. 1, с. 301—302].

Коммунисты ясно осознавали, что достижение социалистических целей, связанное с полной изоляцией буржуазии от масс и отстранением ее от власти, предполагает в то же время и борьбу против иллюзий и воззрений мелкой буржуазии, стремящейся остановить революцию на полпути. Безостановочное развитие демократической революции, постепенный переход к решению все более радикальных задач и создание условий для окончательной победы диктатуры пролетариата должна была обеспечить гегемония пролетариата в развивающейся революции, перегруппировка общественно-политических сил и сплочение широких слоев трудящихся, и прежде всего крестьянства, вокруг класса-гегемона.

С ликвидацией фашистских режимов и особенно с окончательным разгромом гитлеровской Германии в мае 1945 г. была решена одна из важнейших задач, для выполнения которых были созданы на широкой классовой и политической основе антифашистские национальные фронты. Перестало существовать главное противоречие периода второй мировой войны — противоречие между большинством нации в каждой из стран, с одной стороны, и иноземными фашистами и их прислужниками, с другой. На первое место в качестве главного стало постепенно выступать противоречие между трудом и капиталом. Однако к этому времени оказались выполненными лишь частично те в целом демократические, антифашистские задачи, которые были намечены в программах первых народно-демократических правительств. Препградой на пути их последовательного осуществления стали классовые интересы буржуазии, которая, например, препятствовала искоренению остатков фашизма, наказанию коллаборационистов, чистке и демократизации государственного аппарата и общественных организаций, укреплению руководящей роли государства в развитии народного хозяйства и т. д. Решение всех этих вопросов в интересах широких трудящихся масс стало уже возможным не в союзе с буржуазией, а вопреки ей, в борьбе с ней.

В то же время существовали еще и такие общенациональные задачи, как заключение мирных договоров с Болгарией, Румынией, Венгрией,

решение вопроса о международном признании польских западных границ, урегулирование некоторых вопросов международного положения Чехословакии, Югославии, Албании. Все слои населения, хотя и в разной мере, были заинтересованы в восстановлении пострадавшего от войны народного хозяйства.

Наличие общенациональных целей, для достижения которых требовалось усилие всех классов и социальных слоев, позволяло коммунистическим партиям, ориентируясь на углубление и развитие революции, одновременно держать курс на сохранение и укрепление национальных фронтов. В то же время антифашистская часть буржуазии с ликвидацией фашизма перестала быть прогрессивной силой общества, становилась тормозом развития революционного процесса, стремилась развалить «фронты». Тактика, избираемая ею при этом, обуславливалась обстановкой, существовавшей в отдельных странах. Если в Болгарии буржуазные группировки рассчитывали нарушить деятельность и подорвать «фронт», расколов его и образовав так называемую лояльную оппозицию, то в Польше и Румынии политические представители буржуазии — Польске стронництво людове (ПСЛ) Миколайчика и Национал-либеральная партия Татареску — наоборот вступили во «фронт», стараясь разложить его изнутри. В Венгрии и Чехословакии партии и организации, представлявшие в национальных фронтах интересы буржуазии, стремились, действуя на базе «фронта», стать средоточием всех антинародных реакционных элементов и, опираясь на них, ослабить позиции революционных сил. Тактика буржуазии варьировалась в зависимости от конкретной обстановки. Главная ее задача состояла в том, чтобы консолидировать все реакционные элементы, включая и крайне правые, и, расширив или упрочив свое влияние на мелкобуржуазные слои, положить конец революции.

Активизация контрреволюционных усилий буржуазии способствовала и международная обстановка, характеризовавшаяся углублением противоречий в антигитлеровской коалиции и ее распадом, ростом политической напряженности, появлением и усилением элементов «холодной войны» в политике империалистических держав по отношению к Советскому Союзу. Обнадеженная таким развитием международных отношений, буржуазия пыталась, блокируясь с внешней реакцией, перейти в контрнаступление, чтобы решить вопрос «кто — кого» в свою пользу. Свой антикоммунистический курс буржуазия старалась сначала прикрыть критикой «недостатков» существовавшего строя, стремлением «исправить» действительные и мнимые ошибки народной власти. В арсенале ее средств борьбы были ложь, клевета, демагогия, использование трудностей послевоенного времени, игра на религиозных чувствах верующих. Апогеем антинародной деятельности буржуазных политиков было установление связей с контрреволюционным подпольем и участие в заговорах против народно-демократической власти.

В условиях выдвижения на первый план противоречия между трудом и капиталом коммунистические партии вырабатывали новую стратегическую линию, которая состояла в постепенном лишении буржуазии ее политических и экономических позиций, в изоляции буржуазии от следовавших за нею масс, в установлении политического господства рабочего класса в союзе с остальными трудящимися.

Коммунистические партии по-прежнему держали курс на сохранение и укрепление национальных фронтов, но новая стратегическая ориентация коммунистов в условиях углубления революционного процесса и перехода буржуазии в контрнаступление вела к иному, чем прежде, пониманию их классового содержания. В. И. Ленин писал, что «с прогрессом революции, с ростом ее задач изменяется также состав классов и элементов народа, способных участвовать в борьбе за осуществление этих задач» [6, т. 14, с. 52]. Классово и политически широкий союз, направленный против фашизма, должен был трансформироваться в союз сил, нацеленный против буржуазии как класса. Сохранение и упрочение национальных фронтов в новых условиях означало очищение их от контрреволюционной буржуазии, изоляцию реакционных буржуазных полити-

ков от массы рядовых членов возглавляемых ими партий и организаций, укрепление союзнических связей коммунистов с левыми группировками «фронтов», формирование блока сил, включающего рабочий класс, трудящееся крестьянство, непролетарские трудящиеся слои города (ремесленников, мелких торговцев, интеллигенции).

Важнейшим условием успешного развития революции и усиления ее социалистической направленности было укрепление единства действий рабочего класса, нацеленного в перспективе на его организационное единство на основе марксизма-ленинизма. Коммунисты оказывали содействие левым течениям в социал-демократических партиях и стремились к изоляции их правых элементов, переходивших на позиции поддержки антикоммунистического курса буржуазии. Такую же политику проводили коммунисты и по отношению к партиям, массовую базу которых составляли крестьяне. Трудящиеся слои деревни, несмотря на свойственные им колебания, были ближайшими союзниками рабочего класса в борьбе за власть.

Борьба между пролетариатом и буржуазией за союзников разветвлялась главным образом в ходе решения такой общенациональной задачи, как восстановление народного хозяйства. В реконструкции национальной экономики были заинтересованы все слои населения, однако их интересы расходились по вопросу о том, на какой основе восстанавливать хозяйство — на старой, капиталистической, в лучшем случае несколько реформированной, или на новой, демократической, ограничивавшей в интересах широких народных масс экономические позиции буржуазии и усиливавшей роль народного государства в руководстве хозяйственной жизнью.

Рабочий класс выступал как решительный борец за восстановление хозяйства на последовательно демократической основе, за подъем и развитие производительных сил общества, за повышение на этой основе жизненного уровня трудящихся. Он стремился объединить вокруг себя непролетарские слои, не выдвигая социалистических лозунгов, а ставя задачи, в реализации которых эти слои были непосредственно заинтересованы и которые в то же время были направлены на постепенное ограничение позиций капитала.

Буржуазия, отстаивавшая капиталистический путь восстановления национальной экономики и негативно относившаяся к деятельности коммунистов, не смогла, однако, предложить такой вариант решения назревших общественно-политических вопросов, который позволил бы ей опереться на широкие слои населения в борьбе за сохранение своих экономических и политических позиций. В решающих сражениях за власть непролетарские слои трудящихся, не относившиеся однозначно положительно к политике коммунистических партий в период углубления революции и проявившие подчас большие или меньшие колебания, ввиду оказались либо на стороне рабочего класса, либо заняли позицию благожелательного нейтралитета.

В 1947—1948 гг. во всех рассматриваемых странах окончательно укрепилась диктатура пролетариата, как власть рабочего класса, выступавшего в союзе с трудящимся крестьянством и другими демократическими силами общества.

Революции 40-х годов развивались на основе общих закономерностей, характерных для социалистических революций и впервые проявившихся в Великой Октябрьской социалистической революции. К числу таких закономерностей относились гегемония рабочего класса, возглавляемого коммунистическими партиями, в осуществлении революций и установлении диктатуры пролетариата; необходимость союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и основной массой остальных непролетарских слоев; ликвидация частной собственности на основные средства производства и их переход в общественную собственность.

Вместе с тем революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы обладали рядом общих, особых черт, связанных с условиями их происхождения и развития. Все они выросли из антифашистской, освободительной борьбы, поэтому объем решаемых ими общенацио-

нальных, антифашистских задач, особенно в начальный период, был весьма велик. В связи с незавершенностью предшествовавших буржуазных революций в большинстве этих стран на первый план выдвигалась необходимость решения общедемократических задач, что роднило указанные революции с Октябрьской революцией. Тесное переплетение борьбы за демократию с борьбой за социализм явилось характерной чертой революций 40-х годов. Их политическими носителями стали руководимые рабочим классом национальные фронты, которые из союза антифашистских сил по мере развития революционного процесса превращались в большинстве стран в классовые объединения трудящихся, направленные против капитала. К особенностям этих революций относился и мирный путь их течения, что означало отсутствие наиболее острых, вооруженных форм классовой борьбы, хотя элементы последних в отдельных странах и в разных размерах имели место (Югославия, Польша, Румыния). Возможность мирного пути была обусловлена в значительной мере той помощью — военной, политической, идеологической, материальной, — которую оказал революционным силам Советский Союз.

Вместе с тем каждая из этих революций имела свои национальные, специфические черты, связанные с особенностями исторического развития соответствующих стран, своеобразием расстановки в них классовых и политических сил.

В Югославии власть, установленная в ходе народно-освободительной борьбы, стала почти сразу приобретать «черты диктатуры пролетариата, основанной на широком классовом союзе» [10, с. 319]. В системе власти в Албании коммунисты были не только руководящей, но и единственной политически организованной силой, представлявшей интересы трудящихся большинства страны. Народно-демократическая власть, установившаяся в Болгарии в сентябре 1944 г. «заклучала в себе элементы диктатуры пролетариата» [10, с. 60], но процесс ее становления и укрепления был относительно длительным. По словам Г. Димитрова, власть, взятую трудящимися во главе с рабочим классом 9 сентября 1944 г., «необходимо было временно делить с частью буржуазии» [11, с. 53; 12, с. 272]. «Рабочий класс во главе с коммунистической партией в союзе с трудовым крестьянством, — отмечал Т. Живков, — установил и укрепил свою диктатуру в форме народной демократии не сразу, не одним ударом, а постепенно, в процессе острой классовой борьбы (не гражданской войны), которая в 1947 г. увенчалась национализацией промышленности» [13, с. 110].

В Польше в 1944 г. к власти также пришел союз левых сил, руководимых коммунистами. Создание Временного правительства национального единства в июне 1945 г. и участие в нем группы Миколайчика⁴, представлявшего интересы польской буржуазии, по мнению многих польских историков, не изменили характера народной власти, которая, по существу, выполняла функции диктатуры пролетариата (см., например, [14, с. 218], а также дискуссию по вопросам характера и этапов революции в Польше [15]). Однако своеобразие положения в Польше, состоявшее в том, что союз политических сил, сплотившихся около ППР и объективно отражавший интересы широких трудящихся масс, в первое время вел за собой лишь меньшинство их, ставило перед рабочим классом задачу формирования политической армии социалистической революции, обеспечения ее развития «снизу».

Народная власть, возникшая в Польше в 1944 г., и по формальным признакам схожая с диктатурой пролетариата, по сути еще не отвечала классовому содержанию последней, сформулированному В. И. Лениным следующим образом: «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их,...

⁴ Сторонники Миколайчика получили 4 из 21 поста в правительстве, в том числе пост вице-премьера.

союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» [6, т. 38, с. 377]. Народная власть в Польше на начальном этапе ее существования представляла собой союз авангарда пролетариата с передовой, наиболее зрелой в политическом отношении частью указанных в ленинской формулировке слоев. Она явилась зачатком диктатуры пролетариата и начала выполнять функции последней в полном объеме тогда, когда к поддержке этой власти перешло большинство трудящихся.

Народно-демократическая власть в Венгрии, Румынии, Чехословакии, вначале представлявшая собой особую форму революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, по мере развития революционного процесса, постепенного укрепления рабочим классом, гегемоном революции, своих экономических и политических позиций, завоевания им на свою сторону все новых и новых союзников и оттеснения буржуазии превратилась по сути в диктатуру пролетариата.

Революции, происшедшие в рассматриваемом регионе в 40-х годах, совмещали в себе черты трех типов революций: незавершенных ранее буржуазно-демократических революций, антиимпериалистических, демократических революций третьего (современного) этапа общего кризиса капитализма и социалистических революций, для которых в странах Центральной и Юго-Восточной Европы к этому времени созрели объективные и субъективные предпосылки.

Ю. А. Красин пишет, характеризуя эти революции: «Порой трудно определить, имело ли место перерастание демократической революции в социалистическую или происходила смена этапов нарастания и развертывания единой социалистической революции народно-демократического типа. Общее для всех этих революций состоит в том, что они в своеобразной форме решили ту же задачу: перехода к социализму, которую для России решила Великая Октябрьская социалистическая революция» [5, с. 190—191].

Суть, направленность и задачи социально-экономических преобразований, осуществленных на первом — антифашистском, демократическом — этапе революционного процесса, который начался в восточной части Германии после поражения гитлеровского фашизма, были, несмотря на определенную специфику, те же, что и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Проведенные под руководством Коммунистической партии Германии (с 1946 г. — Социалистической единой партии Германии) при содействии и поддержке Советской военной администрации в Германии эти преобразования ставили целью покарать нацистских преступников, искоренить остатки фашизма, улучшить жизнь широких слоев трудящихся и сплотить их вокруг рабочего класса, демократизировать социально-экономический строй; создав тем самым предпосылки для перехода к социализму. В тезисах, опубликованных Национальным советом Национального фронта ГДР к 25-летию социалистического государства немецкого народа, говорится: «Антифашистская, демократическая перестройка, в ходе которой уже возникли элементы социализма, явилась первым этапом единого, непрерывного, развивающегося дальше революционного процесса, который с основанием ГДР перерос в социалистическую революцию. В ней действовали те же общие закономерности, которые определили переход от капитализма к социализму в Советском Союзе и других странах социалистического содружества» [16, с. 152].

Период революций 40-х годов, связанный с формированием и победой народной демократии как новой формы диктатуры пролетариата, многие исследователи-марксисты, как советские, так и зарубежные, связывают с началом перехода рассматриваемых стран от капитализма к социализму. [17].

«Сегодня, в ретроспективе, — пришли к выводу участники заседания, организованного журналом «Проблемы мира и социализма», — революции 40-х годов с полным правом рассматриваются и в общем виде определяются как новая форма, новый способ перехода от капитализма к социализму» [1, с. 61]. И хотя этот переход в разных странах имел свои специфические особенности, он представлял собой единый революционный процесс, открывший путь к социализму [2, с. 78].

Таким образом, в основе происшедших в 40-е годы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы революций лежали глубинные национальные и общественные причины, связанные прежде всего с обострением антагонистических противоречий внутри данной страны. Советский Союз безусловно сыграл в этих революциях видную роль, но не ту, которую ему приписывают буржуазные идеологи, толкуя об «экспорте революции» Советским Союзом, о навязывании им революций странам, на территорию которых с освободительной миссией вступала Советская Армия. «Вклад Советского Союза состоял в том, что продвижением своих войск он поднял народы на открытую борьбу и, разрушив фашистскую армию, полицию и другие репрессивные органы, проделал большую долю разрушительной работы, сопутствующей всякой революции. Но самая трудная ее часть — созидание новой власти, органов управления, революционное преобразование социально-экономической структуры общества, а также духовных и культурных отношений — досталась на долю самих народов» [1, с. 43].

Кроме того, присутствие в ряде стран Советской Армии предотвратило контрреволюционную интервенцию западного империализма и парализовало внутреннюю реакцию, что содействовало мирному пути развития революции. В то же время присутствие армии первого в мире социалистического государства, внесшего решающий вклад в победу над фашизмом, активизировало революционные выступления трудящихся, создавало благоприятные условия для успеха их самостоятельной борьбы [1, с. 44, 45].

Революции 40-х годов, приведшие к победе диктатуры пролетариата в Албании, Болгарии, Венгрии, восточной части Германии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, стали важнейшим историческим событием после Великой Октябрьской социалистической революции, положили начало новому этапу в мировом революционном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальные революции 40-х годов XX века.— Проблемы мира и социализма, 1984, № 7.
2. Орлик И. От освобождения к социалистическому возрождению. Революции 40-х годов в Восточной Европе.— Коммунист, 1984, № 18.
3. Martinek M. K charakteru demokratických revolucí v zemích střední a jihovýchodní Evropy a jejich místu ve světovém revolučním procesu.— Nová mysl, 1984, № 12.
4. Красин Ю. А., Лейбзон Б. М. Революционная теория и революционная политика. М., 1979.
5. Красин Ю. А. Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
7. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969.
8. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М., 1975.
9. Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1974, с. 87.
10. Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
11. Исусов М. Георги Димитров и политическата система на народната демокрация в България.— Исторически преглед, 1982, № 2.
12. Исусов М. Комунистическата партия и революционният процес в България. 1944—1948. София, 1983.
13. VII конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протокол. София, 1958.
14. Revolucja i wladza ludowa w krajach europejskich. 1944—1948. Warszawa, 1972.
15. Z pola walki, 1975, № 3.
16. Общие закономерности и разнообразие форм социалистической революции (Материалы международной научной конференции, состоявшейся в ИМЛ при ЦК КПСС 12—13 марта 1974 г.). М., 1975, с. 152.
17. Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965, с. 325—326; Исусов М. Някои проблеми на социално-класовата структура и социалистическата революция в България (1944—1947). Българско-германски отношения и връзки. Изследвания и материали. Т. I. София, 1972, с. 622—623; Беренд И. Т., Ранки Д. Революционните преобразования и реконструкция экономической жизни в народно-демократических странах в период между 1945—1949 гг. Очерки по новейшей истории Венгрии, Научные труды, посвященные 25-летию освобождения Венгрии. Киев, 1972, с. 146; Боучек М., Фалтис А. Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за реализацию социалистической революции в Чехосло-

ваки.— В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М., 1978, с. 491; *Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* К вопросу о переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— Советское славяноведение, 1982, № 6, с. 3—12; *Хайцер Х.* ГДР. Исторический очерк. М., 1982, с. 49; *Badstübner R.* Protifašistické demokratické přeměny v Německé demokratické republice (1945—1949).— Československý časopis historický, 1977, № 4, s. 548—550; *Heitzer H.* Allgemeines und Besonderes der Übergangsperiode vom Kapitalismus zum Sozialismus in der DDR.— Jahrbuch für Geschichte, Bd. 11. Berlin, 1974; *Čierny J.* Leninská cesta revoluce v Československu v letech 1944—1948.— Československý časopis historický, 1979, № 6, s. 808; *Muszyński J.* Socjalizm w państwach środkowej i południowo-wschodniej Europy. Warszawa, 1975, s. 182—186.

СЕМИН В. В.

ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ (ВАРШАВСКОМУ ДОГОВОРУ—30 ЛЕТ)

В 1985 г. советские люди, народы братских социалистических стран, все прогрессивное человечество отмечают две знаменательные даты — сорокалетие победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и тридцатую годовщину со дня создания Организации Варшавского Договора. Эти два исторических события неразрывно связаны: они отражают глубочайшие перемены во всемирной истории, начало которым положила Великая Октябрьская социалистическая революция, наглядно показывают растущую роль социализма в мировых делах, в развитии международных отношений, в решении судеб человечества.

2 февраля 1920 г. в условиях гражданской войны и вооруженной интервенции В. И. Ленин говорил: «...стоя против огромного фронта империалистических держав, мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения...» [1]. Народы Советской страны обеспечили под руководством Коммунистической партии такое сплочение. Наша революция сумела постоять за себя, дав сокрушительный отпор всем ее врагам.

В годы второй мировой войны над нашей Родиной нависла смертельная опасность, связанная с разбойничьим нападением гитлеровского фашизма и его союзников. «Нанеся сокрушительное поражение врагу, — говорится в Постановлении ЦК КПСС „О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“, — советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии отстаивали свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Октября. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фацистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг» [2].

Победа советского народа в Великой Отечественной войне и вся последующая борьба Советского Союза за мир, за международную безопасность неотделимы друг от друга. Так же неотделимы борьба народов за мир и деятельность Организации Варшавского Договора.

Ощущая кровную связь сегодняшних событий с тем временем, когда В. И. Ленин призывал к тесному военному сплочению сил социализма в защите революции от посягательств империалистических держав, народы братских социалистических стран никогда не забывают эти ленинские слова, считают их заветом в борьбе против империализма. Народы социалистического содружества прилагают все силы к тому, чтобы становился еще более мощным их боевой союз — Организация Варшавского Договора, чтобы крепла совместная оборона социалистических государств.

Историческую роль Варшавского Договора можно четче представить в свете той обстановки, которая побудила европейские социалистические

страны объединить свои военные усилия. Сразу же после окончания второй мировой войны правящие круги империалистических держав, в первую очередь США, Англии и Франции, стали лихорадочно изыскивать средства для того, чтобы помешать победному шествию социализма. Империалистическая реакция взяла курс на обострение международной обстановки, усиление гонки вооружений, подготовку новой войны против СССР и других миролюбивых государств. Наглядным выражением такого курса явилось поспешное сколачивание империалистами в конце 40-х — начале 50-х годов целой системы агрессивных военных блоков, пацеленных против социалистических государств. В 1948 г. возник так называемый Западный союз — первый после второй мировой войны военно-политический блок империалистов. В апреле 1949 г. был создан Североатлантический союз — НАТО. Вслед за ним в 1951 г. был оформлен АНЗЮС (военный блок США, Австралии и Новой Зеландии). Осенью 1954 г. создается военный блок в Юго-Восточной Азии — СЕАТО, а в 1955 г. — Багдадский пакт, получивший после выхода из него Ирака наименование СЕНТО.

Государства, вошедшие в Североатлантический союз, предпринимали одну попытку за другой диктовать волю народам с помощью вооруженной силы. Уже на следующий год после образования НАТО американские империалисты развязали агрессивную войну в Корее, втянув в нее ряд партнеров по блоку. Англия начала колониальную войну в Малайе, Франция — в Индокитае, Португалия — в Анголе. Затем последовали другие агрессивные акции империалистов на Ближнем Востоке, в Азии, Африке. У границ Советского Союза и стран народной демократии усиленно создавались военные базы, проводились учения войск, в странах — участниках агрессивного Североатлантического блока нагнеталась военная истерия, разжигались антикоммунистические страсти.

Агрессивный курс западных империалистических государств принял еще более опасный характер после того, как Западная Германия, в связи с вступлением в силу 5 мая 1955 г. Парижских соглашений 1954 г., была включена в число участников Североатлантического союза. Руководящие круги ФРГ открыто проводили реваншистскую политику, выступали с территориальными притязаниями к социалистическим странам. Таким образом, к 1955 г. США и их партнеры в полном смысле слова опутали мир целой системой военно-политических союзов, направленных против стран социализма. Империалистические державы считали, что, действуя с «позиции силы», они смогут заставить Советский Союз, другие страны социализма пойти на уступки принципиального характера и тем самым обеспечить господствующее положение монополистическому капиталу.

В этих условиях страны социализма были вынуждены принять эффективные меры для надежного обеспечения своей безопасности. 14 мая 1955 г. в Варшаве социалистические государства Европы подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Это знаменательное событие явилось крупной вехой в истории братских народов. Оно положило начало существованию коалиции стран социализма, бдительно стоящей на страже их государственных границ, интересов и безопасности. Наряду с Советом Экономической Взаимопомощи Организация Варшавского Договора служит замечательным примером практического претворения в жизнь ленинской идеи единства и тесного союза социалистических стран, консолидации их политических, экономических и военных усилий для защиты революционных завоеваний.

На Западе давно толкуют о том, что военный блок НАТО, объединяющий США и их основных союзников — это, мол, «противовес» Организации Варшавского Договора. Такая версия полностью извращает действительное положение вещей. Достаточно напомнить, что Организация Варшавского Договора была создана на шесть лет позднее НАТО. Но дело не только в хронологической последовательности этих событий. Речь идет прежде всего о глубоком принципиальном различии между НАТО и Организацией Варшавского Договора, которое предопределено социально-политическими причинами, принадлежностью государств, входящих в эти союзы, диаметрально противоположным общественно-экономичес-

ким системам. Социалистическому обществу в силу самой его природы присуще стремление к миру и международной безопасности, к свободе и независимости народов. Капиталистическое же общество органически связано с эксплуатацией народов, экспортом контрреволюции, экспансией, агрессией, милитаризмом внутри и вовне.

Через призму этого особенно четко просматривается органическая черта блока НАТО — его причастность к «холодной войне», новым и новым турам гонки вооружений, многочисленным актам агрессии и локальным войнам, к политике неокOLONИализма и т. д. И, напротив, история свидетельствует, что за тридцать лет существования Организации Варшавского Договора ни один вооруженный конфликт — а их в мире возникло немало — не был порожден его деятельностью. Никогда эта деятельность не была направлена против суверенных прав того или иного народа, против его права самому определять свою судьбу. Создание Организации Варшавского Договора обозначило важную веху в становлении сотрудничества социалистических стран, оно стало принципиально новым явлением в развитии мирового социализма.

Варшавский Договор предусматривает не только оборонное, но и тесное политическое сотрудничество стран-участниц, находящее свое выражение в деятельности Политического консультативного комитета (ПКК). «Минувший период, — отметил XXVI съезд КПСС, — убедительно показал, какую влиятельную и благотворную роль играет в европейских, да и в целом в международных делах деятельность Организации Варшавского Договора, и прежде всего ее Политического консультативного комитета» [3]. Значение ПКК трудно переоценить. Оно определяется, во-первых, тем, что деятельность ПКК, являясь важнейшим средством сплочения суверенных стран социализма в Организацию Варшавского Договора, направлена на упрочение политических и военных основ этого союза. Во-вторых, деятельность ПКК служит прямым гарантом независимости стран — участниц Варшавского Договора. В-третьих, ПКК представляет собой один из решающих факторов дальнейшего упрочения политических и военных основ мирного сосуществования. Важным органом ПКК является Комитет министров иностранных дел. В его функции входит обмен мнениями и информацией по внешнеполитическим вопросам, подготовка рекомендаций для ПКК, разработка предложений по осуществлению его решений, а также рассмотрение вопросов по поручению Политического консультативного комитета.

Платформой деятельности ПКК служит Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС. В этой Программе, поддержанной коммунистическими и рабочими партиями братских социалистических стран, определены первостепенные задачи социалистической внешней политики на современном этапе мирового развития.

За тридцать лет своего существования Организация Варшавского Договора и ее высший орган — ПКК приобрели функции главного координирующего центра внешнеполитической деятельности входящих в нее государств. Сессии ПКК проходят поочередно в столицах государств — участников Договора. Как правило, совещания ПКК проводятся на уровне генеральных (первых) секретарей центральных комитетов коммунистических, рабочих партий и глав правительств стран — участниц Варшавского Договора.

На сессиях ПКК решены десятки крупных политических вопросов, имеющих важное значение для интересов каждой социалистической страны и всего содружества, оказывающих влияние на положение в Европе и в мире в целом. В ходе встреч обсуждались принципиальные направления, ключевые вопросы внешней политики, наиболее крупные внешнеполитические акции братских стран. Здесь принципы социалистической внешней политики воплощались в конкретные программы действий, направленные на упрочение позиций социализма и дела мира. Наряду с общеполитическими проблемами на сессиях ПКК рассматривались важнейшие вопросы, связанные с укреплением обороноспособности и выполнением обязательств по совместной обороне. Характерно, что обсуждение

актуальных вопросов всегда носило деловой характер, неизменно проходило в духе братского взаимопонимания и дружбы, на коллективной основе, когда каждый участник вносил свой вклад в решение той или иной проблемы.

Уже на первом совещании ПКК в январе 1956 г. была принята Декларация, призывавшая все европейские государства создать систему коллективной безопасности в Европе. На втором совещании, состоявшемся в Москве в мае 1958 г., ПКК принял решение обратиться к странам — членам НАТО с предложением заключить пакт о ненападении между ними и государствами Варшавского Договора. В январе 1966 г. это предложение, не встретившее положительного отклика в кругах НАТО, было вновь выдвинуто странами Варшавского Договора, и опять последовал отказ западных держав [4, с. 13, 40].

Большая забота о судьбах народов Европы была продемонстрирована участниками Варшавского Договора на совещании в июле 1966 г. Принятая тогда Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе предлагала созвать общеевропейское совещание государств, которое могло бы обсудить важнейшие проблемы Европы — налаживания сотрудничества, подготовки путей для практического претворения в жизнь системы коллективной безопасности [4, с. 81]. Эта важная политическая инициатива получила свое дальнейшее развитие и конкретизацию в Будапештском обращении стран Варшавского Договора ко всем европейским государствам, принятом в марте 1969 г. [4, с. 110, 129]. Намеченная в этом обращении конструктивная линия была еще раз подтверждена на совещании ПКК в Берлине в декабре 1970 г., которое приняло Заявление по вопросам укрепления безопасности и развития мирного сотрудничества в Европе.

Многолетние последовательные усилия Советского Союза и других участников Варшавского Договора, направленные на достижение разрядки напряженности в Европе, привели к созыву в 1975 г. общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству и подписанию высшими представителями 33 стран Европы, а также США и Канады Заключительного акта. Впервые в истории человечества в масштабе целого континента был принят документ, определивший нормы и принципы мирного сосуществования двух социальных систем.

В последние годы координация внешнеполитической деятельности социалистических государств поднялась на качественно новый уровень и с большим эффектом содействует успешному развертыванию их мирного наступления. В этом смысле весьма показательными являются итоги состоявшегося в ноябре 1978 г. совещания ПКК. В обстановке полного единодушия на совещании была принята Декларация «За новые рубежи в международной разрядке, за укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе». Участники совещания обратились ко всем государствам, подписавшим Заключительный акт общеевропейского совещания, с призывом взять обязательство не применять первыми ядерного оружия друг против друга. Были выдвинуты другие конкретные предложения, которые служат интересам мира.

Важный этап деятельности Организации Варшавского Договора ознаменовало собой совещание ПКК в Варшаве в мае 1980 г. В принятой на нем Декларации дан глубокий анализ современной европейской и международной обстановки, раскрыты причины ее обострения [4, с. 266]. Причины эти — в активизации империалистических сил, их стремлении взвинтить гонку вооружений, создании ими конфликтных ситуаций, что ведет к росту военной угрозы.

Инициативы, с которыми выступают Советский Союз и его союзники в борьбе за военную разрядку, включают широкий спектр предложений, направленных на осуществление как частичных, так и самых радикальных мер. Среди таких предложений — заключение всемирный договор о неприменении силы; сократить военные бюджеты, ликвидировать военные базы на чужих территориях; установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР, включая ядерные средства передового базирования в этом районе:

не создавать новые виды обычных вооружений большой разрушительной силы; ограничить развертывание новых подводных лодок — в США типа «Огайо» и подобных в СССР; укрепить гарантии безопасности неядерных государств, включая отказ от применения против них ядерного оружия, прекратить производство оружия и осуществить сокращение его запасов вплоть до полного их уничтожения. Участники Варшавского Договора предлагают, чтобы был создан авторитетный международный комитет, который показал бы жизненную необходимость предотвращения ядерной катастрофы.

Свидетельством глубокого чувства ответственности за судьбы человечества стал развернутый комплекс неотложных, действенных мер по стабилизации военно-стратегической ситуации в мире и Европе, который предложили социалистические страны в январе 1983 г. на совещании ПКК государств — участников Варшавского Договора. Их масштабной акцией стало предложение о заключении договора о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами — участниками двух военно-политических группировок — Варшавского Договора и НАТО. После принятия на себя Советским Союзом одностороннего обязательства не применять первым ядерного оружия это — еще одно, исключительно плодотворное в своей основе проявление доброй конструктивной воли СССР, всего социалистического содружества. Эта инициатива открывает возможность создать солидную основу для более доверительных отношений между государствами, принадлежащими к обеим военно-политическим группировкам.

Таким образом, предлагаемые Советским Союзом и другими социалистическими странами меры охватывают широкий круг вопросов. Они касаются и ракетно-ядерного, и обычных типов оружия, и сухопутных войск, и морских, и воздушных сил. Они затрагивают положение в Европе, и на Ближнем Востоке, на Среднем, на Дальнем Востоке. Все эти и другие предложения объединяет единая цель — создать все возможное, чтобы вывести народы из-под угрозы ядерной войны, сохранить мир на Земле.

Исторический опыт свидетельствует о том, что внешнеполитическую деятельность Организации Варшавского Договора характеризуют конкретность и конструктивность предлагаемых практических мер, которые отвечают общим интересам всех народов мира и полностью соответствуют целям и принципам ООН. Поэтому вполне естественно, что внешнеполитическая деятельность стран — участниц Варшавского Договора вызывает уважение всего прогрессивного человечества. Люди доброй воли во всем мире видят, что социалистическое содружество высоко несет знамя миролюбивой внешней политики, завещанной великим Лениным, что Организация Варшавского Договора выступает как могучий и действенный фактор мира и стабильности в международных отношениях.

Вместе с тем, социалистические страны ясно сознают, что существуют влиятельные империалистические силы, которые пытаются столкнуть мир в пучину истребительной термоядерной войны. В общественной структуре, экономических отношениях, политике империализма, прежде всего американского, сплелись воедино все наиболее экстремистские, наиболее воинственные, агрессивные и шовинистические линии развития современного капиталистического общества. Именно здесь и заключена главная опасность для мира.

Ныне империализм создал многообразную структуру, предназначенную для военно-политического противоборства с социалистической системой. Эта структура ориентирована на слом военно-стратегического равновесия, сложившегося между социализмом и капитализмом, на достижение в мире и в Европе империалистической гегемонии в попытке взять исторический реванш. Причем, на первый план этого пагубного для дела мира развития выдвигается альянс американского и западногерманского империализма. Вашингтон и Бонн стремятся превратить Западную и Центральную Европу в главный бастион военно-политической конфронтации с социализмом. Наиболее реакционные силы США ведут линию на смыкание с консервативными политическими и военными кругами ФРГ.

А западногерманская политика в свою очередь все более подгоняется под вашингтонские установки. Официальный Бонн, оказавшись в плену наиболее реакционных и авантюристических кругов современного империализма, резко сдвинул вправо свой политический курс. А это привело к дальнейшей активизации сил милитаризма и реваншизма в ФРГ.

Военные доктрины США и других стран НАТО, военно-стратегические концепции, которыми они руководствуются в строительстве своих вооруженных сил, отличаются крайней агрессивностью. Во главу угла ставятся достижение военного превосходства путем дальнейшего форсирования гонки вооружений, подготовка к нанесению ядерного удара первыми, к ведению «ограниченных», «затяжных» и прочих ядерных войн с расчетом одержать в них победу. Особую опасность представляют размещение на территории ряда западноевропейских стран американских ядерных ракет первого удара, агрессивный характер так называемого «плана Роджерса», нацеленного на применение как обычного, так и ядерного, а также химического оружия на всю глубину построения войск Варшавского Договора.

Советский Союз, другие страны социалистического содружества противопоставляют авантюристической политике агрессии империалистических держав политику мира и дружбы между народами. Политику не словесного, как со стороны империалистов, а действительного миролюбия. В то же время социалистические страны не могут не учитывать, что безудержная гонка вооружений, вероломство сил реакции и милитаризма обязывают их проявлять неослабную бдительность, неустанно заботиться об укреплении своей обороноспособности. Действия руководителей США, направленные на изменение в свою пользу военного равновесия, вынудили Советский Союз и другие социалистические страны принять ответные меры. Цель этих мер — обеспечить свою безопасность и сохранить равновесие ядерных сил.

Важная миссия в защите социалистических стран, безопасности народов выпала на вооруженные силы стран Варшавского Договора, поскольку они противостоят основной группировке войск главных империалистических государств — членов агрессивного Североатлантического блока. НАТО — это инструмент авантюристических кругов империализма для усиления гонки вооружений, нагнетания военной опасности. И если империалистам не удалось втянуть народы в новую мировую опустошительную войну, то в этом прежде всего заслуга Советского Союза и других социалистических стран, создавших Организацию Варшавского Договора, зорко оберегающую социализм, мир и безопасность народов.

Государства Варшавского Договора не раз отрезвляюще действовали на империалистических агрессоров и заставляли их отказываться от своих разбойничьих планов. Так было в 1956 г., когда Советский Союз оказал братскую помощь венгерскому народу в ликвидации контрреволюционного мятежа, развязанного внутренней реакцией при непосредственной поддержке международного империализма. В 1961 г. была сорвана империалистическая провокация против Германской Демократической Республики. Наглядным проявлением силы пролетарского интернационализма была помощь союзных государств в 1968 г. братскому народу Чехословакии в защите социалистических завоеваний, оказавшихся под угрозой в результате действий внутренней контрреволюции и международной реакции.

За последние годы Организация Варшавского Договора значительно окрепла. В Объединенные вооруженные силы каждая союзная страна выделила определенные контингенты войск и флотов. Их численность, состав, а также организация, оснащение вооружением и техникой и другие связанные с этим вопросы определяются правительством каждого государства с учетом рекомендаций ПКК и Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами в соответствии со своими экономическими и военными возможностями.

Выделенные в Объединенные вооруженные силы войска и военно-морские силы остаются в подчинении национальных министерств обороны. Их жизнь и деятельность регламентируются существующими в госу-

дарствах — участниках Варшавского Договора законами, положениями и воинскими уставами. Министерства обороны союзных стран несут полную ответственность за состояние, оснащение, боевую готовность, воинское и политическое воспитание личного состава выделенных войск и сил флота [5].

Объединенные вооруженные силы включают в себя Сухопутные войска, Войска противовоздушной обороны, Военно-воздушные силы и Военно-морские силы. За время своего существования все эти виды вооруженных сил получили значительное качественное развитие и в настоящее время имеют современную организацию, новейшую военную технику и оружие, паходятся в надлежащей степени боеспособности и боевой готовности.

Сухопутные войска Объединенных вооруженных сил располагают ракетными установками оперативно-тактического назначения, современными танками и бронетранспортерами, ствольной и реактивной артиллерией, противотанковым вооружением, средствами защиты от ударов с воздуха и другими видами вооружения и техники.

Войска противовоздушной обороны оснащены и организованы так, что они в состоянии вести успешную борьбу с воздушными средствами противника. В своем составе они имеют зенитные ракетные войска, истребительную авиацию, радиотехнические и специальные войска различного назначения. Основу их боевой мощи составляют зенитные ракетные многоканальные комплексы с высокой эффективностью поражения воздушных целей, авиационные комплексы перехвата и радиотехнические системы.

Военно-воздушные силы оснащены сверхзвуковыми самолетами с автоматизированными системами управления оружием и полетом, разнообразным вооружением с мощными энергетическими установками, а также вертолетами. Поступление в авиацию самолетов с изменяемой геометрией крыла позволило улучшить взлетно-посадочные свойства сверхзвуковых самолетов, а также увеличить продолжительность полета на дозвуковых режимах.

Военно-морские силы имеют в своем составе вооруженные ракетами подводные и надводные боевые корабли различных классов, современные десантные корабли, авиацию, береговую и зенитную артиллерию, а также морскую пехоту, оснащенную разнообразным оружием и необходимыми боевыми техническими средствами, что делает ее способной оказывать действенную поддержку сухопутным войскам на приморских направлениях.

Основу боевой мощи Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора составляют контингенты войск и сил флота, выделенные в их состав Советским Союзом. Они оснащены всеми современными средствами ведения войны и обладают большими боевыми возможностями.

Над укреплением оборонной мощи союзных стран и их вооруженных сил плодотворно работают военные органы Организации Варшавского Договора: Комитет министров обороны, Объединенное командование, Военный совет, Штаб, Технический комитет и некоторые другие.

Важная роль в совершенствовании обороноспособности братских стран принадлежит учрежденному в 1969 г. Комитету министров обороны государств — участников Варшавского Договора. Работа этого органа получила высокую оценку XXVI съезда КПСС. «Слаженно велось, — отмечено в Отчетном докладе съезду, — строительство Объединенных вооруженных сил. И тут, как всегда, хорошую работу проделал Комитет министров обороны» [6]. В состав Комитета входят министры обороны союзных государств, Главнокомандующий и начальник Штаба Объединенных вооруженных сил. Комитет министров обороны — постоянно действующий военный орган. На его заседаниях решаются наиболее важные вопросы укрепления обороны союзных государств, развития и совершенствования Объединенных вооруженных сил, повышения их боевой готовности.

Важные задачи решает Объединенное командование, в состав которого входят Главнокомандующий вооруженными силами, который по существ-

вующему положению назначается решением правительств государств — участников Варшавского Договора из числа военачальников любого государства — участника Варшавского Договора и в своей деятельности руководствуется решениями этих правительств и указаниями ПКК. С января 1977 г. Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами является Маршал Советского Союза В. Г. Куликов. В состав Объединенного командования входят: начальник Штаба Объединенных вооруженных сил — первый заместитель Главнокомандующего генерал армии А. И. Гривков (с октября 1976 г.), заместители Главнокомандующего, в том числе от каждой союзной армии, которые также назначаются правительствами соответствующих государств — участников Варшавского Договора.

О результатах деятельности Объединенного командования Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами периодически докладывает ПКК, правительствам и Комитету министров обороны государств — участников Варшавского Договора.

Заместители Главнокомандующего от национальных армий, являющиеся, как правило, заместителями министров обороны, осуществляют широкую деятельность по подготовке национальных контингентов войск, выделенных в состав Объединенных вооруженных сил, по поддержанию их в высокой степени боевой готовности. Свою работу они проводят в тесном взаимодействии с органами военного руководства Организации Варшавского Договора, в частности с Военным советом и Штабом Объединенных вооруженных сил.

В союзных армиях с согласия соответствующих правительств находятся представители Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами, которые оказывают национальному командованию помощь в подготовке войск, выделенных в Объединенные вооруженные силы, а также в поддержании постоянных и тесных контактов между Объединенным и национальным командованиями. Являясь высокоподготовленными генералами и офицерами, имеющими богатый опыт руководства войсками, они вносят существенный вклад в дело укрепления боевого содружества между союзными армиями, повышения боевой готовности Объединенных вооруженных сил.

Военный совет Объединенных вооруженных сил, в состав которого входят Главнокомандующий (председатель), начальник Штаба, заместители Главнокомандующего, работает на коллективных началах. На заседаниях Военного совета анализируются вопросы боевой и мобилизационной готовности Объединенных вооруженных сил, организационной структуры войск и военно-морских сил, регулярно обсуждаются меры по совершенствованию систем вооружения и военной техники, улучшению управления войсками и военно-морскими силами, мероприятия, направленные на совершенствование боевой подготовки союзных армий, а также другие вопросы, касающиеся укрепления Объединенных вооруженных сил.

Штаб Объединенных вооруженных сил занимается всем, что связано с жизнью и деятельностью войск и флотов. Будучи органом управления Главнокомандующего и рабочим органом Комитета министров обороны, Штаб работает в тесном содружестве с генеральными (главными) штабами национальных армий. Он планирует текущие и перспективные совместные мероприятия по оперативной и боевой подготовке, обобщает опыт обучения войск и флотов, вырабатывает рекомендации по его использованию. Штаб Объединенных вооруженных сил разрабатывает и проводит совместные маневры, учения, военные игры, сборы, совещания, тренировки. Он обеспечивает также заседания Комитета министров обороны и Военного совета Объединенных вооруженных сил, заботится о претворении их решений и рекомендаций в боевую практику войск и штабов, об укреплении боевого содружества союзных армий. Штаб укомплектован генералами и офицерами семи союзных армий. Партийные организации в Штабе созданы по принципу принадлежности к коммунистическим и рабочим партиям союзных стран и действуют самостоятельно. Вместе с тем их работа ведется согласованно, в духе дружбы и войскового товарищества.

Важное место среди органов Объединенных вооруженных сил занимает

Технический комитет. Он решает задачи, связанные с развитием и совершенствованием вооружения и техники, их стандартизацией и унификацией, осуществляет координацию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с целью оснащения армий государств — участников Варшавского Договора новыми видами вооружения и техники. Деятельность Технического комитета базируется на возросших экономических и научных возможностях каждой союзной страны. Она осуществляется в тесном контакте с соответствующими национальными органами, ведающими вооружением и техникой в армиях государств — участников Варшавского Договора.

Объединенные вооруженные силы тесно взаимодействуют с национальными народными армиями, жизнь и боевая учеба которых с каждым годом все больше характеризуется наличием общих черт. Во-первых, происходит совершенствование и дальнейшее улучшение качественных показателей боевой и политической учебы, боевой готовности, дисциплины и организованности в соответствии с требованиями коммунистических и рабочих партий братских стран. Это отвечает требованиям исторической необходимости, вытекающей из сложной международной обстановки. В решении этих задач все более важную роль приобретает социалистическое соревнование. Во-вторых, происходит органическое соединение военно-технических и социальных изменений, характерных для вооруженных сил. Братские партии учитывают в военной политике, что современное оружие и боевая техника не только обеспечивают надлежащую боевую мощь вооруженных сил, но и вносят серьезные изменения во все области военного дела. Они вызывают необходимость совершенствования структуры войск, форм и способов их боевых действий, нередко меняют характер самой воинской службы, жизни и быта личного состава. Все это предъявляет высокие требования к воинам союзных армий, их идейно-политической закалке, физической выносливости, общеобразовательному и культурному уровню, к их способности преодолеть все трудности боевой учебы и добиться высоких показателей в воинском мастерстве. В-третьих, все более отчетливо проявляется такая характерная черта, как расширение и углубление процесса идейного, духовного, культурного сближения братских армий, основанного на укреплении социалистического строя и социалистической идеологии, на росте морально-политического единства народов дружественных социалистических стран. Это великое духовное завоевание братских социалистических армий. В-четвертых, усиливаются взаимные связи братских социалистических армий. Боевое содружество с каждым годом обогащается новым опытом. Эта тенденция постоянно развивается, ее действие усиливается, ибо за ней стоят объективные потребности. Она является плодом все возрастающих и последовательных усилий КПСС, коммунистических и рабочих партий братских социалистических стран, строгого соблюдения и воплощения в жизнь принципов социалистического интернационализма.

Важнейшим направлением упрочения сотрудничества и боевого содружества вооруженных сил является координация усилий союзных стран в вопросах укрепления обороны, систематический обмен опытом строительства и развития национальных армий, оперативной и тактической подготовки войск, повышения их боевой готовности. Основную роль в этом играют усилия государственных органов, национальных министерств обороны, генеральных (главных) штабов стран Варшавского Договора, Комитета министров обороны, Объединенного командования, Военного совета, Штаба и других органов Объединенных вооруженных сил.

Особенность обмена опытом между союзными армиями заключается в том, что он охватывает все звенья механизма Объединенных вооруженных сил. По планам Объединенного командования организуются двусторонние или многосторонние консультации, заседания рабочих групп соответствующих специалистов, проводятся показательные занятия и сборы. Для таких занятий, в частности, характерно широкое комплексирование тактической, огневой, строевой и других видов подготовки, а также применение сложной военной техники, новых приемов и способов морально-

политической подготовки. На занятиях происходит ознакомление с методикой использования новых технических средств обучения, отработка наиболее сложных задач и тем боевой подготовки, ознакомление с опытом оборудования полигонов, стрельбищ, учебных полей, классов и т. д. Так, лишь на одном методическом сборе представители союзных армий продемонстрировали в общей сложности более 250 технических средств обучения [7]. Лучшие из этих средств командование каждой армии рекомендовало для внедрения в практику обучения своих воинов. Таким путем творческие методические замыслы отдельных армий становятся достоянием всех вооруженных сил Варшавского Договора, сокращаются затраты сил и времени на организацию наиболее эффективного обучения личного состава.

Широкое, творческое освоение опыта братских армий в военном строительстве, в подготовке войск позволяет использовать все ценное, усиливает тенденцию возрастания общего в военной деятельности социалистических стран и укрепляет их военный союз, боевое содружество их армий.

Исключительно большая роль в укреплении и развитии военного сотрудничества стран — участниц Варшавского Договора отводится совместным командно-штабным, специальным и войсковым (флотским) учениям и играм. За последние годы по согласованию заинтересованных сторон по плану Объединенного командования проведен ряд совместных учений. Они были самыми различными по размаху, направленности, назначению, по участию видов вооруженных сил и родов войск. Серия учений под кодовым названием «Щит» была проведена, в частности, в 1976—1979 гг. За ними последовали учения «Братство по оружию-80», «Союз-81», «Щит-82», «Союз-83», «Союз-84», «Щит-84», к которым привлекались командующие, командиры и штабы, а также отдельные части и соединения союзных армий. Такие комплексные учения позволяют достигать одновременно нескольких учебных целей: повышать уровень оперативной, тактической и полевой (морской) подготовки военачальников и штабов сразу двух-трех инстанций; улучшать и находить новые способы взаимодействия между штабами и войсками (силами флотов) различных союзных армий; добиваться единства взглядов в применении войск, сил флотов и военной техники для решения типовых оперативно-тактических задач.

По итогам учений делаются теоретические выводы и даются практические рекомендации по внедрению их в практику обучения войск. Учениями руководят министры обороны, Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами, заместители министров обороны и другие руководящие лица. В подготовке и проведении учений участвуют опытные генералы и офицеры союзных армий, что обуславливает их высокую результативность.

Совместные учения — это подлинная школа дружбы и боевого товарищества воинов братских армий. Решая в их ходе общие задачи, воины братских армий ближе узнают друг друга, проникаются еще более глубоким уважением и доверием к товарищам по оружию, обмениваются опытом, умножают традиции боевого братства. Учения изобилуют многочисленными примерами оказания товарищеской взаимопомощи и взаимовыручки воинов союзных армий.

Учения сопровождаются большой партийно-политической работой среди воинов и местного населения, направленной на укрепление дружбы между народами братских стран, на воспитание любви трудящихся масс к воинам социалистических армий, на укрепление связей армий с народами, строящими социализм и коммунизм.

Совместные учения — яркая демонстрация прогрессирующего процесса всестороннего сближения армий социалистических государств, повышения их боевой выучки, силы и мощи.

Ощутимые взаимовыгодные результаты дает военно-техническое сотрудничество. В общих чертах его можно определить как выработку странами — участницами Варшавского Договора единой согласованной военно-технической политики, направленной на обеспечение братских армий совершенными образцами вооружения и военной техники. Военно-техни-

ческое сотрудничество позволяет обеспечить высокую техническую оснащенность армий социалистических государств, модернизацию вооружения и военной техники, разработку новых, более совершенных образцов. Ведущую роль здесь играет Советский Союз. Располагая мощным военно-экономическим потенциалом и научно-технической базой, он оказывает необходимую помощь братским странам в укреплении их оборонной мощи. СССР, исходя из общих интересов социалистического содружества, осуществил в послевоенный период поставки новейшей военной техники, оружия и других военных материалов, которые обеспечили военно-техническое перевооружение социалистических армий, а также сделал большой вклад в развитие современной военной промышленности братских стран. Осуществляются не только прямые поставки новых видов оружия и военной техники братским странам, но и передаются лицензии и техническая документация на их производство, проводятся совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, широко применяются научно-технические консультации. Особое внимание братские страны обращают на все более полное использование преимуществ международного социалистического разделения труда в этих целях и на еще более тесную координацию научно-исследовательских работ по совершенствованию имеющейся и созданию новой военной техники и вооружения.

Согласование усилий в развитии военной теории, разработке единых взглядов на характер и способы ведения возможных войн, которые могут навязать империалисты, единый подход к подготовке армии каждой страны социалистического содружества для разгрома агрессора с применением современных средств борьбы также служат одним из важнейших направлений сотрудничества. Тесное единение советской военно-научной мысли с военно-научной мыслью братских стран дает возможность более целенаправленно решать сложные вопросы военной теории, углублять научные исследования, строить боевую подготовку на единых принципиальных основах, с учетом как общих интернациональных задач, так и национальных особенностей каждой армии. В этих целях установлены деловые контакты между военно-научными учреждениями, регулярно проводятся теоретические конференции, практикуется совместная разработка военно-исторических трудов, осуществляется широкий обмен мнениями на страницах военно-теоретических изданий. В результате сотрудничества в области военной науки приняты общие важнейшие нормативы, совпадающие в своих основных положениях уставы, руководства и наставления, впитавшие в себя богатый боевой опыт Советских Вооруженных Сил и других дружественных армий.

Действенным фактором дальнейшего укрепления дружественных связей социалистических армий является взаимопомощь в подготовке офицерских кадров. Особенно значительный вклад в это дело вносят Советские Вооруженные Силы. Военные академии и высшие военные училища Советского Союза стали настоящей кузницей командных, военно-политических и военно-технических кадров для братских армий. Вместе с офицерскими кадрами, прошедшими подготовку в своих странах, они составляют золотой фонд союзных армий.

Совместное обучение командных, политических и инженерных кадров вооруженных сил стран Варшавского Договора в училищах и академиях способствует не только укреплению дружбы, но и выработке единого понимания вопросов тактики и оперативного искусства, применения военной техники и средств управления войсками.

Тесные контакты установлены между военными академиями и училищами братских социалистических стран. Производится взаимный обмен делегациями профессорско-преподавательского состава с целью изучения передового опыта, оказания помощи в налаживании учебного процесса, в совершенствовании учебно-материальной базы.

Важным средством дальнейшего укрепления сотрудничества социалистических армий, дружбы между военнослужащими, сплочения их в единую боевую семью являются контакты политических органов союзных вооруженных сил. В этих целях практикуется обмен визитами делегаций

политработников братских стран. При встречах представителей главных политических управлений, полуправлений видов вооруженных сил, военных округов и групп войск, политработников соединений и частей на конференциях, семинарах осуществляется плодотворный обмен опытом боевой выучки войск, марксистско-ленинской подготовки офицеров, проведения политзанятий с солдатами и сержантами, организации соревнования и других форм обучения и воспитания воинов социалистического содружества. Весьма ценен широкий обмен опытом идеологической работы, направленной на воспитание у воинов высоких морально-политических качеств, революционной бдительности, классовой ненависти к империалистам.

Советские военные делегации приглашаются на празднование годовщины освобождения стран и отдельных городов от немецко-фашистских захватчиков. Члены этих делегаций выступают на митингах, встречаются с воинами братских армий, проводят большую работу по разъяснению роли и вклада Советского Союза и его Вооруженных Сил, а также народов и армий союзных стран в разгром гитлеровской Германии и освобождение многих европейских стран от фашизма.

Сотрудничество политорганов армий стран Варшавского Договора, богатство совместных форм интернационального воспитания стали ныне органической частью общего комплекса отношений между вооруженными силами братских социалистических стран.

Совершенствуются формы связей между военно-морскими флотами социалистических государств. За последние годы корабли советского Военно-Морского Флота заходили с дружественными визитами в Польшу, Болгарию, Румынию, ГДР, Венгрию, Чехословакию. С визитами дружбы в Советском Союзе побывали польские, румынские, болгарские военные моряки и моряки Народного военно-морского флота ГДР. Такие визиты, как правило, сопровождаются проведением большого количества политико-массовых мероприятий, в которых вместе с моряками союзных флотов участвуют представители трудящихся дружественных стран.

Успешно развиваются спортивные связи. С 1958 г. постоянно действует Спортивный комитет дружественных армий (СКДА), ставший авторитетной международной армейской спортивной организацией. Его деятельность проходит под девизом «За дальнейшее укрепление дружбы и братства по оружию между армиями стран социалистического содружества».

Тесное боевое содружество установилось между воинами групп советских войск, временно расположенных на территории ГДР, Венгрии, Польши и Чехословакии, и армиями этих стран. Воины групп советских войск свято выполняют свой интернациональный долг. Для укрепления дружбы и единства с воинами братских армий используется богатый арсенал связей: совместные учения, тренировки, обмен опытом по самым различным вопросам, встречи отличников боевой и политической подготовки, вечера дружбы и боевого содружества, встречи с ветеранами рабочего и коммунистического движения, рабочими предприятий, сельскохозяйственных кооперативов, интеллигенцией, студентами и школьниками, обмен коллективами художественной самодеятельности и армейских ансамблей, совместные просмотры кинофильмов, экскурсии, посещение историко-революционных мест, музеев, выставок, спортивные мероприятия.

Развивающийся процесс сближения армий социалистических стран не стирает, разумеется, их национальной специфики, исторических особенностей. Тесное взаимодействие обогащает братские армии более совершенными методами повышения боевой готовности, опытом друг друга, дает возможность коллективными усилиями преодолеть возникающие сложности, повышает международное значение Организации Варшавского Договора. ЦК КПСС доложил XXVI съезду партии: «...военно-политический оборонительный союз стран социализма верно служит миру» [6].

Тенденция к единству и сплоченности социалистических стран и их армий, будучи объективной закономерностью, не проявляется, однако, автоматически. Ее успешное развитие требует неустанных усилий и внимания. И здесь решающая роль принадлежит постоянно укрепляемому

и расширяемому сотрудничеству между марксистско-ленинскими партиями, стоящими у руководства странами социализма.

Одним из основных факторов является возрастание сложности и масштабности задач совместной обороны против агрессивных устремлений международного империализма и его военных блоков, прежде всего НАТО. Империализм наращивает гонку вооружений, укрепляет свои армии, создает и всемерно раздувает военные очаги в различных уголках земного шара. Особо крутой поворот в политике США и ряда других стран НАТО произошел на рубеже 80-х годов, когда в них взяли верх сторонники использования силы в международных отношениях, поставившие цель добиться военно-стратегического превосходства над Советским Союзом и другими странами Варшавского Договора, изменить соотношение сил в мире в свою пользу. Застрельщиком лихорадочных военных приготовлений выступают Соединенные Штаты Америки. При этом в центре их внимания находится наращивание ударной мощи стратегических сил. Безудержная гонка вооружений осуществляется и западноевропейскими странами — участниками блока НАТО: Великобританией, Федеративной Республикой Германии и др. В армиях капиталистических государств усиленно ведется подготовка к боевым действиям. Блок НАТО постоянно расширяет масштабы и количество военных учений и маневров, которые принимают все более агрессивный характер и откровенную направленность против стран Варшавского Договора.

Рост милитаризма и реваншизма, настойчивые попытки стран НАТО добиться военно-стратегического превосходства над государствами Варшавского Договора не могут быть оставлены без ответа. В этих условиях очевидна необходимость дальнейшего укрепления оборонительной Организации Варшавского Договора, военного сотрудничества братских государств. Возрастает ответственность коммунистических и рабочих партий за своевременную разработку и реализацию эффективных мер по противодействию возможной агрессии со стороны реакционных империалистических сил. Объективные условия повышают роль коммунистических и рабочих партий в совместном руководстве деятельностью военной Организации Варшавского Договора.

Современное общественное развитие характеризуется возрастанием масштабов и глубины влияния внешней политики социализма на международные отношения и, прежде всего, на такие жизненно важные вопросы, как вопросы войны и мира, разрядки международной напряженности, утверждение принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

В рамках Организации Варшавского Договора координация внешнеполитической деятельности достигла такого уровня, когда коммунистические и рабочие партии согласовывают единые действия в осуществлении не только отдельных внешнеполитических акций, но и обширных программ, представляющих целый комплекс больших по объему и сложности решения задач, имеющих огромное значение для безопасности социалистических стран и международного мира.

Быстрая смена событий в современном мире, их скоротечность часто требуют немедленной согласованной реакции на происходящие явления в международных отношениях. Все это поднимает роль коллективного органа по координации внешней политики стран Варшавского Договора — Политического консультативного комитета.

Обострение в современных условиях идеологического противоборства на международной арене вызывает необходимость тесной координации деятельности коммунистических и рабочих партий в борьбе против буржуазных идеологов, правых и «левых» оппортунистов, пытающихся опровергнуть или ревизовать марксистско-ленинское учение о войне и армии, оправдать рост милитаризма, гонку вооружений в капиталистических странах, агрессивные акции империализма, извратить истинные цели и характер военно-политического союза социалистических стран. Важной целью идеологических диверсий империализма является подрыв единства государств — участников Варшавского Договора, военно-экономического, на-

учно-технического, морально-политического и военного потенциалов, ослабление коллективной оборонной мощи братских стран.

Происходящая научно-техническая революция в военном деле, создание и совершенствование оружия массового поражения как никогда остро ставят проблему соотношения между потребностями надежной обороны от империалистической агрессии и возможностями ее обеспечения отдельными странами. В этой связи неизмеримо возросла зависимость укрепления обороны от состояния экономических и научно-технических связей социалистических стран. Только опираясь на тесное сотрудничество, на экономическую и научно-техническую базу Советского Союза, можно успешно решать задачи количественного и качественного обеспечения военной техникой и оружием каждой братской армии. Эти обстоятельства, в частности, требуют более полного использования преимуществ социалистической экономической интеграции для укрепления материально-технической базы коллективной обороны стран социалистического содружества, совершенствования координации их военно-технической политики.

Научно-техническая революция и использование ее достижений в военном деле, оснащение армий современным оружием, характер войны, которая может быть навязана империализмом, привели к повышению роли морального фактора в войне, выдвинули чрезвычайно высокие требования к морально-политической и психологической подготовке вооруженных сил и народов социалистических государств. При этом она имеет не только национальный, но и интернациональный аспект. В связи с этим возрастает роль марксистско-ленинских партий в интернациональном воспитании трудящихся государств — участников Варшавского Договора и воинов их армий в наращивании морально-политического потенциала, способного сыграть важную роль в коллективной вооруженной защите революционных завоеваний.

Возрастание роли коммунистических и рабочих партий в организации интернациональной защиты социализма вызывается повышением значения теории научного коммунизма, необходимостью ее творческого развития и, в частности, дальнейшего развития марксистско-ленинского учения о войне и армии, научного анализа актуальных военно-теоретических проблем во всех областях военного строительства, военного искусства, руководства и управления войсками, совершенствования оперативной, боевой, морально-психологической подготовки Объединенных вооруженных сил стран Варшавского Договора.

В условиях научно-технической революции, как никогда ранее, усилилась взаимосвязь социально-политических, экономических, научно-технических, идеологических и собственно военных факторов в вооруженной защите социализма. В связи с этим перед братскими партиями стран Варшавского Договора встают задачи поиска наиболее оптимальных путей комплексного решения вопросов коллективной защиты завоеваний социализма при тесном сочетании национальных и интернациональных интересов социалистических стран.

На современном этапе возрастает международное значение оборонной мощи социалистических государств; именно она является главным препятствием для империализма в развязывании мировой и локальных войн, в экспорте контрреволюции. В особой степени возрастает интернациональное значение военно-политического союза социалистических государств. В Организации Варшавского Договора народы социалистических стран, все прогрессивные люди на земле видят надежного стража революционных завоеваний и мира на нашей планете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 98.
2. Правда, 1984, 17 июня.
3. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 9.
4. Организация Варшавского Договора. Документы и материалы. 1955—1980. М., 1980.
5. Варшавский Договор — союз во имя мира и социализма. М., 1980, с. 163.
6. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 6.
7. Советский воин, 1980, № 9, с. 6.

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Культура, литература и искусство относятся к той сфере контактов между народами, которые во многом способствуют их взаимопониманию и сближению, формируют интеллектуальное и эмоциональное отношение к духовным ценностям, накопленным человечеством. «Культурный обмен,— констатирует Л. Г. Федосеева,— одна из древнейших закономерностей цивилизации. История духовной жизни людей нового времени не знает ни одного примера культурного развития стран без международных связей — философских, научных, литературных, музыкальных, изобразительных» [1, с. 183].

Культурный обмен имеет выдающееся значение в формировании гуманистических позиций. Он играет особую роль в отношениях между странами социалистического содружества [2], оказывает большое влияние на деятельность учреждений, служащих распространению культуры и на все культурное строительство. Подписанный 21 апреля 1945 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и СССР создал благоприятные условия для взаимного обогащения культурными ценностями обеих стран. Польско-советское культурное сотрудничество обладает обширным и прочным опытом, о чем свидетельствуют переводы литературных произведений, обмен художественными выставками, музыкальными коллективами, демонстрации кинофильмов и театральных постановок. В рамках обоюднo проводимых дней культуры, литературы и искусства были представлены достижения в области театра и кинематографии, литературы и поэзии, проводились фестивали песен и художественной самодеятельности, вечера музыки и декламации, выступали симфонические и камерные оркестры, балетные и фольклорные ансамбли. Большим успехом у посетителей пользовались научные и промышленные, исторические и издательские выставки, а также экспозиции скульптуры и плаката, графики и медальерства, живописи и художественных тканей, портрета и прикладного искусства, фотографии и книжной иллюстрации.

Идеологическую основу сближения польской культуры и культур народов СССР составляют следующие факторы и предпосылки:

1) прочные общечеловеческие гуманистические ценности, содержащиеся в традициях наших народов, унаследованные и хранимые социалистической культурой; 2) те новые ценности, которыми в настоящее время социалистический гуманизм обогащает и развивает культурные традиции наших народов, отмеченные этническим родством, многовековым соседством, общими революционными усилиями и борьбой с фашизмом в годы войны; 3) общность стремлений и идеалов рабочего класса и общность интересов наших народов, которая особым образом выражается в сфере культуры ¹.

¹ В 1980—1982 гг. в связи с общественно-политическим и идеологическим кризисом в Польше часть деятелей польской культуры пыталась подвергнуть сомнению и дискредитации сущность и смысл польско-советского культурного сотрудничества (Подробнее об этом см. [3—5]).

Изменяя общество и укрепляя свою руководящую роль, рабочий класс одновременно определяет свое отношение к прошлому и его культуре. Это вынуждало, например, после Октябрьской революции решать многие неоднозначные и трудные проблемы. Однако в Польше, особенно в консервативных интеллигентских кругах, имело место непонимание сущности и смысла революционных преобразований и дальнейших судеб русской культуры [6, s. 397]. Русская литература после 1917 г., продолжала лучшие традиции классической литературы и развивая ее «гигантский размах», обогатилась новыми, социалистическими идеалами и ценностями, умножила свои успехи, занимая прочное место среди наиболее выдающихся достижений мировой литературы XX в. Она была известна, переводилась и ценилась в Польше уже в межвоенный период [7—13].

Советская литература, культура и искусство создают особый комплекс ценностей, сформированный на социалистической общественно-экономической базе в сложном историческом процессе, объединяющем разные национальные культуры и традиции при их одновременном всестороннем развитии и переработке в современную социалистическую культуру. И хотя сейчас советская литература создается на 78 языках народов СССР и каждая из национальных литератур обладает собственным генезисом, историей и своим творческим обликом, вместе они создают целое, обладающее едиными эстетическими критериями, гуманистическими идеалами и общественными основами.

Советская литература, таким образом, является не механическим соединением отдельных национальных литератур. Прежде всего она объединена творческим методом социалистического реализма — проявлением познавательно наиболее ценного отражения действительности и глубокого убеждения, что человек может и должен сознательно формировать мир, преобразовать его в соответствии со своей волей, убеждениями и способностями. «Социалистический реализм, — как пишет В. Навроцкий, — это концепция познавательно богатого искусства, материалистически ориентированного на освещение основных конфликтов эпохи с точки зрения ведущего класса, пролетариата. Искусство социалистического реализма стремится быть не только выражением исторического процесса, но и его активной частью, соратником в создании завтрашнего дня освобожденного человека. В таком подчинении интересам общества ставится в искусстве социалистического реализма и проблема творческой свободы и долга художника участвовать в активной борьбе за осуществление идеалов революции и социализма» [14, 15].

Основная ориентация, с одной стороны, на новую концепцию литературного героя, участвующего в борьбе за революционное преобразование мира, творчески относящегося к своему профессиональному труду, активного в общественной деятельности и повседневной жизни, и — с другой стороны — на расширение сферы гуманизма за счет новых интеллектуальных ценностей путем обогащения духовной жизни человека, принесла в процессе развития советской художественной литературы исключительно весомые результаты. Используя определение Б. Суходольского двух вариантов социалистической концепции человека, можно сказать, что советская литература с успехом осуществляет эти «две перспективы: человек-деятель и всесторонний человек» [16, s. 179—181]. Анализируя тип «человека-деятели», Б. Суходольский пишет: «Его деятельность бывает различной в зависимости от обстоятельств, выдвигающих задачи; это может быть революционная и политическая деятельность, может быть хозяйственная активность и сражение на поле боя. С первых дней Октябрьской революции формировался тот тип деятеля, на котором лежала ответственность за судьбы страны и общественного перелома. Покорные, темные, угнетенные люди находили свое призвание, мобилизовали свою волю, переходили к отважным действиям. Ленин, вдохновляя это великое пробуждение масс, в своей повседневной политической работе увидел, как в процессе построения новых условий общественной жизни формируются новые люди.

Советский роман — от „Как закалялась сталь“ до „Волоколамского

шоссе“ и „Далеко от Москвы“ — показывал те процессы перемен, которым наука о человеке еще не уделила достаточного внимания. А ведь это были процессы, в которых с людей спадала маска безразличия и унижения, открывался их новый облик — они становились полны энергии и надежды, готовы на любые жертвы и усилия» [16, s. 179—180].

Между типами «человека-деятеля» и «всестороннего человека» нет антагонистических противоречий. Между ними существует своеобразная диалектическая связь, в которой «выражается принципиальная полярность человеческой жизни», поскольку «одинаково глубока потребность человека в жертвенном служении и в радости личного переживания полноты жизни» [16; s. 180—181]. Отражая эти явления, советская литература обрела универсальные достоинства. Родился, развился и упрочился новый тип литературы — социалистической по содержанию и национальной по форме.

Практическое воплощение ленинской концепции социалистического гуманизма в сфере духовной жизни советского человека находит свое прекрасное выражение как в уважении к общечеловеческим культурным ценностям и к наследию отдельных народов, так и в творческом развитии и умножении гуманистических завоеваний прошлого, в формировании союза культур народов мира. Это утверждение служит также верным критерием при рассмотрении польской тематики в советской литературе. Мотивы и сюжеты, впечатления и реминисценции, связанные с Польшей, ее историей и культурой — это элементы, активно присутствующие в творчестве многих советских писателей. В подходе к этой теме и ее творческой интерпретации они охотно обращаются к общим прогрессивным традициям. В сознании достойнейших сыновей России Польша всегда оставалась значительным для мировой культуры и цивилизации явлением. Польша, ее история, наука, культура и искусство, польское освободительное движение, обретая свое отражение в русской литературе, формировали отношение русского общества к так называемому польскому вопросу. Для прогрессивного русского общественного мнения «польский вопрос» становился пробным камнем революционности, а суверенность Польши — необходимым условием мира, дружбы и конструктивного сотрудничества между нашими народами.

В советской литературе, затрагивающей и углубляющей темы, связанные с Октябрьской революцией, гражданской войной и великими социалистическими преобразованиями в СССР, часто звучит мотив классовой солидарности рабочих и крестьян Советской страны и Польши. Многочисленные свидетельства этого мы находим в поэзии Маяковского, Асеева, Бедного, Луговского, Безыменского, Казина и многих других советских поэтов. Образцом и символом революционного братства становится образ Феликса Дзержинского. Этот «вечный огонь» и «рыцарь революции» прочно вошел в советскую литературу.

Хочется особо подчеркнуть, что польская культура внесла свой значительный вклад в ту великую гуманистическую традицию, к которой обращается и из которой черпает советская литература. Так, например, поэзия А. Мицкевича прочно вошла в обиход советской культуры, а сам поэт стал в многонациональной советской литературе высоким идеалом творца и символом братства народов. Здесь возникли прекрасные поэтические произведения, посвященные Мицкевичу, которые сами по себе могли бы составить волнующую поэтическую антологию, свидетельствующую о живом присутствии автора «Шана Тадеуша» в современной советской литературе.

В советской поэзии созданы и стихи о Ю. Словацком и Марии Конопницкой. Советские художники отметили и поэтическое обаяние образа М. Складовской-Кюри. Большой популярностью пользуется в СССР также музыка М. К. Огиньского, особенно полонез «Прощание с Родиной». К связанным с ними мотивам обращаются многочисленные советские поэты, особенно белорусские. Широко известна также музыка С. Монюшко и Г. Венявского. Однако наиболее заметное место в советской поэзии — наряду с Мицкевичем — занимает Ф. Шопен. Советские поэты часто

и охотно черпают творческое вдохновение в волшебстве его музыки. Советская поэтическая шопениана — интегральная часть той великой культурной традиции, которая объединяет и сближает народы, создает предпосылки для творческого сотрудничества и обмена культурным достоянием. Живой интерес поэтов, как и широкой публики, вызывает культурная жизнь современной Польши, ее литература, кино, театр, музыка и изобразительное искусство.

Советская литература достаточно всесторонне отразила освобождение нашей страны из-под ярма фашистской оккупации, а также период ее восстановления после разрухи и создание социалистического строя. К событиям периода оккупации и освобождения Польши постоянно обращается так называемая литература факта. Очень многие произведения повествуют о страданиях Польши во «времена ненависти» и о Польше — страшном кладбище, где гитлеризм создал самые большие лагеря уничтожения, о варшавском гетто и трагедии польских евреев. Во многих стихотворениях показан героизм неравной борьбы оставшейся в одиночестве Польши в сентябре 1939 г., решительность и мужество польского движения Сопротивления, героизм варшавян, которые предпочли смерть на развалинах города — покорности гитлеровскому насилию.

Много внимания, особенно в 50-е годы, посвятили советские писатели восстановлению Варшавы и заботливости, благодаря которой была возвращена жизнь превращенным в руины и пепелище памятникам истории. Героизму борьбы сопутствовал героизм труда по восстановлению Варшавы и ее памятников, а также по расширению строительства и созданию современного облика нашей столицы. Особое восхищение советских писателей вызывал тот факт, что Варшава, стертая с лица земли фашистскими палачами, как Феникс возродилась из пепла и пожарниц, из небытия, чтобы, воскрешая наше национальное прошлое, служить мирному будущему Польши и мира.

Польская тематика, связанная с освобождением, восстановлением страны и созданием новой Польши, заняла важное место в советских литературных репортажах, очерках, публицистике, поэзии, прозе и драматургии. Многие произведения на польскую тему возникли, в частности, благодаря непосредственным контактам с сегодняшним днем нашей страны. И здесь вновь звучит мотив восстановления и сохранения памятников, что, по мнению советских писателей, ярко свидетельствовало о нашей национальной памяти. Их привлекает красота Польши, ее героическая история и сила духа поляков.

Можно привести также много фактов отражения советской темы в польской литературе. Укажем здесь, в частности, привлекающие своим мастерством польские поэтические произведения, посвященные России и СССР. Основные программные тенденции определяет здесь широкая историческая тематика, начиная от русского революционного движения, Октябрьской революции, включая борьбу за упрочение ее завоеваний, социалистическое строительство и защиту Страны Советов в Великой Отечественной войне, вплоть до проблем широкого и открытого отношения к культурной и национально-исторической традиции. Многие польские художники обращались к проблематике многовекового соседства и истоков дружбы, к темам борьбы за высокие идеалы и революционных битв, к мотивам общей судьбы, мужественно и с честью перенесенной в годы последней войны, к проблемам взаимной помощи и сотрудничества.

Польско-русские революционные связи и польско-советское братство по оружию, общий опыт пережитых ужасов войны и насилия, образ Польши и польские мотивы, образ СССР и советские мотивы нашли свое яркое воплощение в многочисленных произведениях обеих наших литератур. Эта тема частично отражена и в опубликованных в 1975 г. почти одновременно в Варшаве и Москве на польском и русском языках двух антологиях, содержащих произведения советских писателей о Польше и польских писателей о СССР [17, 18]. В 1977 г. была издана польско-советская антология, посвященная 60-й годовщине Октябрьской револю-

ции [19]. Вслед за этим в Польше вышли две антологии, раскрывающие польскую тему в русской поэзии 1795—1917 гг. [20; ср. 21 — 24] и в поэзии народов СССР [25; ср. 26—27]. В 1979 г. были изданы подготовленные И. Сикирицким в двух вариантах — сокращенном и расширенном — поэтические антологии, представляющие Страну Советов в польской поэзии [28, 29].

Несомненно, произведения со сходной тематикой, особенно посвященные общим проблемам и традициям революционной борьбы, а также нашей современности, легко находят читателя в обеих странах.

Приведенный обзор избранных проблем польской и советской литературы в контексте социалистического гуманизма как идеологической основы польско-советского культурного сотрудничества заставляет одновременно задуматься над серьезными вопросами теории и практики культурного обмена. В существующей на сегодняшний день литературе предмета особого внимания заслуживает доклад Л. Федосеевой «Культурный обмен и советская литература», прочитанный на X Международном съезде славистов в Киеве в сентябре 1983 г. В нем выделены три основных типа культурного обмена: 1) между странами Запада, 2) между социалистическими странами и 3) между странами противоположных идеологий [1, с. 187]. Мы обратимся ко второму типу на примере польско-советского культурного обмена.

Культура, выражающая чувство национальной принадлежности, сознание собственного места и собственной роли в общем историческом процессе, аккумулирующая передаваемое из поколения в поколение знание о своем обществе в процессе развития, стала в последние годы в Польше объектом острой политической и идеологической борьбы. Именно в этой ситуации необходимой становится принципиальная и последовательная культурная политика польского государства. В. Навроцкий сформулировал принципы, основы и отправные положения этой политики, которая предполагает искусство, культуру с разными мировоззренческими мотивациями, художественными ориентациями, философскими, нравственными, общественными направлениями, но при условии сохранения нерушимости государственных, общественных, политических и международных основополагающих принципов. «Эти позитивные предложения и их практическая реализация в неустанной борьбе с противником — вот непреодолимая преграда наступлению на польскую культуру ложных антисоциалистических идеологий, сил, делающих из культуры не область понимания между людьми, а еще одно поле борьбы» [4, с. 36].

Вышеназванные принципы и критерии нашей культурной политики имеют также особое значение для сотрудничества и культурного обмена между ПНР и СССР.

В разработанной недавно Министерством культуры и искусства при участии Национального совета по делам культуры программе развития культуры до 1990 г. намечены серьезные задачи в области культурных контактов Польши с Советским Союзом и социалистическими странами. В соответствующем разделе документа это сформулировано следующим образом: «Задачей первостепенной важности является восстановление и расширение участия польской культуры в жизни общества социалистических стран, а также культуры социалистических стран в жизни польского общества. Условия достижения этой цели таковы: восстановление и расширение присутствия польской художественной культуры в репертуарах художественных учреждений, в программах радио и телевидения, в журналистике, интенсификация распространения польской книги в социалистических странах; систематическое участие польской стороны в организуемых социалистическими странами встречах, фестивалях, смотрах и т. п.; возобновление взаимных контактов и различных форм сотрудничества творческих работников, художественных союзов, художественных учреждений Польши и социалистических стран; постоянное присутствие лучших достижений культуры братских стран в повседневной культурной жизни нашей страны; расширение масштабов и повышение уровня информационной деятельности, служащей популяризации

и распространению культуры социалистических стран в Польше и культуры нашей страны в пределах социалистического содружества» [30].

Названные задачи, намерения и цели обязуют нас по-новому взглянуть на достигнутое в сфере польско-советского обмена культурными ценностями и на перспективы этого обмена.

О послевоенном польско-советском культурном сотрудничестве в Польше уже накоплен богатый информационно-документальный [31 — 33] и библиографический [34 — 36] материал. Для текущих практических нужд неоднократно готовились справки и доклады, отчеты и опросы, статистические подсчеты и графики, подводились итоги достигнутого и приводились количественные данные о сотрудничестве. Были и попытки научной разработки отдельных этапов этого сотрудничества [37 — 39]. По преимуществу они носили фактографический характер, значительно ограничивавший теоретическую направленность. Поэтому отсутствует синтезирующая работа более высокого уровня обобщения, охватывающая взаимное польско-советское сотрудничество в области литературы и драматургии, театра и балета, кино и музыки, изобразительного и прикладного искусства на протяжении всего послевоенного сорокалетия. Помимо консультативной системы, рассчитанной на непосредственное применение, должна быть создана длительная программа сотрудничества, где научным исследованиям была бы отведена инициативная и творческая роль в развитии обмена культурными ценностями.

Вместе с тем, уже возникло значительное число польских и советских исследований частного характера, посвященных избранной тематике. Я имею здесь в виду как литературоведческие работы, так и исследования, посвященные театрально-драматургическому, музыкальному и художественному взаимообмену. В целом они приводят ценные данные по этой теме, как правило основаны на тщательно изученном материале и — что не менее существенно — содержат важные утверждения аналитическо-синтетического характера. В них заслуживают внимания многочисленные наблюдения, касающиеся взаимных связей, родства и близости наших культур, сходных, зачастую, восприятия мира, особенностей темперамента и образа мышления аудитории. В качестве примера можно назвать здесь вполне уже научно обоснованное положение о том, что особый успех в СССР имеют те польские произведения, которые более близки тенденциям, доминирующим в истории восточнославянских культур и в современной советской культуре.

Упомянутые работы о польско-советском культурном обмене тесно связаны с общим развитием сравнительных исследований польской, русской, украинской и белорусской культур, литератур и искусства, а также истории, форм и сущности польско-восточнославянских культурных отношений². Они способствовали преодолению многих, часто поверхностных и неверных расхожих мнений о якобы имманентных антиномиях между польской культурой и культурой наших восточных соседей. Польские и советские ученые, обращаясь к решению сложных проблем, устранили и некоторые недоразумения относительно характера связей наших культур. Новейшая история культуры не может быть искусственно отделена или противопоставлена предыдущим периодам, ибо она органично связана с историческим процессом и с широким современным общественно-политическим контекстом. Историзм в научных исследованиях, временная дистанция и источниковая база дали возможность адекватного понимания процессов формирования родственных культурных систем в прошлом, их многообразной обусловленности и видоизменения под воздействием цивилизации в современном мире.

Поэтому необычайно важно в нашей нынешней общественно-политической ситуации правильное понимание того факта, что взаимные контакты и связи польской культуры с культурами народов СССР имеют богатые традиции. Они уходят в глубь столетий. Следует еще раз подчер-

² О польских работах по теме литературных взаимосвязей см. [40—42].

кнуть, что наши культуры при всем их различии имеют много общих черт, обусловленных их географической близостью, славянским контекстом, этническим и языковым родством, а также тесными историческими и современными связями общественно-политического и идеологического характера. Это обнаруживается в родственных типах художественного творчества, близости интеллектуальных тенденций, литературных направлений и течений и связанных между собой культурных систем. Благодаря сравнительным исследованиям картина польской литературы и культуры предстает значительно более полной и, главное, более верной.

Эта родственность наших культур входит неотделимой частью в европейское культурное наследие, обладает глубокими идейно-творческими корнями. Этот факт отнюдь не опровергается наличием национальных особенностей отдельных литератур, которыми отмечено их развитие. Каждая большая культура, вносящая новые гуманистические ценности, вырастает прежде всего на национальной почве. Постигание общечеловеческого возможно лишь через подлинное понимание сущности национального и универсального. Новаторские в художественном отношении решения общественных, философских и этических проблем, сочетающие неповторимость конкретного и элементы универсального, принадлежат к несомненным общечеловеческим ценностям, выходящим за рамки национальных литератур. В процессе исторического развития это способствовало становлению родственных культурных систем.

Взаимодействия и влияния представляют собой непрерывный и длительный процесс, хотя формы и содержание их проявлений зависят от общественно-политических систем, творческого императива и духа времени. А попытки обратиться к давно уже устаревшим концепциям польского мессианства, к идее Польши, играющей для других народов роль Христа, преувеличивать противоречия между латинским и византийским наследием в контексте наших культурных отношений являются по существу проявлением идеологической борьбы и, служа целям антисоветизма, направлены против польско-советского союза. Также и по этим причинам сравнительные исследования истории наших культур и их современного состояния будут и впредь играть чрезвычайно важную роль. Они могут стимулировать методологический поиск и способствовать рационализации национально-исторического сознания. В свете таких исследований можно четко выделить факторы, ускоряющие и тормозящие развитие современной культуры, лучше осознать роль и значение национально-исторического сознания в культуре, дать глубокий анализ попыток воскрешения под личиной культуры устаревших и анахроничных политических концепций, искажающих исторический процесс.

Сравнительные исследования дают возможность учета социально-исторических и культурных предпосылок, определяющих условия, при которых художественный опыт в сфере культуры и искусства оказывается важным фактором в процессе взаимного обогащения. Поэтому в наших исследованиях мы стремимся определить платформу, на которой, несмотря на неблагоприятные политические условия прошлого, возникали и плодотворно развивались польско-русские культурные, общественные и научные отношения. Культура — не конгломерат неупорядоченных тенденций. Она представляет собой глубокое явление общественного характера, осуществляющееся в индивидуальном выборе ценностей и средств выражения, ведущих к возможно более полной идентификации с судьбами конкретного народа, а тем самым — и определенного содружества народов. Взаимный обмен художественными произведениями должен поэтому постоянно обогащать культуру обоих народов новыми ценностями, становиться частью повседневной культурной жизни каждой из наших стран. Особенно плодотворным взаимное обогащение становится тогда, когда отдельным национальным культурам присущ высокий художественный уровень, самобытные ценности, внутреннее единство.

Взаимодействие и взаимообогащение польской и советской культур, наличие в них общих идей, мотивов и целей, общих принципов требуют

от ученых внимательного изучения и всестороннего анализа с учетом практического опыта и теоретических достижений сравнительно-исторического и типологического изучения культурных явлений. Советское литературоведение пришло к выделению двух основных форм связей: 1) контактные (перевод, подражание, влияние, заимствование) и 2) историко-типологические аналогии, возникающие независимо от контактов (см. например, [43]). Именно типология дает возможность широких исследований сходств и аналогий в области культуры и искусства, обусловленных не только генетическими связями, но и историческими, идеологическими, общекультурными и психологическими явлениями, а наличие последних в свою очередь создает при установлении контактных связей особенно благоприятные условия для возникновения общих тенденций в советской и польской культуре, в культурах других стран и народов социалистического содружества, а также в мировой культуре.

Всестороннее исследование культурных взаимосвязей может способствовать как выработке критериев оценки данной национальной культуры, так и созданию конкретных форм, способов и методов воздействия на процесс организации культурной жизни в наших странах.

В данном контексте большое значение приобретают и труды, касающиеся специфики, особенностей культурной традиции и различий, также находящихся свое выражение в культуре обоих народов. Ведь наши культуры, наряду со многими общими чертами, обладают и различиями. В силу сложности исторического пути польского народа литературные и культурные традиции играли и продолжают играть особенно важную общественную и духовную роль. Литература, культура и искусство в истории польского народа поддерживали чувство национальной принадлежности, непрерывности и прочности исторической традиции, пробуждали и укрепляли надежды на обретение утраченной независимости, сопутствовали вооруженным выступлениям и борьбе за возрождение польской государственности, воспитывали стремление к независимости и свободе у многих поколений поляков. Этим объясняется, в частности, чрезмерное, порой, выдвижение на первый план в польской художественной литературе трактовки нашей истории в мученически-повстанческом ключе. И в исследованиях следует учитывать многообразие восприятия культурных явлений. Здесь можно было бы говорить не только о родстве, но и о культурных особенностях, имеющих, впрочем, различные источники и разнообразные мотивации. Это необходимо особенно иметь в виду при научной разработке процесса двустороннего обмена художественными произведениями и его результатов в польско-советском сотрудничестве.

М. Храпченко, анализируя пути взаимного обогащения социалистических культур, утверждает, что их развитие характеризуется не только родственностью и подобием, но также разнообразием и оригинальностью, проявляющимися из многовековых исторически сформировавшихся национальных традиций, отличающихся обычаями и нравов [44, с. 6—35]. Именно эти различия и несхожесть являются вместе с тем источником богатства и притягательности современной социалистической культуры. И поэтому совершенно оправданно в наших условиях говорить о «взаимном обогащении социалистических культур, их углубляющемся сближении, а не интегрировании их в одно целое» [44, с. 33]. Именно на этом основаны сущность и смысл преобразований в сфере культурной жизни социалистических стран.

Названные проблемы также заслуживают серьезного исследования. Научный анализ мог бы, например, прояснить, в какой степени различие культур обогащает их новыми средствами выражения и новым содержанием. Было бы весьма полезно, например, выявить значение во взаимном обмене произведениями, отражающими национальные, общественные и идеологические процессы в обеих странах, своеобразии и самобытности каждого народа, показывающих сложные судьбы отдельных людей на фоне истории данного общества и народа. Художественная литература как носитель общественной мысли может значительно облегчить понимание сложных процессов формирования нового сознания.

Следовательно, оперативные и выборочные информационно-описательные обзоры достигнутых результатов сотрудничества следовало бы превратить в целостную и убедительную картину польско-советского взаимобмена культурным наследием, служащего более глубокому взаимному познанию, обогащению своего идейного и художественного достояния новыми ценностями, взаимопроникновению культурных образцов и эстетических вкусов, углублению и укреплению духовных уз. Ведь культурное сотрудничество относится к тем факторам, которые влияют на формирование современного характера культуры.

Социалистический гуманизм исходит из того, что культура обладает конкретной идейной и воспитательной силой, помогающей человеку обрести смысл своего существования, борьбы и труда, дружбы и любви. По мере развития социалистического общества усиливается интерес ко всему тому, что не только служит изменению прежней действительности, но и относится к сущности человеческого мышления и деятельности, восприятия и оценки, что свидетельствует о сути перемен в сознании, отражающихся в стиле жизни, поведении и социальных нормах, в широко понимаемой культуре людей труда. Ведь литература, как подчеркивает Я. Куровицкий, «составляет интегральную часть общественной жизни» [45]. Ее идейно-воспитательный заряд, мировоззренческие, общественные и политические идеи могут и должны способствовать преодолению всякого рода ложных форм сознания, формированию рационалистического стиля мышления и социалистической личности. Поэтому столь важна правда и нравственная сила литературы, воплощающая смысл жизни человека в емких, ярких, четких и современных художественных формах, ее общественное восприятие, функция, отечественный и международный резонанс. К. Жигульский, анализируя культурную конфронтацию, с полным основанием утверждает, что «воздействие социалистической культуры за границей — это прежде всего воздействие тех образов, типов конфликтов и решений, которые создает и предлагает наша культура» [46]. И нет проблемы, более занимающей методологию наук о культуре и литературе, чем вопрос о том, что оживляет и стимулирует, развивает и изменяет, претворяет и формирует эту культуру. Народные, национальные и общечеловеческие ценности лежат в основе нового искусства, уровня сознания, открывают новые горизонты и перспективы развития. И с этой точки зрения обогащение культуры, культурного обмена и сотрудничества — наиболее эффективный способ развития человека³.

Г. Лябуда, анализируя прогресс в культуре и предлагая «все инновационные произведения назвать культурой в этимологическом значении этого слова, а все имитационные произведения, усваиваемые путем распространения, определять как цивилизацию», приходит к следующему выводу: «Культура и цивилизация, таким образом, являются двумя сторонами одной медали; они как бы взаимно обуславливают существование друг друга. Их гармоническое сотрудничество является условием общественного прогресса, их дисгармония, ослабление или даже исчезновение хотя бы одного из их составляющих влечет за собой процесс общественного регресса. Поэтому нет никакого автоматизма в процессах культуры и цивилизации. Люди создают культуру и сами же уничтожают свои собственные цивилизации, а инновации не всегда являются носителями прогресса» [48].

Не являются и не могут являться носителями прогресса новаторство ради новаторства, экспериментирование ради эксперимента, традиционализм исключительно для поддержания традиции. Это лишь внешние формальные приемы. Ведь социалистическая культура и искусство призваны передать подлинную правду о жизни человека среди других людей, об этике труда и борьбы, о ее сознательном и стихийном присутствии в социалистическом строительстве, об ответственности и спра-

³ О важном значении культуры в современных международных отношениях, а также о перспективах развития культурного достояния и типов культуры К. Жигульский пишет в [47].

ведливости, о патриотизме и интернационализме, о сложной человеческой психологии и противоречиях нашего развития. Незабываемое волнение и художественное переживание вызывают произведения, обладающие особой выразительностью и подлинностью, представляющие живописную картину человеческих судеб на фоне исторических событий, укорененные в народной и национальной традиции. Особенно ценны произведения, вдохновляемые борьбой за социализм, представляющие сложность процессов, совершающихся в сознании людей.

Обращаясь к этим проблемам в своем докладе на VI Совещании вице-президентов по общественным наукам Академий наук социалистических стран в мае 1984 г. в Софии П. П. Федосеев, в частности, указал: «Совместные усилия ученых и деятелей литературы и искусства в этой важной сфере открывают широкие возможности в изучении и отображении процессов духовного формирования нашего современника, его высоких идеалов, пафоса созидательного труда, присущего ему социалистического гуманизма, нравственной красоты, которые проявляются в его отношении с обществом, коллективом, а также с природой» [49]. Таким образом, в наше время становится необходимым обогащение культуры и человеческой личности путем усвоения значительных в художественном, идейном и познавательном отношении произведений, путем отказа от любования собственными, узко понятыми — без учета их значения для открытия новых перспектив — традициями, путем преодоления ограниченности среды, подчинения надуманным мифам и модам, вкусам и мнениям, псевдоавторитетам и выдвинувшимся при помощи снобистских манипуляций «выдающимся творческим личностям», возникающим на стыке массовой и элитарной культуры. Культурный обмен, формируя сознание общества, призван вести к преодолению разного рода предубеждений и ложных стереотипов. Ибо культура, по определению Б. Суходольского, становится в наше время «собственностью и потребностью масс в их повседневной жизни, а не привилегией элиты в ее праздничные дни» [50].

Для оценки польско-советского обмена культурными достижениями, их освоения обществами обеих стран чрезвычайно важны вопросы: что обуславливает красоту человеческой жизни и труда, всестороннее развитие индивидуума и его духовной жизни, что способствует внутреннему обогащению людей социалистического содружества, что укрепляет существующие между ними системы идейно-нравственных связей и придает им новую ценность? Эти вопросы должны стать критерием соответствия результатов сотрудничества его целям. Это соответствие обусловлено системой ценностей, основанной на понимании классовых и национальных проблем сотрудничающих между собой социалистических культур, на понимании смысла и сущности гуманистического предназначения культуры и общественного долга ее творцов. В основе этого соответствия лежит культуротворческая роль рабочего класса, который, созидая революционную общественно-моральную систему, вносит в общественное сознание богатую проблематику социалистического гуманизма. Чрезвычайно важным в научных исследованиях, посвященных взаимозависимости развития культур народов СССР и ПНР, становится соблюдение принципов историзма. Марксистско-ленинская историко-методологическая мысль стремится к пониманию культурного процесса в соответствии с принципами диахронии и синхронии, т. е. с законами, обосновывающими логическую последовательность этого процесса и относящимися к историческому материализму. Познавание культурной действительности должно не только основываться на подлинных фактах, но и надлежащим образом объяснять сложный исторический процесс, его отдельные этапы, современное состояние и определять тенденции развития. Именно такой подход может и должен способствовать раскрытию и всестороннему изучению ведущего направления поисков новых идейно-художественных решений проблем, которые выдвигает эпоха, динамика культурного процесса в социалистических странах и его плодотворного влияния на развитие мировой культуры. Исследуя взаимные отношения наших культур, необходимо найти комплекс внешних и внутренних

факторов, определяющих творческие связи двух культур, каждая из которых имеет свои национальные черты, традиции и формы. Именно поэтому важно рассмотрение процессов восприятия советской культуры и искусства в Польше и польской — в СССР в непосредственном сопоставлении с национальными особенностями развития польской и советской культур.

Утверждение социалистического гуманизма определяет направление, главные тенденции и перспективы польско-советского культурного обмена. Очевидно, что в обмен не может быть включено все созданное в области культуры в обеих странах. Необходим определенный отбор, критерием которого являются художественные, гуманистические и общественно-идейные ценности данного произведения.

Для создания программы дальнейшей культурной политики в области взаимного обмена и для оценки ее эффективности требуется научный анализ интенсивности и характера рецепции польской культуры в СССР и советской культуры в Польше, взаимной циркуляции культурных ценностей. Необходимы научные работы, исследующие в сравнительном аспекте формирование эстетической ориентации польской и советской культур, раскрывающие значение национальных международных традиций, а также роль художественных, общественных и идейных ценностей в становлении общих и различных черт развития всех культур социалистических стран.

Культурный обмен — огромная сила, стимулирующая сближение. История польско-советского сотрудничества богата культурными мероприятиями. Но у нас до сих пор нет удовлетворительного ответа на вопрос, в какой степени они способствовали широкому распространению выдающихся произведений, включению их в повсеместный культурный обиход. Реальность здесь явно отстает от ожиданий. Часто встречается ходячее суждение о том, что польский читатель более предпочитает форму, а советский — содержание. Такая постановка вопроса по меньшей мере спорна. Ведь произведение искусства обладает единством содержания и формы, которое и обуславливает жизненность произведения. Субъективные чувства, общие впечатления и произвольные ощущения не могут служить основой для объективных оценок. Каждое утверждение должно быть основательно подкреплено доказательным материалом. Это относится и к проблеме влияния культурного обмена с СССР и странами социалистического содружества на процессы и механизмы формирования социалистического сознания польского общества, на преодоление разного рода стереотипов и фобий, на стиль жизни как отражение личных идеалов и общественно-политической и идеологической ориентации, на образ мышления и состояние сознания отдельных общественных групп и кругов, сложным образом разделенных между собой из-за различий во взглядах и убеждениях. И поэтому литература, культура и искусство как носитель социалистической системы ценностей могут и должны сыграть конструктивную роль в формировании сознания польского общества как сознания социалистического. Что касается культурной политики в области взаимного обмена, то прежде всего необходимо обеспечить должное восприятие и пропаганду тех произведений, которые, наряду с идейной емкостью обладают глубокими общечеловеческими ценностями, носят современный, «локальный», а вместе с тем и всеобщий характер. И в этом направлении, как представляется, должны быть сконцентрированы усилия по координации и реализации польско-советской культурной политики. Обоюдный обмен мнениями и взглядами, информацией и опытом, наблюдениями и замечаниями может всесторонне обогатить теорию и практику культурного обмена.

Политика репертуарного обмена в польско-советском культурном сотрудничестве должна быть теснейшим образом связана с систематическим наблюдением над рецепцией и намечающимися в ней закономерностями, с научными исследованиями в этой области. К этим вопросам обращается Т. М. Ярошевский, ставя значительную проблему социалистического гуманизма в аспекте воспитательного значения искусства:

репортаж, литературное эссе, соответствующая проза, поэзия и другие формы художественного творчества способствуют более плодотворному решению проблем человеческой судьбы, гуманизации жизни, освещению конфликтов и нравственного выбора людей, поиску ответа на моральные и философские вопросы современности. Общение с произведением искусства позволяет читателю не только лучше познать мир, себя самого и других, но также и формировать свою жизнь, как сказал К. Маркс, «по законам красоты» [51].

Каталог вопросов научной разработки культурного обмена все еще далеко не исчерпан. На сегодняшний день, например, мы слишком мало знаем о механизмах рецепции в коммуникативной ситуации, характерной для литературного обмена в социалистических странах, о создании новых ценностей и взаимном обогащении наших культур, о соотношении системы ориентации польской культуры и системы ориентации культуры советской. Именно в этом контексте следовало бы всесторонне проанализировать различия и затруднения в плане терминологии и интерпретации. В связи с польской литературой об этом справедливо пишет Я. Куровицкий: «Несмотря на то, что категория реализма представляется не менее расплывчатой, чем другие эстетические категории, стоит упорядочить и вспомнить значения, которые ей приписываются. Однако при этом следует учитывать, что они не нейтральны, что в основе их родословных лежат (часто замалчиваемые) философские, идеологические и политические факты. Так обстоит дело, например, с социалистическим реализмом. При этом в Польше крайне мало известно о значении художественных достижений социалистического реализма для международного рабочего движения. Распространение же получили другие способы понимания реализма, к которым, по крайней мере, проявляет интерес критика: большой реализм, малый реализм, мифотворческий или мифологический реализм или синонимы этих реализмов: „прямота“, „правда конкретности“, „язык жизни“ и т. п., и т. д.

Это множество значений может обескуражить. Оно указывает на то, что по существу мы имеем здесь дело с бездонной бочкой, которая может вместить все. При этом тот, кто воспринимает литературу и искусство как общественные явления, не может отказаться от категории реализма, так как с ней связана проблема познавательных ценностей художественных произведений и тех средств, применение которых призвано обеспечить верность по отношению к действительности» [52, с. 111—112].

Я. Куровицкий, размышляя о судьбах социалистического реализма в литературе и искусстве Польши, приходит к следующему выводу: «Я полагаю, что этот факт нельзя рассматривать изолированно от общественных изменений, происходящих в нашей стране после социалистической революции. Ритм этих изменений, продвижение вперед и отступление не могли не влиять на художественное и литературное творчество. Так, после краткого периода форсированного внедрения (иногда посредством административных методов) социалистического реализма наступило обратное движение. Хотя тип внедряемого реализма и был отягощен естественными для него противоречиями (возникшими не по чьей-то злой воле) и содержал в себе немалые опасности, однако отход от этого типа выражал не только разочарование художников и теоретиков. Он был связан, как я думаю, с постепенным отказом от программы ленинской культурной революции. А также с рядом отступлений от универсальных принципов социалистического строительства под лозунгом специфики польского социализма. Выражением этого внутри партии стало постепенное, хотя и систематическое, ослабление теоретической и идейной определенности. Непосредственным результатом в сфере общественных явлений стали стихийные изменения, которые привели к специфическому общественному расслоению и к преобладанию в общественном сознании мелкобуржуазных элементов. Мелкобуржуазное сознание переживало свой апогей в семидесятые годы.

В этой ситуации социалистический реализм не мог иметь благоприятных условий для развития. Должен был быть отвергнут и любой другой

род содержательного реализма, ибо он мог бы неосторожно демаскировать характер происходящих изменений. С другой стороны, ничто не мешало расцвету реализма повседневности и моралистического реализма. Ибо оба эти реализма ничем не грозят складывающимся общественным отношениям. Ведь они остаются на поверхности, регистрируя ее разнообразные формы. Возможный же критицизм, особенно присущий моралистическому реализму, может в лучшем случае выражать нетерпение по поводу того, что процесс обуржуазивания прогрессирует слишком медленно. Этот критицизм нашел свое выражение в так называемой новой поэтической волне, ориентированной на „прямоту“, в фильмах „морального беспокойства“ и целой массе „честных“, основанных на „жизни“ репортажей. В том, что дело обстоит именно так, можно было убедиться на протяжении многих месяцев между августом 1980 и декабрем 1981 г. Именно тогда борющиеся за „подлинные“ ценности художники, отбросив уже всякий камуфляж, открыто включились в антисоциалистическую деятельность. Так называемый „второй“, „подпольный“ поток литературы и искусства слился в единое целое с официальным течением. Интеллектуально плоское и невыразительное эстетически, оно, однако, было нагружено политическим содержанием.

Таким образом оказывается, что различные типы реализма отнюдь не чисто интеллектуальные и художественные явления. Они представляют собой производную от существующих общественных отношений» [52, s. 125—126].

Анализ актуальных процессов и общественно-культурных явлений в сфере польско-советского обмена не должен избегать трудных и сложных вопросов. Четкие и интеллектуально глубокие интерпретации современных проблем культуры могут позитивно воздействовать на культурный обмен. Возьмем хотя бы вопрос переводов художественной литературы. Можно многое сказать о достижениях обеих сторон в этой области. Но и здесь в ПНР существуют свои проблемы, вызывающие необходимость безотлагательных действий. Все еще слишком мало высококачественных и значительных переводов, или недостаточны тиражи, растянут издательский цикл. Существуют заметные перебои в переиздании ценных произведений. А вместе с тем встречаются слабые, случайные или конъюнктурные произведения. Зачастую произведения высокого идейно-художественного звучания остаются в тени, ибо дальнейшему их распространению (рецензии, сообщения, обсуждения, дискуссии, полемики, соответствующие рекомендации для чтения, библиотек и т. д.) не уделяется должного внимания, хотя результаты тщательных всесторонних исследований восприятия произведения в отдельных слоях общества могли бы иметь большое значение для издательской политики, а вслед за этим — и для взаимной инспирации творческих кругов и для распространения культуры.

Стимулирование, инспирация и программирование издательской политики прежде всего заключается в приспособлении переводов к удовлетворению глубоко осознанной общественной потребности, т. е. в соблюдении верных пропорций в выборе позиций, тем и проблем. В связи с вышесказанным следовало бы, например, провести широкие научные сравнительные исследования новых художественных явлений в польской и советской литературе (т. е. попытаться обнаружить новые знаки, которые еще не обрели своего прочного семиотического статуса) и рассмотреть польскую и советскую литературу в системе культуры (литература и средства массовой информации, высокая и популярная литература, проблема народности литературы в условиях развития социалистической культуры, классовость и партийность литературы, литература перед лицом цивилизации и научно-технической революции).

Переход к новой стадии развития обмена безусловно требует углубленных исследований, в которых должны быть учтены основные принципы и идеологические, общественно-философские, политические и экономические предпосылки формирования культурной политики. В первую очередь внимание должно быть сконцентрировано на значительных аспектах исторической традиции и на современном состоянии, а также на

ведущих тенденциях развития, открывающих новые перспективы в культурной политике. Частные и обобщающие научные работы, а также созданные на их основе обзоры должны служить ориентации культурной политики, распознаванию, пробуждению и удовлетворению потребностей в культуре широких масс нашего общества, а благодаря этому — влиять на масштаб, методы и характер прогнозирования, программирования и планирования, на стратегию и выбор направления культурной политики. Все это имеет большое значение как для прерогатив, так и для реальных возможностей деятельности учреждений и организаций, объединений и союзов, координирующих польско-советский культурный обмен.

Представленные здесь темы, вопросы и проблемы могли бы стать предметом обсуждения на совместных польско-советских конференциях и сессиях, симпозиумах и дискуссиях «за круглым столом», а также в летних школах, организуемых попеременно в обеих странах для молодых научных работников, писателей, переводчиков, деятелей, распространителей культуры. Новое содержание и формы культурного обмена обуславливают потребность в общении и непосредственных контактах творческих работников и деятелей искусства наших стран. Эти контакты должны быть не спорадическими, а осуществляться в постоянном, рабочем ритме и определять стиль культурной жизни. Ибо это лучший способ противостоять любым формам ложного сознания и мистификации, познать истинную сущность польско-советского обмена культурными ценностями, принципов открытого и широкого культурного сотрудничества, равноправия культур. Это был бы одновременно один из путей выявления новых талантов, их поддержки и пропагандирования.

Такие встречи и дискуссии, непосредственные контакты и беседы, формирующие нужную атмосферу сотрудничества, способствовали бы широкому обмену опытом в области культурной политики, принципов и направлений ее формирования, а также средств и методов ее осуществления, позволили бы лучше понять процессы, происходящие в кругах творческой интеллигенции обеих стран, связи и взаимодействия между культурной, экономической и общественной политикой. Имеет смысл подумать и о совместных культурных учреждениях, обмене трудами и совместных публикациях, взаимных радио- и телевизионных передачах. Культурной жизни должны сопутствовать быстрый поток информации и поступление литературы на уровне, соответствующем растущим потребностям, живой пульс обмена опытом и идеями.

В целях осуществления глубокого обобщения стоило бы рассмотреть проблему нашего культурного сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами на более широком фоне общего культурного обмена со странами современного нам мира, с развитыми капиталистическими странами, с развивающимися странами, с международными культурными организациями, а также с зарубежной Полонией.

По моему глубокому убеждению такие исследования абсолютно необходимы. Именно они — с одной стороны — могут всемерно способствовать выяснению сложных проблем и многих вопросов, что позволит сделать значительные конструктивные выводы на тему перспективного развития польско-советских отношений в сфере культурной деятельности. С другой же стороны, эти исследования станут существенным вкладом в развитие теории социалистического гуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федосеева Л. Г. Культурный обмен и советская литература. — В кн.: Славянские литературы. IX Международный съезд славистов. (Киев, сентябрь 1983 г.) Доклады советской делегации. М., 1983.
2. Кавко А. В. О сближении социалистических стран в сфере духовной культуры. — В кн.: Проблемы и пути совершенствования международных отношений нового типа. М., 1983, с. 99—135.
3. Wasilewski A. «Okres miniony» raz jeszcze. Brudna piana nietolerancji. — Trybuna Ludu, 1983, 19—20 II, № 42.
4. Nawrocki W. Walka ideologiczna w sferze kultury po sierpniu 1980 roku. Warszawa, 1984.

5. *Nawrocki W.* Walka ideologiczna w sferze kultury po sierpniu 1980 roku.— *Argumenty*, 1984, 10 VI, № 24 (1344), s. 1—5.
6. *Brückner A.* Historia literatury rosyjskiej. T. 2. Lwów — Warszawa — Kraków, 1923.
7. *Urbańska J.* Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1918—1932. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966.
8. *Urbańska J.* Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1933—1939. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.
9. *Zbyrowski Z.* Początki recepcji rosyjskiej poezji radzieckiej w Polsce.— *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu*, 1968, № 68, z. 9, s. 561—568.
10. *Szysko T.* Literatura radziecka na łamach «Robotnika» (1918—1939).— *Przegląd Humanistyczny*, 1972, № 5, s. 133—146.
11. *Szysko T.* Literatura radziecka na łamach «Robotnika».— *Przegląd Humanistyczny*, 1973, № 6, s. 67—86.
12. *Хорев В. А.* Октябрьская революция и становление социалистического реализма в польской литературе в 20-е годы.— *Советское славяноведение*, 1977, № 5, с. 75—94.
13. *Хорев В. А.* Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979, с. 85—286.
14. *Nawrocki W.* Klasa, ideologia, literatura. Z problematyki związków literatury z ideologią. Poznań, 1976, s. 9.
15. *Markow D. F.* Otwarty system estetyczny.— *Przegląd Humanistyczny*, 1977, № 11, s. 33—48.
16. *Suchodolski B.* Kim jest człowiek? Warszawa, 1980.
17. *Księga przyjaciół.* Wyb. i opr. I. Sikirycki. Wst. J. Iwaszkiewicz. Warszawa, 1975.
18. *Книга друзей.* Сост. В. Борисов. Ред. Ю. Макаренко. М., 1975.
19. *Na czerwonych Października kwiatach.* Antologia poezji i prozy. Wyb. i opr. I. Sikirycki i Zb. Załuski. Warszawa, 1977.
20. *Dźwięki kruszonych oków.* Polska w poezji rosyjskiej lat 1795—1917. Wyb., opr. i przedm. B. Białokozowicz. Warszawa, 1977.
21. *Białokozowicz B.* Powstanie listopadowe w poezji rosyjskiej.— *Przegląd Humanistyczny*, 1971, № 2, s. 99—114.
22. *Polska i Polacy w poezji rosyjskiej doby powstania styczniowego.*— *Przegląd Humanistyczny*, 1971, № 3, s. 83—108.
23. *Białokozowicz B.* Polski ruch niepodległościowy w świetle poezji rosyjskiej XIX wieku.— In: *Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich.* Warszawa, 1971, s. 61—137, 261—281.
24. *Polska w poezji rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku.*— In: *Polsko-rosyjskie stosunki rewolucyjne i społeczno-literackie.* Red. M. Leczyk. Warszawa, 1980, s. 247—270.
25. *Jak unieść wierszem Twoją chwałę.* Polska w poezji radzieckiej. Wyb. i wst. B. Białokozowicz. Łódź — Warszawa, 1977.
26. *Białokozowicz B.* Polska w poezji radzieckiej.— *Przegląd Humanistyczny*, 1976, № 10, s. 43—69.
27. *Polska Ludowa w radzieckiej literaturze pięknej.*— In: *O polsko-radzieckich związkach literackich.* Materiały Ogólnopolskich Sympozjów Ruscystycznych. Pod red. W. Wilczyńskiego. Zielona Góra, 1984, s. 55—68.
28. *Tam, gdzie ziemia śpiewa.* Kraj Rad w poezji polskiej. Wyb. I. Sikirycki. Łódź, 1979.
29. *Muzo, pieśni opowiadaj.* Kraj Rad w poezji polskiej. Wyb. i wst. I. Sikirycki. Pośl. W. Zukrowski. Red. i noty o autorach — J. Skowroński. Łódź — Warszawa, 1979.
30. *Program rozwoju kultury do 1990 roku.* Główne kierunki działania. Maszynopis powielony, s. 19.
31. *Basiński E.* Polska — ZSSR. Kronika faktów i wydarzeń 1944—1971. Warszawa, 1973.
32. *Basiński E., Walichnowski T.* Stosunki polsko-radzieckie w latach 1945—1972. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1974.
33. *Łęza B.* Kultura zbliża narody. O współpracy kulturalnej Polski z zagranicą w latach 1945—1976. Warszawa, 1978, s. 105—115.
34. *Ryll L., Wilgat J.* Polska literatura w przekładach. Bibliografia 1945—1970. Śl. wst. M. Rusinek. Warszawa, 1972.
35. *Bibliografie literatury tłumaczonej na język polski wydanej w latach 1945—1977.* Zesp. pod kier. H. Michałek. Warszawa, 1978.
36. *Bibliografia literatury tłumaczonej na język polski wydanej w latach 1977—1980.* Warszawa, 1984.
37. *Olejniczak M.* Polsko-radzieckie kontakty kulturalne po II wojnie światowej. Fakty — Problemy. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977.
38. *Wiśniewski G.* Polsko-radzieckie stosunki kulturalne w latach siedemdziesiątych. Współpraca kultur artystycznych. Poznań, 1980.
39. *Korzon A.* Polsko-radzieckie kontakty kulturalne w latach 1944—1950. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1983.
40. *Jakóbiac M.* Stosunki literackie polsko — rosyjskie. Próba periodyzacji dziejów.— *Slavia Orientalis*, 1968, № 2, s. 131—158.
41. *Białokozowicz B.* Polsko-wschodniosłowiańskie stosunki literackie jako problem badawczy.— *Studia Polono-Slavica-Orientalia. Acta Litteraria*, I, 1974, s. 7—49.

42. *Jakóbiec M.* Kluczowe problemy historii stosunków literackich polsko-ukraińskich.— In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Ser. 6. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna. Prace na IX MKS w Kijowie. Warszawa, 1983, s. 87—98.
43. *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина). М., 1965, с. 8.
44. *Храпченко М.* Пути взаимообогащения социалистических культур. «Контекст 1979». Литературно-теоретические исследования. М., 1980.
45. *Kurówicki J.* Miraże świadomości estetycznej. Miejsce kategorii estetycznych w materializmie historycznym. Warszawa, 1982, s. 302.
46. *Żygulski K.* Płaszczyzny konfrontacji w kulturze.— In: *Problemy kultury współczesnej*. Warszawa, 1976, s. 59.
47. *Wartości i wzory kultury. Rozważania socjologa.* Warszawa, 1975, s. 337—347.
48. *Labuda G.* Innowacje w nauce i kulturze.— *Nauka Polska*, 1984, № 2, s. 27.
49. *Федосеев П. П.* Актуальные проблемы общественных наук в свете решений, принятых братскими партиями в последние годы. Доклад на VI Совещании вице-президентов по общественным наукам Академии наук социалистических стран. (София, 14—18 мая 1984 г.) М., 1984, с. 33.
50. *Suchodolski B.* Kształt życia, wyd. II. Warszawa, 1982, s. 149.
51. *Jaroszewski T. M.* Kształtowanie socjalistycznej świadomości społeczeństwa polskiego.— In: *I Ogólnopolska Partyjna Konferencja Ideologiczna-Teoretyczna* (2—3 kwietnia 1982). Warszawa, 1982, s. 314.
52. *Kurówicki J.* Artysta jako arcydzieło. Wrocław, 1983.

БОРИСОВА О. В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОЛГАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (конец 20-х — начало 30-х годов)

Положение интеллигенции в Болгарии межвоенного периода не получило еще достаточного освещения в болгарской и советской историографии. В настоящей статье делается попытка рассмотреть этот вопрос на основе материалов официальных изданий «Статистически годишник на царство България» и «Държавен вестник». Автор считает возможным опираться на эти официальные источники, которые при всех недостатках буржуазной статистики отражают основные тенденции экономического развития страны, в том числе позволяют в определенной степени судить и об экономическом положении отдельных категорий интеллигенции.

Положение интеллигенции в основном определялось уровнем экономического и социального развития страны. Болгария была страной со средним уровнем капитализма. В ее экономике переплетались развитые капиталистические формы хозяйства с раннекапиталистическими. Засилье иностранного капитала консервировало экономическую отсталость и предопределяло односторонний характер промышленности. В самых важных ее отраслях господствовала небольшая группа капиталистов, которая контролировала более 50% частного капитала и более 1/2 производства [1]. Основным источником национального дохода являлось отсталое сельское хозяйство. В 1929 г. его удельный вес в национальном доходе составлял 59%, в 1934 г. — 50% (промышленности — соответственно немногим более 5% и 7%) [2]. В экономике страны появились элементы государственно-монополистического капитализма. Вместе с иностранными монополиями торговцы и банкиры безраздельно хозяйничали в Болгарии. Промышленную буржуазию в основном составляли владельцы предприятий легкой и нищевой промышленности.

Рабочий класс был относительно малочисленным и разнородным. Он формировался из разоряющегося крестьянства, мелкой буржуазии, низших слоев интеллигенции и сохранял с ними тесную связь. Однако он представлял собой крупную политическую силу, возглавляемую Болгарской коммунистической партией.

Весьма многочисленным был класс мелкой буржуазии — городской и сельской (крестьянство). Бедные крестьяне составляли 51,26%, средние — 30,98% сельского населения [3, с. 120], а в целом мелкобуржуазные и полупролетарские слои — не менее 75% жителей страны. «Мелкобуржуазное море», как характеризовал социальный облик Болгарии в конце XIX в. Д. Благоев, играло существенную роль в экономической и общественной жизни.

Кроме этих классов можно выделить как промежуточные слои (мелкие служащие торговых и промышленных предприятий, административных органов, часть работающих по найму лиц свободных профессий), так и некоторые пограничные (рабочие-крестьяне и самостоятельные ремеслен-

ники, не использующие наемный труд), а также прослойку интеллигенции.

К интеллигенции следует отнести лиц, занятых преимущественно умственным и нефизическим трудом, имеющих, как минимум, общее среднее образование. Это, прежде всего, основная масса учителей и отдельные категории средних служащих, лица свободных профессий, не являющиеся наемными работниками, а также другие лица с высшим и средним специальным образованием — самостоятельные и служащие (юристы, врачи, экономисты и другие специалисты), профессорско-преподавательский состав и т. д.

В среде интеллигенции, непосредственно занятой в сфере духовного производства, можно выделить прослойки¹: 1) обслуживающую демографическую подсистему общества (медики, учителя физкультуры, тренеры); 2) обслуживающую экономические отношения (инженерно-технический персонал, агрономы и т. д.); 3) занятую в сфере регулирования правовых отношений (судьи, следователи, прокуроры, адвокаты, нотариусы); 4) работающую в сфере политических отношений (служащие государственных, общинных и др. учреждений и организаций); 5) занятую в системе культуры. Эту прослойку составляют: а) специалисты, занимающиеся непосредственным производством духовных ценностей (ученые, деятели литературы и искусства, общественные деятели); б) работающие в сфере накопления и хранения духовных ценностей (библиотекари, работники музеев, архивов); в) занятые в сфере распределения и распространения продуктов культуры (работники средств массовой коммуникации, педагоги, духовенство); г) работающие в системе потребления духовных ценностей (экскурсоводы, обслуживающий персонал театров, концертных залов). В некоторых случаях группы «в» и «г» можно объединить.

Согласно переписи 1926 г. при населении 5,4 млн человек [5, 1935, с. 15] в стране было 1 572 инженера и архитектора, 1 719 частнопрактикующих медиков, 2 721 адвокат, 307 художников и скульпторов, 724 музыканта и певца, 444 писателя, журналиста, литератора и т. д. Самыми многочисленными категориями интеллигенции были учителя — более 20 тыс. человек (из них по данным 1931 г. около 10 тыс. имели только среднее образование, а учителя турецких школ были едва с 7-летним [6, с. 63]) и чиновники, имевшие также в основной своей массе общее среднее образование и которых социологи относят к прослойке интеллигенции лишь частично [7, с. 21—22]. Из них к интеллигенции можно отнести около 40 тыс. человек. (Согласно Штатным таблицам государственные служащие разделялись на VI категорий. Полагаем, что к интеллигенции можно причислять чиновников не ниже IV категории. Чиновников V и VI категорий скорее следует относить к «умственному пролетариату».) Всего, по нашим данным, в середине 20-х годов ее численность составляла около 90 тыс. человек [8, с. 40—41; 6, с. 63]. А к 1934 г. — уже примерно 100 тыс. человек, т. е. 2% населения (лиц с законченным и незаконченным высшим образованием было 56 540 человек [9, кн. 1, 1938, с. 78]).

В официальной статистике нет полных сведений о доходах специалистов свободных профессий: адвокатов, врачей, инженеров, архитекторов, но в основной своей массе они имели относительно высокие доходы. В отношении архитекторов и инженеров об этом можно судить по тому, что при описи и оценке строений, подлежащих налогообложению, министерство финансов предусматривало, что «архитекторы и инженеры государственных, общинных и окружных служб получают по 100 лв за каждый рабочий день» [10, 1929, № 44] в дополнение к основному окладу 4500 лв в месяц [10, 1929, № 89]. Кроме того, этим специалистам предоставлялись некоторые налоговые льготы. К примеру, в отличие от других категорий государственных служащих, с них не производились удержания с оплаты за сверхурочную работу (кроме гербового сбора) [10, 1929, № 89].

¹ При данной классификации автор опирался на критерии, предложенные М. Б. Ешичем и М. Н. Кузьминым [4].

Частная практика, получившая довольно широкое распространение среди адвокатов, инженеров, архитекторов, врачей, других лиц свободных профессий существенно влияла на их положение. В 1926 г. по рубрикации официальной статистики числилось 2 663 «самостоятельных» адвоката (основную массу которых, видимо, составляли частнопрактикующие) и 48 на государственной службе [8, с. 40—44], в 1934 г. — соответственно 2 642 и 100 адвокатов [9, кн. 3, 1940, с. 50]. О числе свободных художников и скульпторов и состоявших на службе дают представление следующие данные: в 1926 г. свободных было 232, на службе — 54; в 1934 г. — 451 (в том числе 342 художника, 45 скульпторов, 64 оформителя) и 88 (в том числе 35 художников, 4 скульптора, 49 оформителей) соответственно. В целом в 1926 г. половина, а в 1934 г. 47% всех писателей, журналистов, композиторов, певцов, драматических артистов, художников и скульпторов относилось к частнопрактикующим, среди инженеров соответственно 24 и 29%, и архитекторов — 58 и 74% [8, с. 40—44; 9, кн. 3, 1940, с. 50]. В 1926 г. частной практикой занимались примерно 34% всех предположительно имевших медицинскую профессию, а в 1934 г. — 32% (2 817 человек). Частной практикой мог заниматься «только врач, имеющий годичный стаж в университетских клиниках или в общих первостепенных государственных больницах» [10, 1929, № 277] после сдачи специального экзамена. Фельдшерам разрешалась частная практика только при условии десятилетнего стажа службы в государственной, окружной или общинной санитарной службе в населенных пунктах, где не было врача. Ветеринарные врачи должны были иметь высшее образование и выдержать теоретический и практический экзамен. Фармацевтам для получения права на частную практику было необходимо высшее образование и год стажа в аптеке. Кроме того, все врачи должны были состоять в Болгарском союзе врачей. В противном случае они не могли быть ни приняты на государственную службу, ни вести частную практику [10, 1929, № 27].

В 1930—1931 гг. довольно много инженеров, получивших высшее образование за границей, и техников имели право на частную практику [10, 1932, № 132, 157, 182, 183; 1931, № 92, 72, 258].

Большое значение имел социальный статус, престиж практикующего интеллигента. Хотя, разумеется, такое запятис не всегда и не всем давало большой доход: небогатая в преимущественно мелкобуржуазной стране клиентура, обращаясь к специалистам, вряд ли могла платить им высокое вознаграждение. Тем не менее эти прослойки интеллигенции были более или менее состоятельными, они тяготели к буржуазии, подражали ей, приспособлялись к условиям капиталистического общества.

Отдельные представители интеллигенции довольно активно участвовали в такой сфере частного предпринимательства, как разведка и разработка месторождений полезных ископаемых. Чтобы такое дело наладить, нужен немалый первоначальный капитал. В 1930 г., к примеру, министерством торговли, промышленности и труда было выдано 330 удостоверений на забронированные участки земли для разведки и разработки полезных ископаемых. Из них представителям интеллигенции — 180 (т. е. более 54%). Среди них были инженеры (в основном горные, но были и химики, минерологи), чиновники, адвокаты, журналисты, учитель. Остальные 150 удостоверений получили акционерные общества, промышленники, торговцы [10, 1930, № 39]. Активно велась разработка месторождений нефти, каменного угля, железной и др. руд, даже золота (минеролог А. Белецкий имел два участка в Пирите). Некоторые инженеры бронировали по несколько десятков участков (инженер Лев М. Саев — 74 участка, инженер-химик Р. Радев — 18, инженер Р. Пицка — 11, чиновник П. Иванов — 11, С. Драгостинов, журналист — 12) [10, 1930, № 39]. В скором времени кое-кто из них обзавелся компаньонами [10, 1930, № 245]; к разработке привлекаются представители и других профессий (к примеру, электротехники, священник). Можно даже говорить о своеобразной мини-«золотой лихорадке» в 1931 г.: после того, как инженер из Софии Гуго Ливен подал на разведку месторождения золота

23 заявки [10, 1931, № 163], такие же заявки сделали П. Тодоров (18 участков), У. Дуглас Мак-Милан (11 участков), А. Белецкий, Т. Ахтаров, Х. Цолевский и др. [10, 1931, № 160].

В документах министерства торговли, промышленности и труда имеются указания на то, что в 1931 г. многие инженеры (Н. Тодоров, Т. Сяров, Т. Арнаулов, Н. Чакалов, М. Багаров и др.) владели промышленными предприятиями или возглавляли акционерные компании (например, Д. Бычваров и К°, Леви и К°, Пиперков и К°, Табаков и К° и др.). Другие проектировали строительство предприятий — самостоятельно или с компаньонами, восстанавливали работу своих ранее построенных, но по каким-то причинам прекративших производство, предприятий. А инженерное бюро — «Техникус» в полном составе возглавляло кампанию по производству электроэнергии [10, 1931, № 53].

Таким образом, в ряде случаев представители интеллигенции переходили в класс буржуазии. Кроме того, тех из них, кто не занимался предпринимательской деятельностью, все же можно отнести к эксплуататорам, так как свои высокие вознаграждения они получали в результате перераспределения государством национального дохода. Так, управляющий Болгарского народного банка имел ежемесячно не менее 1 млн лв [12, кн. 1, 1930, № 25].

Многие представители интеллигенции имели в частной собственности земельные участки, иногда немалые [5, 1940, с. 198—202]. Так, среди деятелей искусства, спортсменов при всей их немногочисленности, частными земельными хозяйствами располагали в 1934 г. 270 человек, т. е. чуть более 5% лиц этой категории. Их участки были в основном небольшие — 1—3 га. У медиков — врачей, стоматологов, фельдшеров, ветврачей — хозяйства зачастую были крупнее — по 15—40 га и владельцы их составляли уже 22,5% от общего числа работников этой профессии. К тому же нередкой среди них была и дополнительная аренда земельной площади. Среди деятелей науки, образования и служителей культа (по рубрикации официальной статистики) владели земельными участками 5 331 человек, в том числе 3 386 учителей (63%). Однако сравнительно с общим количеством учителей в стране доля учителей-собственников участков составляла всего 14%. И преобладающими здесь были, конечно, небольшие хозяйства в 1—3 га. Среди чиновников, включая служащих низших категорий, земельных собственников насчитывалось также примерно 14%.

Согласно статистике, в Болгарии были лица, имевшие образование, но считавшие своим главным занятием земледелие, а не интеллектуальный труд. Всего они имели в собственности около 1840 га земли, в подавляющем большинстве по 2—3 га [5, 1940, с. 203]. В целом, по сравнению с 1926 г. наблюдается увеличение числа интеллигентов, имевших частные земельные владения.

В условиях аграрной страны, где периодические кризисы сказывались тяжелейшим образом прежде всего на сельском хозяйстве, наличие мелкой земельной собственности у интеллигенции могло служить ей лишь относительным подспорьем.

Опора на земельную собственность имела для отдельных категорий интеллигенции не только экономическое значение. Интеллигенты первого-второго поколения, многие из которых не успели оторваться от деревни, сохраняли традиционную привязанность к земле. Да и те, кто не имел собственного хозяйства, как правило, не теряли контактов с сельскими родственниками. Это обстоятельство, с одной стороны, питало демократизм болгарской интеллигенции, а с другой — свидетельствовало о ее недостаточной дифференцированности как самостоятельной прослойки общества.

Статистика позволяет нам достаточно подробно исследовать положение государственных служащих. Это важно потому, что поможет разобраться в доходах той части интеллигенции, которая находилась на государственной службе. По своему положению и окладу государственные служащие подразделялись на шесть категорий. Высокое положение занимали: министры — оклад 29 тыс. лв в месяц, председатель Верховной

счетной палаты, Верховного административного и Верховного кассационного судов (по 13—14 тыс. лв), а также профессорско-преподавательский состав, судьи (так называемые «служащие вне категорий», т. е. выше всех категорий), служащие I категории (высшие чиновники, дипломаты) и офицеры. В конце 20-х — начале 30-х годов численность служащих I и «вне категорий» составляла не более 1 890 человек [12, кн. 1, 1930, с. 521; 6, с. 89]. Оклад служащих «вне категорий» и военных составлял в 1929 г. в среднем 7—10 тыс. лв в месяц, служащих I категории—4 800—6 090 лв [13, кн. 8, с. 664]. Существовала также целая шкала надбавок (по семейному положению, а также в связи с инфляцией). Так, судьи приравнявшиеся к служащим министерства юстиции, получали 10% надбавки к зарплате [10, 1929, № 27, 98]. Профессорско-преподавательский состав приравнивался по статусу к судьям и тоже получал 10% надбавку [10, 1929, № 4]. В целом в 1929 г. служащие I категории получали дополнительное вознаграждение в размере 480—800 лв в месяц [13, кн. 8, с. 664]. Кроме того, в различных ведомствах были фонды для всевозможных дополнительных выплат, существовали неконтролируемые скрытые фонды. Вышее чиновничество вообще находилось в несколько привилегированном положении. В первую очередь это касалось банковских служащих. Согласно «Правилам для банковских служащих Болгарского народного банка» чиновник этого банка должен был иметь высшее или среднее специальное или, для низких категорий, гимназическое (плюс стаж работы) образование. Он имел право на 10% надбавку к зарплате по истечении трех лет службы в одной категории. Проработав не менее года, такой чиновник получал право на месячный оплачиваемый отпуск². В случае болезни ему предоставлялся трехмесячный отпуск с сохранением зарплаты [10, 1929, № 270].

Труд самых многочисленных специальностей интеллигенции — учителей и чиновников — оплачивался по II—IV категориям. В 1929 г. учителя гимназий, статистики, редакторы оплачивались по II категории и получали по 3 320—4 160 лв в месяц. Учителя прогимназий, начальных школ и чиновники более низкого ранга относились к III категории и имели по 2 320—3 120 лв. Учителя основных школ и чиновники ряда служб входили в IV категорию и их труд оплачивали в размере 1 870—2 660 лв [13, кн. 8, 1928, с. 661]. Эти категории служащих получали также дополнительные вознаграждения по семейному положению и в связи с инфляцией, размеры которых зависели от категорий (от 240 до 720 лв) [13, кн. 8, 1928, с. 661]. Учителя, сверх того, имели право на прибавку в 150—500 лв в зависимости от категории и класса данной категории [10, 1929, № 27, 98; 1930, № 32]. Но прибавку свыше 150 лв получали лишь те, кто проработал в начальной школе и прогимназии 25 лет, а в гимназии — 33 года.

Государственные служащие почти всех категорий делали взносы в пенсионный фонд и при выходе в отставку могли рассчитывать на полное или частичное обеспечение [10, 1929, № 27, 98; 1930, № 32]. Однако разрыв в размерах пенсий был значительным. Официально устанавливали только их минимум — 500 лв в месяц, «потолок» же определен не был и в ряде случаев пенсионные выплаты достигали 5 тыс. лв в месяц и более. Иногда пенсионеры получали по разным ведомствам по две и больше пенсий. Особенно этим злоупотребляли высшие чиновники и офицерство [12, кн. 1, 1930, № 26—29].

Итак, подавляющее большинство учителей и чиновников располагало в конце 20-х годов от 2 до 4 тыс. лв в месяц и лишь в лучшем случае 5 тыс. лв. При определении того, много это было или мало, следует иметь в виду, что облагаемый налогом на общий доход минимум составлял примерно 1 670 лв в месяц (20 тыс. лв в год) [9, кн. 3, 1940 с. 343]. Этот минимум можно принять за «уровень бедности». Но и семьи обладателей дохода в 3 тыс. лв испытывали, как показывают данные официальной ста-

² Для сравнения укажем, что в Англии в 30-е годы отпуск служащих составлял 1—2 недели [7, с. 133].

стики, значительные трудности. Основная часть их расходов приходилась на хлеб, мясо, молоко, табак и пр. В целом на продукты питания семьи с таким доходом, состоявшие в то время, как правило, из 3—6 человек, вынуждены были тратить до 88% дохода, кроме того, 3% шло на выплату прямых налогов, 2,75% — на лечение и т. д. Расходы на приобретение книг, посещение театров, на различные развлечения у них были минимальными — 0,04—0,25% (и то не у всех), на учебу тратили немного больше — 0,69% [9, кн. 3, 1940, с. 272—275]. У лиц умственного труда, не имевших своего жилья, расходы на квартиру и услуги занимали второе место в бюджете после расходов на питание. В учительских семьях — до 20% дохода [13, кн. 4—5, 1929, с. 259]. Анализ статистических данных позволяет также установить, что в бюджете провинциальных учителей, учителей начальных школ, прогимназий и некоторых чиновников расход был больше дохода на 200—1000 лв и более, т. е. они имели долги. Следовательно, и доходы в 3 тыс. лв не всегда обеспечивали прожиточный минимум. Несколько лучшим, но не памного, было положение интеллигентов с доходами свыше 3 тыс. лв в месяц. Более обеспеченными были семьи с доходами в 4—6 тыс. и более лв в месяц. Здесь наблюдается и иное соотношение статей расхода. Значительными были траты на учебу, театр, развлечения и пр. [14, кн. 1, с. 44—45; кн. 2, с. 230—231, 238]. Такие семьи могли позволить себе иметь прислугу. Они, по-видимому, могли делать накопления. Во всяком случае в конце 20-х — начале 30-х годов отмечался неуклонный рост числа вкладов служащих в сберкассы (с 4,5 тыс. в 1928 г. до 7,7 тыс. в 1934 г.). К сожалению, статистика не указывает суммы вкладов, но показательно, что учителя, к примеру, в 1926 г. сделали 825 вкладов, а в 1934 г. — 2 584 [5, 1937, с. 450]. Полагая все же, что в 20—30-х годах это чаще всего были сбережения на «черный день», а не свободные излишки. Частной практикой, которая давала бы дополнительные заработки, учителя почти не занимались (из-за сравнительно демократического характера образовательной системы). В стране действовал закон 1921 г. об обязательном основном (семилетнем) образовании. Оно могло быть продолжено в гимназиях или педучилищах, окончание которых открывало доступ к высшему образованию. В этих условиях необходимости специально нанимать учителей не было. Так, в 1926 г. домашние учителя, гувернантки и пр. составляли всего 0,6% от числа всех имевших в том году учительскую профессию [8, с. 38], а в 1934 г. — 0,8% [9, кн. 3, 1940, с. 49]. В целом из 35 732 деятелей науки и образования в 1934 г. было лишь 607 частнопрактикующих (около 2%).

Экономический кризис 1929—1933 гг. сказался на положении интеллигенции не сразу и не однозначно. Ряд пищевых продуктов стал дешевле, что вызвало уменьшение расходов на питание. В 1932 г. правительство Народного блока произвело определенное упорядочивание системы оплаты труда служащих. Это привело к упрощению порядка выплат им дополнительных вознаграждений. Несколько большее внимание, в сравнении с другими категориями служащих, обращалось на положение учителей; их дополнительные вознаграждения были немного большими, чем у средних чиновников тех же категорий и ведомств, и для получения их достаточно было шести прослуженных лет [15, с. 160—161]. Продолжала, как и ранее, выплачиваться помощь государственным служащим, уволенным в связи с сокращением должностей и находившимся временно без работы [10, 1929, № 271; 1930, № 32]. Регулярно отчислялись из оклада основной части государственных служащих средства в пенсионный фонд. Для тех, на кого не распространялись такие отчисления, министерство торговли, промышленности и труда в специальном распоряжении предусматривало обязательное их обеспечение «в случае несчастья, болезни, материнства и инвалидности, старости и безработицы» [10, 1930, № 241]. В этот период делались попытки определить профессиональный и, в определенной мере, социальный статус отдельных категорий интеллигенции, работавшей по найму: стенографов [10, 1929, № 16], ряда специальностей чиновников [10, 1929, № 83, № 270], некоторых медицинских профессий [10, 1929, № 32, 158, 277; 1930, № 20, 24], отдельных специалистов сельского хозяйства

[10, 1930, № 56, 214], учителей [10, 1931, № 70] и др. Принят был ряд законов (о здравоохранении, о физическом воспитании и др.), касавшихся интеллигенции (главным образом, с констатацией уже сложившегося положения в отдельных ее категориях), поощрялись в некоторых случаях профессиональные организации интеллигенции [10, 1930, № 33].

Однако по бюджету государства на 1929/1930 финансовый год предусматривалось сокращение 10 тыс. должностей государственных служащих [16]. Разумеется, это в первую очередь коснулось низших категорий («умственного пролетариата»), однако была затронута и часть находившейся на государственной службе интеллигенции. Более того, с 1929 г. при выплате пособий лицам, подлежащим сокращению, перестали учитываться уволенные по болезни и ставился ряд других ограничений в получении пособия [13, кн. 7, 1929]. Не имели права на него и служащие выборных учреждений. А их было в 1929 г. 35 тыс. человек [13, кн. 7, 1929]. Основную массу интеллигенции, особенно ее малообеспеченные слои, затронул закон 1931 г. о «временных» (в связи с кризисом) удержаниях из зарплат служащих всех категорий. Был установлен их размер — 10% от основной зарплаты и 2—40% с различных вознаграждений [6, с. 26—29]. Принятие закона сопровождалось в парламенте усиленной демагогией по поводу необходимости «жертв всех сословий». Удержания производились и из пенсий за выслугу лет. В период кризиса лицам умственного труда практически перестали платить за сверхурочный труд и командировки. При этом правительство призывало служащих «...сознавать, что государство наравне с ними переживает общий экономический и финансовый кризис и кроме зарплат им с трудом может выделить и уплатить... другие денежные вознаграждения» [11, 1931, № 1]. Таким образом, чувство неуверенности в завтрашнем дне было хорошо знакомо интеллигенции, состоявшей на государственной службе. Ухудшала положение людей умственного труда и угроза «интеллектуальной» безработицы. Она распространилась в межвоенный период довольно значительно. Как говорил Г. Димитров, даже творческая интеллигенция после первой мировой войны с «благодатных высот Парнаса» со своими иллюзиями, амбициями, «духовным аристократизмом» вдруг резко «...спустилась в нищету и грязь суровой действительности» [17, с. 136—140]. В 1929—1934 гг. безработица затронула многих учителей, агрономов, журналистов, работников искусства, медиков. В 1933 г. среди учителей 25—30% были полностью или частично безработными [18]. «Сегодня на каждую вновь открытую службу претендуют десятки кандидатов», — констатировал в 20-х годах Союз стоматологов [19]. «Адвокаты испытывают на себе... последствия конкуренции, с одной стороны, а с другой, — терпят удары кризиса не менее всех других сословий», — говорил в 1930 г. в парламенте один из депутатов [12, кн. II, 1930, с. 843]. В 1931 г. в Народном собрании говорилось о том, что в последнее время в стране налицо «страшный парадокс; с одной стороны, есть врачи без работы, находящиеся в нищете... а с другой — сто тысяч людей без элементарной медицинской помощи» [21, с. 2553]. Более того, правительство Народного блока, отменив право свободного выбора врача, существенно задело интересы медиков [6, кн. 2, № 112, 113]. Паличие в странеряда представителей интеллигенции, главным занятием которых была работа в собственном хозяйстве, также в определенной мере служит доказательством существования «интеллектуальной» безработицы. Так, по свидетельству одного из депутатов парламента, в 1931 г. в селах Сухиндол Горско Сливово более 120 человек, получивших высшее образование на Западе, занимались крестьянским трудом в хозяйстве родителей, так как не могли пойти себе применения в соответствии с полученной специальностью [12, кн. IV, 1931, с. 1452]. Существование безработицы среди болгарской интеллигенции в межвоенный период было вполне объяснимо тем, что экономически слабо развитая страна не могла обеспечить работой всех квалифицированных специалистов.

По своему общественному положению и политическим позициям различные слои интеллигенции отличались друг от друга. В определенной мере это зависело от социального происхождения интеллигента. Однако

социальное происхождение интеллигенции и ее социальная роль в буржуазном обществе не находились в прямой зависимости друг от друга. Здесь действовало множество дополнительных факторов. Вопрос этот сложен, недостаточно разработан методически в литературе и здесь мы коснемся только некоторых его аспектов.

В среде интеллигенции слой выходцев из собственно буржуазии был сравнительно небольшим: в 30-е годы он составлял примерно 13% ее общей численности [3, с. 122]. Одним из стимулов к получению высшего образования для детей буржуа была возможность сделать политическую карьеру, войти в верхние эшелоны государственного управления. Хотя роль Народного собрания в решении государственных дел в условиях общего кризиса капитализма постепенно уменьшалась, социальный престиж «народного представителя» сохранялся на высоком уровне. Традиционно здесь обладатели высшего образования составляли чуть ли не половину членов парламента, а в конце 20-х — начале 30-х годов и того больше: в XXII Обыкновенном народном собрании (1927—1931) — 50,7%, в XXIII (1931—1934) — 54% [5, 1931, с. 453]. В основном это были лица с юридическим образованием, главным образом адвокаты.

Слой интеллигенции, по происхождению связанной с рабочим классом, составлял в 30-е годы около 8% [3, с. 122]. Его сравнительная малочисленность была результатом и низкого уровня развития промышленности и высокой степени эксплуатации пролетариата, практического отсутствия «рабочей аристократии» и, как следствие, невозможности для многих рабочих семей платить за получение детьми среднего и высшего образования. Свою роль играл и низкий культурный уровень отдельных отрядов рабочего класса — строителей, сельского пролетариата. Но интеллигенция, выражавшая интересы рабочего класса, формировалась довольно интенсивно. В рядах Болгарской компартии в 20-е годы было немало высокообразованных людей.

Весьма устойчивый характер носил процесс «самовоспроизводства» интеллигенции, т. е. передачи родителями своих профессиональных функций детям. Для тех и других играли роль как стремление отстоять уже завоеванные социальные позиции, так и определенные духовные потребности, воспитанные на протяжении ряда лет. Естественно, этот процесс не был лишен региональной окраски: «воспроизводство» интеллигенции в Софии происходило в четыре раза интенсивнее, чем, например, в Оряхово [3, с. 120].

В основном же прослойка интеллигенции росла за счет выходцев из мелкой буржуазии, в среде которой традиционно сохранялись возрожденческие демократические идеалы, в том числе стремление к знаниям. Но не только поэтому значительную часть учащейся молодежи страны составляли выходцы из демократических слоев. Массовое стремление небогатых родителей дать своим детям образование также вызывалось нестабильным экономическим положением мелкого собственника, скрытой безработицей и «идиотизмом деревенской жизни» и вытекающим отсюда желанием спасти их от неуверенности и нищеты. Для этого люди шли на любые лишения. В 1928/1929 учебном году 16% студентов Софийского университета содержали себя сами, 79% учились на родительские дотации, которые были недостаточны. Государство же давало пособия лишь 1% студентов, остальные учились благодаря помощи общин, средствам из различных фондов и т. д. [3, с. 233]. Размеры стипендий, выделяемых государством, были мизерны: 500 лв в месяц в государственных гимназиях, 700 лв в Музыкальной и Художественной академиях, а также в учительских институтах; 1 200 лв в университете [15, с. 22]. И самих стипендий устанавливалось чрезвычайно мало. В 1929 г., к примеру, правительство объявило конкурс всего на девять стипендий (четыре из государственного бюджета, пять — из фонда социальной и культурной помощи учителям — для детей учителей) [10, 1929, № 67]. В кризисные 1930 и 1931 годы стипендии выделялись только из фондов, а из государственного бюджета их не было вообще [10, 1930, № 66; 1931, № 55]. На 1931/1932 учебный год были все же установлены четыре стипендии по физ-

воспитанию (полагаем, в связи с принятием закона о физическом воспитании) в Германское высшее училище телесных упражнений (г. Берлин, Грюнвальд) [10, 1931, № 163], но вряд ли туда смогли поехать дети малосостоятельных родителей. На фоне столь незначительного внимания правительства к материальному положению учащейся молодежи, которое не могло быть компенсировано родительскими дотациями, не удивительно, что 70% студентов из-за плохих условий жизни завершали учебу с подорванным здоровьем [3, с. 233].

Часть интеллигенции верой и правдой служила буржуазии. С одной стороны, это было связано со стремлением подняться на верхнюю ступеньку общества, приобщиться к его «элите». С другой стороны, такому «приобщению» содействовали высокие в ряде случаев вознаграждения, установленные за услуги буржуазному государству. В большей или меньшей степени они распространялись не только на высших служащих государственного аппарата, но также на крупных специалистов народного хозяйства, прежде всего из среды ИТР с высшим образованием. В 20—30-е годы они обучались главным образом за границей (чаще всего в Германии). Среди научных работников и преподавателей высшей школы буржуазии также удалось в определенной мере завоевать себе сторонников. На службе у буржуазии находилось и немало журналистов официальной печати³.

Достаточно высоко (особенно после событий 1923 г.) оплачивалась служба офицерского состава армии. В 1929 г. офицеры получали по 7—10 тыс. лв в месяц — наравне с профессорско-преподавательскими кадрами и на 2—3 тыс. лв больше, чем служащие I категории [13, кн. 8, 1928, с. 664]. Для условий страны характерно, что и офицерство в значительной степени набиралось в среде городской мелкой буржуазии, ремесленников, кулацких слоев села. Крупная городская банковско-торговая и промышленная буржуазия не считала армейскую службу лучшим вариантом при выборе будущего для своих детей. Воспитание же в духе преданности монарху и буржуазному строю, насаждение реакционной идеологии, строгая воинская дисциплина способствовали формированию из офицеров таких кадров, которые в большей своей части становились надежной опорой государственной власти. Однако практика материальной поддержки интеллигенции с помощью высоких окладов не получила в Болгарии широкого распространения. В 1930 г. министр просвещения Н. Найденов признавал с трибуны парламента: «...в нашей бедной стране труд литераторов и художников не оплачивается в достаточной степени» [21, с. 855]. О том, к чему это приводило, болгарский социолог-марксист И. Хаджийский писал в 30-е годы: «...большинство наших писателей не могут заниматься собственно литературным трудом, а вынуждены жить на средства от переводов, издания учебников, книг для детей и т. д.». А ряд ученых обречены заниматься своими исследованиями «в подвалах и чердаках университета» [22].

Далекое от благополучия экономическое положение преобладающей массы интеллигенции, ее близость к народу и по социальному происхождению и по экономическому положению, существенная роль демократических традиций в ее сознании и быте, — все это способствовало формированию мощного демократического слоя среди людей умственного труда. Острота классовых битв, крупные политические события в стране в 20—30-е годы также оказывали значительное влияние на общественное поведение интеллигенции, на ее политические позиции. Вместе с народом она остро переживала трагедию Сентябрьского (1923) антифашистского вооруженного восстания. Репрессиями и террором болгарская буржуазия оттолкнула от себя не только трудящихся, но и основную массу интеллигенции. Подавляющая ее часть не приняла идеологию фашизма. Творче-

³ В этом смысле очень показательны, что в период Лейпцигского процесса группа «желтых» журналистов «дружески посетила» «новую» Германию и после этого рассыпала в болгарской прессе похвалы гитлеровскому «порядку». Прогрессивная печать дала достойную характеристику корреспонденциям этих «отупевших путешественников», паявав их поведение «самым большим преступлением, совершенным болгарскими журналистами» [20].

скую интеллигенцию трагедия народа побудила к созданию произведений демократического, антифашистского направления. Несмотря на репресии, физические расправы над творцами, демократическая струя в литературе и искусстве 20—30-х годов была сильной и плодотворной.

Немаловажным был и тот факт, что Болгарская коммунистическая партия особенно с конца 20-х — начала 30-х годов уделяла большое внимание работе среди интеллигенции, ее классовому воспитанию. Задачи рабочего движения настоятельно требовали создания кадров интеллигенции, которая стояла бы на четких, марксистских, классовых позициях. И такая интеллигенция постепенно формировалась. Складывающаяся из выходцев из различных демократических слоев общества, прогрессивная интеллигенция находилась в глубоком антагонизме к господствующему классу, активно служила интересам болгарского рабочего класса, делу освобождения всего болгарского народа от социального гнета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Икономика на България до социалистическата революция. Т. I. София, 1969, с. 564.
2. Трудове на статистическия институт за стопански проучвания. Т. 2. София, 1937, с. 95.
3. *Димитров К.* Българската интеллигенция при капитализма. София, 1974.
4. *Култура в обществената система на социализма.* М., 1984.
5. Статистически годишник на царство България.
6. Стенографски Дневници на XXIII Обикновено Народно Събрание, редовна сесия, кн. I. София, 1931.
7. *Песчанский В. В.* Служащие в буржуазном обществе. М., 1975.
8. Общи резултати от преброяване на населението на 31 XII 1926. София, 1932, кн. 3.
9. Преброяване на населението на 31 XII 1934. Общи резултати. София.
10. Държавен вестник.
11. Стопанска история на България. София, 1981, с. 316.
12. Стенографски Дневници на XXII Обикновено Народно Събрание, IV редовна сесия. София.
13. Учителска мисъл.
14. Домакински бюджети. Анкета върху семейните приходи и разходи на чиновнически, занятчийски и работнически домакинства. София, 1925.
15. Приложение към Стенографските Дневници на XXIII Обикновено Народно Събрание. III редовна сесия, кн. I. София, 1933.
16. Единство, 1929, № 34.
17. *Димитров Г.* Съчинения. Т. 7. София, 1951.
18. Българската комунистическа партия и културата. Т. I. София, 1983, с. 71.
19. *Аврамов П.* БКП и формиране на социалистическата интеллигенция. София, 1968, с. 55.
20. *Недев П.* Лайпцигският процес и българското антифашистско движение. София, 1983, с. 84.
21. Стенографски Дневници на XXII Обикновено Народно Събрание, III редовна сесия, кн. II. София, 1930.
22. *Хаджийски И.* Оптимистична теория за нашия народ. София, 1966, с. 68.

БАЛКАНСКИЙ СОЮЗ 1912—1913 гг. И РОССИЯ

История Балканского союза 1912—1913 гг. давно привлекает к себе внимание исследователей. На эту тему писали еще его современники: государственные деятели С. Д. Сазонов и Р. Пуанкаре, Э. Венизелос и И. Гешов, С. Данев и М. Милованович, дипломаты, военные, публицисты.

За семьдесят минувших лет накопилась большая литература вопроса, в которой значительное место занимают работы советских ученых, а также марксистских историков балканских стран. Опираясь на глубокий анализ событий того времени, данный в 1912—1913 гг. В. И. Лениным, марксистская историография изучает как внутренние процессы, так и международные отношения на Балканах в один из сложнейших периодов истории этих стран — первое десятилетие XX в. и канун мировой войны 1914—1918 гг., когда на Балканском полуострове и на Ближнем Востоке небывалого подъема достигли национальные движения народных масс и когда вокруг этих регионов обострилась борьба империалистических держав за гегемонию.

Названная тематика нашла отражение и в исследованиях буржуазных историков. Еще в 20—30-е годы вышли в свет содержащие интересный фактический материал работы о возникновении Балканского союза Е. Хельмрайха, О. Биккеля, А. Прибрама, В. Лэнджера и ряда других историков [1]. Из новейших трудов на более общую тему о международных отношениях на Балканах этого периода можно назвать магистерскую диссертацию Д. Лёдинга «Балканская политика Германии и Австро-Венгрии в 1912—1914 гг.» [2], монографии Э. Тейдена (США) и Э. Россоса (Канада), посвященные внешнеполитическому курсу царской России на Балканах [3], а также фундаментальную работу П. Ройтера (ФРГ) об экспансии французского империализма на Балканах и на Ближнем Востоке [4].

Однако некоторые аспекты упомянутой проблематики все еще нуждаются в дополнительном исследовании. В литературе продолжается дискуссия о роли и месте Балканского союза во внешней политике балканских государств и великих держав. Буржуазные историки, как правило, выступают с утверждениями, что Балканский союз был слепым орудием царской России, игнорируя тот факт, что сами балканские государства стремились объединить свои усилия для борьбы за освобождение единоплеменных народов из-под ига Османской империи и для того, чтобы использовать Балканский союз как силу, которая могла бы защитить Балканы от экономической и политической экспансии империалистических держав, прежде всего Австро-Венгрии и Германии.

Предметом полемики является и вопрос о причинах распада Балканского союза. Буржуазная историография преувеличивает остроту межбалканских противоречий, выдвигая концепцию о фатальной неизбежности его крушения и неотвратимости междоусобных войн на Балканах. Один из видных деятелей гитлеровской разведки И. Матль и западногер-

манский историк В. Бешнитт выступили с «теоретическим» обоснованием исконности «славянских распрей», утверждая, будто они носят «типологический характер» [5].

В интересном коллективном труде «Внешняя политика Болгарии и оппозиционные партии (1900—1914 гг.)», принадлежащем перу ведущих болгарских ученых А. Пантева, Р. Попова, К. Шаровой, Е. Стателовой и Ц. Тодоровой [6], на основе анализа программных положений буржуазной оппозиции была доказана несостоятельность названной концепции. Среди буржуазных партий Болгарии, писали они, существовала значительная дифференциация, и многие из них выступали под лозунгом «Балканы — балканским народам!», ратуя за консолидацию сил балканских государств.

Вывод авторов коллективного труда был подтвержден в докладе Е. Стателовой «Идея сближения балканских народов в Болгарии», зачитанном на международном научном симпозиуме в Белграде в 1974 г. и позже опубликованном в печати. Е. Стателова убедительно доказала, что в интересах балканских народов было их объединение в борьбе против внешней экспансии империалистических держав на Балканах и что эта борьба имела исторические корни [7].

В Югославии аналогичные взгляды нашли отражение в трудах акад. В. Чубриловича [8], проф. Д. Янковича [9] и ряда других авторов.

Важным вопросом, который требует дополнительного изучения, является вопрос об отношении революционной социал-демократии к Балканскому союзу и балканским войнам, точнее, проблема взаимосвязи борьбы социалистических партий за социальное освобождение и за национальные идеалы. «В нашей партии, в том числе в марксистской литературе, за тесняцкий период, — констатировал Т. Живков, — редко поднималась проблема... сложных связей между классовым и национальным, между интернациональным и национальным» [10].

В Болгарии эта задача была поставлена на I съезде исторического общества в 1970 г. [11], в Югославии — в 1965 г. на симпозиуме историков, посвященном 52-летию со дня создания Социал-демократической партии Сербии. С тех пор в обеих странах на эту тему был опубликован ряд работ [12; 13].

Наконец, автор этих строк ставил перед собой задачу осветить слабо исследованный вопрос о верховном арбитраже России в межбалканских спорах накануне распада Балканского союза. В изучении этой проблемы имеется немало неясностей. Некоторые историки, признавая поштыки Петербурга сгладить межбалканские противоречия, обвиняют Россию в непоследовательности и противоречивости этой политики [14, с. 107, 108, 111, 112]. Справедлив ли такой упрек или сами балканские монархии уклонялись от советов России? Существовали ли реальные возможности предотвращения межсоюзнической войны? Какую роль в ее разжигании сыграли Центральные державы? В последнее время в некоторых работах зарубежных историков появилась тенденция к пересмотру вопроса о причинах второй Балканской войны и к известной реабилитации политики царя Фердинанда.

Так, американский историк Дж. Потте утверждал, что Болгария, начав межсоюзническую войну, исходила из задач самообороны [15, р. 194—234], а другой американский историк А. Рибер в искаженном виде представил политику России в отношении Румынии, заявив, что Петербург якобы поощрял ее экспансию против Болгарии [16]. Между тем давно доказаны как захватнический характер межсоюзнической войны, так и то, что Россия была против нападения Румынии на Болгарию. Русское правительство выступало за частичное исправление границы в пользу Румынии в районе Силистрии, где наряду с болгарам проживало и румынское население, но отклонило план румынского правительства решать этот вопрос силой. Оно четыре раза (6, 10, 12 и 26 июля 1913 г.) официально ставило в известность Румынию об этой позиции [17, д. 1351, л. 25—34], а когда румынский король Кароль I по своей инициативе все же предпринял нападение на Болгарию, потребовало

немедленного прекращения похода румынских войск на Софию и тем спасло болгарскую столицу от чужеземной оккупации [18].

Сравнительно слабо изучен вопрос о политике России и балканских государств после Бухарестского мира. Почему российское правительство продолжало и после распада Балканского союза проводить прежний курс на сближение балканских государств? Имелись ли для этого реальные предпосылки, или стратегия министра иностранных дел России С. Д. Сазонова была «несбыточной химерой», как утверждал Дж. Потте [15, p. 195].

Принципиально важное значение имеет оценка реваншистской политики болгарского царя Фердинанда, которую он проводил после Бухарестского мира. Можно ли согласиться с утверждениями, что Болгария была вынуждена присоединиться к Центральной коалиции, так как последняя оказала ей финансовую помощь? [19, с. 69—77]. Была ли другая альтернатива для политики кабинета В. Радославова? Эти и другие вопросы, связанные с балканской политикой России и самих балканских государств, ждут своего ответа.

Остановимся вначале на проблеме «Балканы и Балканский союз».

Перед балканскими народами стоял ряд первоочередных и по своему значению исторических задач, определявшихся переменами, которые произошли в общественно-экономическом и политическом развитии на Балканах к тому времени.

В области экономики это была задача создания условий для развития отечественных производительных сил, которые уже давно, с конца XIX в., пробивали себе дорогу, вступая в борьбу с зарубежными монополиями.

Особенно большие сдвиги в национальной экономике балканских государств произошли в сфере внутренней и внешней торговли. Менее чем за столетие торговые операции возросли в пять с лишним раз. Так, Болгария к началу XX в. установила коммерческие связи не только со всеми соседними странами, но и с Россией, Францией, Италией, Австро-Венгрией и даже с отдаленной на тысячи километров Англией. По Черному морю и Дунаю Болгария в 1910—1911 гг. импортировала 67% и экспортировала 76% своих товаров. Сербия еще в конце XIX в. сделала серьезную заявку на самостоятельное развитие внешней торговли, подписав торговые конвенции с рядом европейских государств. В 1905 г. она заключила таможенный союз с Болгарией [20], который способствовал защите национальных рынков обеих стран от иностранной экономической экспансии: Сербии — от Австро-Венгрии, Болгарии — от Турции. Сербско-болгарское экономическое сближение содействовало расширению внешнеторговых связей этих государств: Сербия через Болгарию получила выход к Черному и Средиземному морям и турецкому рынку, Болгария открывала себе путь в Центральную Европу. Вспыхнувшая в 1906—1911 гг. таможенная война между Австро-Венгрией и Сербией вызвала структурные изменения в сербском народном хозяйстве. До этого конфликта Сербия была аграрно-сырьевым придатком дунайской монархии, вывозя в Австро-Венгрию от 85 до 90% своей продукции. Переход к передовым способам производства в сельском хозяйстве сыграл в Сербии роль буржуазной аграрной революции, оказав огромное влияние на развитие производительных сил. Страна, ввозившая ранее хлеб, стала его экспортером (в среднем на сумму 30 млн фр. в год) [21].

Внешняя торговля стимулировала развитие капитализма и в Греции. В конце XIX — начале XX в. Греция превратилась в одну из ведущих торговых и торгово-посреднических держав в средиземноморском бассейне. Ее торговый флот вырос в три раза (с 326 тыс. *т* водоизмещения до 1 млн *т*). Ежегодный доход страны от коммерческих операций по морской торговле составлял 40—45 млн фр. [22].

Наряду с торговлей на Балканах развивалась промышленность, прокладывались железные дороги, в приморских государствах (Румынии, Болгарии и Греции) возводились портовые сооружения. К началу XX в. Сербия имела 521 км железных дорог, Болгария — 523 км. Аналогичные

процессы проходили и в других балканских странах, где при наличии специфики наблюдались и общие типологические изменения: росла отечественная промышленность, увеличивалась роль банков, капитализм внедрялся в сельское хозяйство.

Консолидация сил балканских народов диктовалась также политическими причинами. На Балканах в рассматриваемое время произошли значительные сдвиги в области государственного строительства. В Сербии этому способствовало освобождение страны от внешнеполитической зависимости. Государственный переворот 1903 г. означал не только смену австрофильской династии Обреновичей династией Карагеоргиевичей, которая стала проводить более самостоятельную внешнюю политику, ориентируясь на Россию; он привел к принятию передовой для своего времени буржуазной конституции, закрепил права Народной скупщины — парламента, открыл пути к деятельности демократических политических организаций, в том числе социал-демократической партии.

В 1908 г. упрочила свой государственный суверенитет Болгария, ликвидировав формальную зависимость от султанской Турции, что позволило болгарскому государству выйти на международную арену. Через два года объявила себя королевством Черногория. За пять лет до этого, в 1905 г., там была введена конституция. В Греции и Румынии, где национальная независимость была завоевана еще в XIX в., шел процесс дальнейшего укрепления буржуазной государственности. В стороне от общего движения не осталась и Албания. Здесь, начиная с 1910 г., шла борьба под лозунгом создания независимого государства.

Самой логикой вещей на Балканах ставился вопрос о пересмотре устаревшей Берлинской системы 1878 г. и отмене принципа статус-кво, за который цеплялись великие державы. Кризис феодальной Османской многонациональной империи облегчал задачу освобождения еще находившихся под ее властью европейских территорий. «Создание объединенных национальных государств на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига, — такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами», — писал В. И. Ленин [23, с. 38].

И только народная революция и создание в ее результате демократической федерации балканских государств, либо освободительные войны балканских государств против Османской империи, которые могли быть успешными лишь в случае их объединения в военно-политический союз, способствовали бы решению этой задачи.

Первый путь открывал перед народами широкие возможности социально-экономических преобразований и создания государственности на последовательно-демократической основе. За его осуществление выступали прогрессивные силы балканских государств во главе с социал-демократическими партиями. Еще в 1909 г. в Белграде состоялась I балканская социалистическая конференция, на которой были представлены Сербия, Болгария, Румыния, Греция, Турция, а также Босния и Герцеговина, Хорватия, Словения и Македония. «Объединение и взаимная поддержка стран и народов на Балканах, — говорилось в докладе секретаря Социал-демократической партии Сербии Д. Туцовича, — единственный путь, который ведет к экономическому, национальному и политическому освобождению. Наша цель — союз и объединение балканских народов» [24].

Аналогичную позицию занимали Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесных социалистов) и другие социалистические организации балканских стран. Их деятельность обстоятельно изложена в работах советских историков М. А. Бирмана, А. З. Нюркаевой и Е. И. Спиваковского, а также зарубежных марксистских историков, что освобождает нас от необходимости освещения этого вопроса.

К позициям социалистов в Болгарии была близка позиция Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), внешнеполитическая программа которого исходила из двух основных положений: необходи-

мости предотвратить междоусобные войны на Балканах и задачи помешать порабощению балканских стран великими державами, в первую очередь германским блоком. Один из идеологов БЗНС С. Омрачевский писал: «Мощный союз... между всеми народами, населяющими Балканский полуостров..., необходим ради его спасения и его процветания... Только в этом союзе залог мира на Балканах и сохранение их независимости от нашествия германизма» (цит. по: [25]).

За сближение Болгарии и Сербии выступал ряд буржуазных партий и организаций обоих государств. В Болгарии это были Народная партия (лидер И. Гешов), Прогрессивно-либеральная партия (лидер С. Данев), радикальные демократы. В 1911 г. после прихода к власти И. Гешова и избрания С. Данева председателем Народного собрания ими был взят курс на создание Балканского союза.

В Сербии активным сторонником этой идеи был председатель совета министров и министр иностранных дел М. Милованович. Еще в 1898 г. он опубликовал брошюру «Сербы и болгары», в которой говорилось: «Если балканские народы хотят сохранить независимость своих государств, они должны проникнуться пониманием того, что будущее каждого из них связано непосредственно с будущим всех остальных» (цит. по: 26).

Нам удалось ознакомиться с неопубликованными дневниковыми записями М. Миловановича, хранящимися в Государственном архиве Сербии. Краеугольным камнем внешней политики Миловановича стала доктрина объединения балканских государств при опоре на Россию. 19 января 1912 г., за полтора месяца до создания Балканского союза, Милованович записал в дневнике: «Если мы, сербы, хотим остаться независимым государством, то должны, прежде всего, предпринять все, что в наших силах, чтобы достичь соглашения с Болгарией, но этого, в свою очередь, можно добиться только с одобрения и при поддержке России. В противном случае у нас одна дорога — под ярмо Австро-Венгрии. От того, как мы решим этот вопрос, зависит судьба всего Балканского полуострова» [27].

Формирование Балканского союза ускорила итало-турецкая война 1911—1912 гг. Болгарское правительство хотело воспользоваться войной и ослаблением Турции, чтобы освободить от Османской империи еще находившиеся под ее властью территории, сербское правительство шло на союз с Болгарией, главным образом, для того, чтобы заручиться ее поддержкой в случае вмешательства в войну Австро-Венгрии, которая вынашивала планы захвата Новипазарского санджака с перспективой выхода в Эгейское море, что привело бы к окружению Сербии. Часть членов сербского правительства во главе с Н. Пашичем выдвигала программу-максимум, имея в виду приобретение Сербией областей Европейской Турции к югу от р. Вардар [28].

29 февраля (13 марта) 1912 г. между Болгарией и Сербией был подписан договор о дружбе, ставший основой Балканского союза. В мае и октябре того же года к союзу примкнули Греция и Черногория, где также победили сторонники объединения. На Балканах была создана сильная военно-политическая коалиция, способная решать многие задачи, стоявшие перед буржуазными государствами. Одной из них являлась активизация освободительной борьбы против реакционной Османской империи.

В октябре 1912 г. началась первая Балканская война. Как же отнеслась к ней революционная социал-демократия?

В литературе приводится сравнительно мало прямых высказываний руководителей балканской социал-демократии о Балканском союзе и этой войне, что объясняется, прежде всего, принципиально отрицательной позицией социалистов по отношению к войнам как способу решения национального вопроса, а также тем, что последний считался долгое время лидерами социал-демократических партий «делом буржуазии».

Вместе с тем руководители и идеологи балканского социалистического движения не только не игнорировали значения национально-освободи-

тельной борьбы на Балканах, но и активно поддерживали ее. Так, например, Д. Благоев, говоря об исторических задачах воссоединения болгар, писал в 1909 г.: «Национальное объединение — вопрос, который для рабочего класса не может быть безразличен, так как только при условии объединения нации, полной ее экономической и политической независимости возможно развитие сил капиталистического общества, рабочего класса, рабочего движения..., формирование пролетариата в класс для себя» [29].

Д. Туцович в работе «Сербия и Албания» и в других произведениях, выступая против военных авантюр Сербского королевства, отмечал вместе с тем заинтересованность трудящихся масс Сербии в решении национальной проблемы [30].

Газета «Работнически вестник», четко разграничивая позицию БРСДП (т.с.) от позиции буржуазных и соглашательских партий в национальном вопросе, писала: «Если мы выступаем против национализма, то это еще не означает, что мы против национального объединения и против национальной независимости. Разница между нами и националистами состоит не в том, что мы против национальной независимости и национального объединения, как это утверждают апостолы национализма, а в том, что мы считаем Балканскую федерацию единственно верным и возможным путем достижения национальной независимости и национального объединения балканских народов» [31, 1913, 25 V].

Болгарские тесняки и сербские социалисты ясно видели принципиальную разницу между освободительной первой Балканской войной 1912—1913 гг. и братоубийственной второй межсоюзнической войной, развязанной монархиями с целью дележа добычи. Так, один из руководителей БРСДП (т.с.) В. Коларов в серии статей, опубликованных под общим заглавием «Победы и поражения», отмечал прогрессивное значение первой Балканской войны [31, 1912, XI, № 149, 152; XII, № 193].

Д. Благоев высказал мнение, что, раз война началась, «необходимо ее завершить поражением Турецкой империи, которая угнетает многие народы» (цит. по: [32]).

Г. М. Димитров констатировал, что в Болгарии и в других балканских странах после первой Балканской войны началось бурное развитие капитализма, усилился экономический подъем [33, т. 2, с. 309].

Многие тесняки и сербские социалисты, будучи призванными в армию, непосредственно участвовали в этой войне. «В ходе войны, — отмечал В. Коларов в речи на XVI сессии Народного собрания, — социал-демократы, самые последовательные ее противники, были вместе с солдатами в окопах под пулями и шрапнелями... В этой войне социал-демократия доказала, что она тесно связана с народом» [34].

Г. Кирков, разоблачая клевету буржуазии, утверждавшей, что тесняки, выступая в принципе против войны, якобы предали интересы болгарского народа, заявил на XVII сессии Народного собрания: «...Обвинения против нас, против тесных социалистов, что мы оставили свой пост, ложно. Напротив, тесные социалисты заслуживают уважения: они проливали свою кровь на фронте вместе с трудящимися» [35].

Среди непосредственных участников первой Балканской войны были секретарь СДП Сербии Д. Туцович, видные руководители БРСДП (т.с.) В. Коларов, Г. Кирков, Т. Луканов, Д. Монов, Е. Марковски и другие. Многие из них за проявленную храбрость и героизм были награждены правительственными орденами и медалями [32].

Диаметрально противоположную позицию заняли социалисты в отношении межсоюзнической войны 1913 г. Г. М. Димитров писал о «завоевательных стремлениях династий и буржуазных классов Болгарии, Сербии и Греции» [33, т. 7, с. 396—397], Д. Туцович называл войну Сербии с Болгарией «безумием, кровавым злодейством», «погибелью обоих государств», результатом «классового эгоизма буржуазии» [36, с. 29—33]. В «Военном дневнике» он писал, что братоубийственная война наносит удар интернациональным связям пролетариата. «Мне, — заявлял Туцович, — легче умереть, чем воевать против болгарского народа» [36, с. 26].

В своих воспоминаниях Хр. Кабакчиев, разоблачая буржуазно-националистическую пропаганду войны, писал, что «правители Болгарии, Сербии и Греции разожгли межсоюзническую войну под лозунгом „национального освобождения“» [37].

По данным болгарских историков Л. Огнянова и М. Велевой [38] тесняки и левая часть членов БЗНС не только вели пропаганду против войны, но и участвовали в антивоенных выступлениях, пытались сорвать военные мероприятия монархии.

БРСДП (т.с.) обратилась к трудящимся Болгарии с призывом поднять свой голос против войны. «Сегодня, когда над балканскими народами снова возникает грозный призрак чудовищной и позорной человеческой бойни...,— говорилось в обращении,— мы заявляем: война между балканскими союзниками будет страшным и ничем не искупимым злодеянием. Балканским народам необходим не только мир с Турцией, но и длительный, вечный мир между собой» [31, 1913, 6 IV]. 1 мая 1913 г. ЦК БРСДП (т.с.) опубликовал новый антивоенный манифест, подписанный Д. Благоевым.

В Белграде 5 мая 1913 г. было организовано массовое собрание сербской демократической общественности, на котором выступил один из руководителей СДП Д. Лапчевич. Он сказал: «Мы не ходим раздела территорий, мы хотим полной национальной свободы и самостоятельности всех наций в федерации балканских республик. Болгарские пролетарии — наши братья, сербская буржуазия — наш враг» [39]. Против войны, за объединение балканских народов в республиканскую федерацию выступила также Социал-демократическая партия Румынии [40].

Межсоюзническая война, как не без основания утверждал видный болгарский историк Т. Влахов, была спровоцирована Центральной коалицией [41], стремившейся развалить Балканский союз, который представлял для нее значительную угрозу. Венский официоз — газета «Нойе фрайе прессе» сравнивала военно-политический блок балканских государств с «кинжалом, направленным в сердце Австро-Венгрии», Вильгельм II называл его «славянским чудовищем», призывая свою дипломатию усилить работу по его развалу. «Если это славянское чудовище развалится,— инструктировал он статс-секретаря по иностранным делам А. Кидерлен-Вехтера,— война между балканскими славянами надолго нанесет удар панславизму» [42, Bd. 35, № 13373].

В подрывной работе против Балканского союза, которую вела также Австро-Венгрия, открыто признался начальник ее дипломатической канцелярии граф А. Хойош. «Наша политика с начала войны (первой Балканской. — Ю. П.), — констатировал он, — была направлена на то, чтобы взорвать Балканский союз» [43].

Россия и другие державы Тройственного согласия, напротив, пытались сохранить этот военно-политический блок, преследуя при этом разные цели. Царское правительство стремилось отстоять свои позиции на Балканах, Англия и Франция — потеснить Россию, не дав вместе с тем Германии возможности укрепиться в этом стратегически важном регионе. О политике этих государств в изучаемый период написаны содержательные работы болгарских исследователей [19; 44], а также югославского военного историка С. Скоко [45]; история русского верховного арбитража освещена слабее.

В русской политике на Балканах накануне и во время балканских войн можно выделить ряд этапов. На первом из них (от создания Балканского союза и до его войны с Турцией) Россия стояла за мирное урегулирование конфликта. В Петербурге опасались, что он может привести к вмешательству в балканские дела Австро-Венгрии и Германии и что результаты войны будут благоприятными для Турции, а не для балканских союзников. Сама Россия, проигравшая японскую кампанию и не успевшая еще реорганизовать свои вооруженные силы, к войне с Центральной коалицией в то время готова не была.

Второй этап русской политики на Балканах наступил после войны Балканского союза с Турцией, начавшейся вопреки советам России.

Царское правительство придерживалось тогда политики строгого нейтралитета, так как русско-черногорская военная конвенция 1910 г. могла втянуть Россию в нежелательную для нее войну. Кроме того, Россия не хотела осложнять отношений с Турцией, что привело бы к закрытию для нее жизненно важных черноморских проливов. Генеральный курс балканской политики Петербурга в то время был сформулирован министром иностранных дел С. Д. Сазоновым в инструкции по министерству от 15 ноября 1912 г.: «Для России, оставшейся в стороне во время войны, представляется возможность, с одной стороны, упрочить свое влияние среди балканских государств, со включением в их число, если возможно, Румынии, а с другой стороны, укрепить свое положение относительно Турции, которой придется более, чем когда-либо, считаться с нашим к ней отношением» [46, д. 195, л. 1079].

Придерживаясь политики нейтралитета, Россия вместе с тем оказала морально-политическую поддержку и широкую экономическую помощь Балканскому союзу [47]. Русское правительство дало негласное разрешение на сбор пожертвований в фонд помощи Балканскому союзу и на отправку на Балканы добровольцев, а также санитарно-медицинских отрядов [48].

Еще во время войны Россия, первой из держав — участниц Берлинского конгресса 1878 г., заявила о своей готовности пересмотреть устаревший принцип статус-кво на Балканах, имея в виду установление новых, справедливых для балканских государств границ с включением в их состав территорий с единоплеменным нетурецким населением. 18 октября 1912 г. С. Д. Сазонов сообщил об этом посланнику в Белграде Н. Г. Гартвигу, выдвинув следующие предварительные условия: 1) отказ великих держав от территориальных приобретений на Балканах; 2) признание балканскими государствами принципа равновесия сил, т. е. их отказ от междоусобной войны и 3) сохранение за Турцией суверенитета над проливами и полосой территории, обеспечивающей их военную защиту (р. Марица — г. Адрианополь — Черное море) [46, д. 194, л. 339].

23 октября министр повторил это заявление публично сербскому посланнику в Петербурге Д. Поповичу. «Статус-кво мертв и похоронен», — сказал он [49]. Таким образом, уже на этой стадии войны российское правительство поддержало требование балканских народов о воссоединении, а выдвигая тезис о сохранении суверенитета Турции в районе проливов, объективно защищало и ее интересы.

После окончания первой Балканской войны и вплоть до межсоюзнической войны продолжался третий этап в балканской политике России, во время которого Петербург стремился найти пути для урегулирования споров между членами союза при помощи третейского разбирательства. Так, 17 апреля 1913 г. С. Д. Сазонов писал посланникам в Белграде и Софии: «Стремясь сохранить самое полное беспристрастие к обеим сторонам, мы считаем долгом напомнить об одном постановлении, которое при всяком толковании договора не может утратить силы, а именно, что любой спор по поводу толкования или исполнения как договора, так и военной конвенции передается на решение России» [50, с. 57—58]. В той же телеграмме министр подчеркивал необходимость «приложить все усилия к примирению Болгарии с Сербией» [50, с. 58].

В мае в Петербурге была созвана конференция послов великих держав с участием Румынии для урегулирования болгаро-румынских противоречий, в июне и вплоть до начала войны русское правительство постоянно обращалось к правительствам Болгарии, Сербии и Греции с предложением об арбитраже.

Эти предложения, однако, под разными предлогами отклонялись балканскими монархиями, где все большее влияние на политику оказывали милитаристские круги и шовинистическая буржуазия. Г. М. Димитров, анализируя причины такой политики балканских государств, писал, что дележ добычи вызвал оживление «великоболгарского шовинизма, великосербского шовинизма, великогреческого шовинизма и дру-

В Софии тон задавала военщина и придворная камарилья во главе с Фердинандом Кобургом, в Афинах за войну выступал король Константин I и его окружение, в Бухаресте — король Кароль I и правительство Т. Майореску, в Белграде — престолонаследник Александр, значительная часть шовинистически настроенных членов Народной скупщины и милитаристские круги, к которым примкнула влиятельная тайная офицерская организация «Черная рука».

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР хранится интересный документ об отношении принца Александра Карагеоргиевича к предложению России об арбитраже. Это — рапорт военного агента России в Белграде полковника В. А. Артамонова начальнику генерального штаба [51].

В документе сообщалось, что сербский престолонаследник отклонил предложение Петербурга об арбитраже. «Я понимаю всю деликатность предложения России, стремящейся к арбитражу, — сказал принц, — но вместе с тем думаю, что он не может удовлетворить обе стороны. Для них наилучшим выходом была бы война». Шантажируя Артамонова, Александр заявил, что, если Россия поддержит Болгарию, Сербия будет искать поддержку у Австро-Венгрии.

России так и не удалось предотвратить развал Балканского союза и межсоюзническую войну. «Они ускользнули от меня», — горько сетовал 3 сентября 1913 г. С. Д. Сазонов в беседе с временным поверенным в делах Франции в Петербурге Дульсе [52]. Однако петербургский кабинет не сложил оружия и после этой неудачи, продолжая придерживаться прежнего курса на восстановление Балканского союза. «Как ни трудна задача снова сплотить Сербию и Болгарию, — писал С. Д. Сазонов в докладе царю от 23 ноября 1913 г., — но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сжовываться взаимным бессилием» [17, д. 134, л. 79—82].

Чем объяснялась эта позиция?

В расчетах Петербурга имелось несколько аргументов. Одним из них являлось сильное влияние русофильских оппозиционных партий в болгарском парламенте и среди общественности. На выборах 7 декабря 1913 г. в Народное собрание Болгарии оппозиция получила абсолютное большинство голосов — 329 320 против 202 363 голосов, поданных за кандидатов правительства [53]. Среди деятелей оппозиции были такие влиятельные лица, как бывший глава болгарского правительства англофил И. Гешов, посланник в Лондоне М. Маджаров, бывшие посланники в Белграде и Петербурге А. Тошев и С. Бобчев, помощник главнокомандующего болгарской армии, популярный участник освободительной войны 1877—1878 гг. (с 1913 г. — посланник в России) генерал Радко Димитриев, начальник канцелярии болгарского царя Чапрашиков и многие другие.

Вместе с буржуазными оппозиционными партиями против реваншистского, проавстрийского курса правительства В. Радославова выступала массовая организация — БЗНС. 31 декабря была опубликована ее внешнеполитическая программа, в которой выдвигались следующие задачи: «сближение с соседними балканскими государствами, восстановление доверия к Болгарии со стороны России и других держав и мир, мир, мир» [54]. Правда, лидер БЗНС А. Стамболийский внес в программу коррективы, высказавшись за соблюдение Болгарией строгого нейтралитета и неприсоединение ее ни к России, ни к монархии Габсбургов, но даже в таком виде она была приемлема для дипломатии России, стремившейся восстановить единство балканских государств.

Кроме того, петербургский кабинет не потерял надежды воздействовать на самого Фердинанда. Сазонов и посланник в Софии А. В. Неклюдов считали, что если удастся добиться отставки «злого гения» В. Радославова, то болгарский царь снова переметнется на сторону России, как это он

неоднократно делал и раньше. Неустойчивый болгарский венценосец проводил «политику качелей», маневрируя между двумя европейскими коалициями, и в Петербурге рассчитывали на очередной зигзаг в его политике.

Для этих надежд имелись основания. Фердинанд был холодно принят в Вене [55], а Вильгельм II и вовсе отказал ему в приеме, когда болгарский царь направился было в ноябре 1913 г. на поклон в Берлин [17, д. 1351, л. 188]. Кайзеровское правительство, разочаровавшись в Болгарии после ее поражения в межсоюзнической войне, стало делать ставку на Румынию, Турцию и Грецию. В Берлине и Вене не собирались пересматривать итоги Бухарестского мира, о чем прямо предупредил германского посла в Константинополе барона Г. Вангенгейма 13 сентября 1913 г. новый статс-секретарь Германии по иностранным делам фон Ягов, сменивший скончавшегося Кидерлен-Вехтера. Германия, писал он, не хочет быть втянута «в реваншистские планы Болгарии» [42, Bd. 36/I, № 13816].

Советский историк Ф. И. Нотович с документами в руках доказал, что Центральная коалиция вновь заинтересовалась Болгарией только в начале первой мировой войны, когда встал вопрос о ее присоединении к германскому блоку [56].

Русская дипломатия вела также борьбу за Румынию и Грецию. О первой написаны обстоятельные работы В. Н. Виноградовым и Б. В. Кроссом [57], о второй — М. В. Кирсенко [58]. Большой победой дипломатии Антанты было предотвращение греко-турецкой войны, которая могла стать третьей балканской войной. С. Д. Сазонов считал эту победу реваншем за поражение русской дипломатии в межсоюзнической войне.

Однако в целом, несмотря на отдельные успехи в деятельности царской дипломатии на Балканах и на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны, развитие международных отношений в этом регионе складывалось неблагоприятно для России. Германии удалось заручиться поддержкой Турции, что привело к фактическому перекрытию проливов и созданию нового фронта на границах с Кавказом. В состав коалиции Центральных держав вошла Болгария, Румыния и Греция, за которые боролись Россия и другие державы Тройственного соглашения, объявили о своем нейтралитете и только позже присоединились к Антанте. Все это было следствием развала Балканского союза, который так и не был восстановлен, несмотря на все попытки Петербурга.

Подводя итоги сказанному, можно сделать ряд общих выводов. Первый — только единство балканских народов могло обеспечить их успех в борьбе против реакционной Османской империи и против попыток империалистических держав Запада подчинить себе балканские страны. По ряду причин развитие исторических событий на Балканах пошло по пути создания союза монархий, а не по более прогрессивному пути народной революции и образования балканской федерации демократических республик. Однако, несмотря на это, Балканский союз сыграл в целом позитивную роль, что отразилось на итогах первой Балканской войны.

В то же время распад союза привел к междоусобной войне и резко ухудшил общую ситуацию на Балканах. Эта война, по определению В. И. Ленина, была подчинена буржуазным и династическим интересам [23, с. 38].

Принципиальное отличие этих двух войн давно доказано в марксистской литературе. Буржуазная историография, напротив, пытается отказать от этих дефиниций и в последнее время пересматривает трактовку характера второй Балканской войны, утверждая, будто бы она, так же как первая, велась под лозунгами воссоединения единоплеменных народов.

В буржуазной историографии наметилась также тенденция к пересмотру итогов Бухарестского мира 1913 г. и всего периода от окончания второй Балканской войны до начала мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

Глубокою характеристикю этого периода в свое время дала большевистская «Рабочая правда», которая показала, что межбалканские противоречия были использованы империалистическими державами для превращения Балкан в очаг военной напряженности. Говоря о Бухарестском мире и его последствиях, газета писала: «Не мир, а ряд столкновений, ряд кровавых драм, состязания в вооружениях, игра дипломатов, опасения иностранного вмешательства, интриги, иудины поделуи и иудины предательства — вот, что предстоит Балканам» [59].

Наконец, следует сделать вывод о балканской политике царской России. Как и другие империалистические державы, Российская империя преследовала на Балканах своекорыстные цели, но объективно ее попытка сгладить межбалканские противоречия все же отвечала интересам самих балканских стран. Когда эти государства выступали в единстве, они достигали значительных успехов, когда же враждовали — теряли завоеванные позиции. Эти противоречия умело использовали Германия и Австро-Венгрия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Helmsreich E.* The Diplomacy of the Balkan Wars. 1912—1913. Cambridge, 1938; *Bickel O.* Russland und die Entstehung des Balkanbundes. Königsberg — Berlin, 1933; *Pribram A.* The Secret Treaties of Austria — Hungary 1870—1914. New York, 1967; *Langer W.* Russia, the Straits Question and the Origins of the Balkan League 1908—1912. — Political science quarterly, 1928, № 9.
2. *Loeding D.* Deutschland und Österreich—Ungarn Balkanpolitik von 1912—1914. Dissertation. Hamburg, 1969.
3. *Thaden E.* Russia and the Balkan Alliance of 1912. Pennsylvania, 1965; *Rossos A.* Russia and the Balkan. Interbalkan rivalries and Russian foreign policy 1908—1914. Toronto — Buffalo — London, 1981.
4. *Reuter P.* Die Balkanpolitik des französischen Imperialismus. Hamburg, 1979.
5. *Matl J.* Der Panslawismus als politische Idee in Südosteuropa im 19. und 20. Jahrhundert. — In: Wirtschaft und Gesellschaft Südosteuropas. München, 1961, S. 318—319; *Behschnitt W. D.* Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830—1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie. München, 1980.
6. *Папчев А., Попов Р., Шарова К., Стателова Е., Тодорова Ц.* Външната политика на България и опозиционите партии (1900—1914). — Известия на института за история. София, 1973, с. 23.
7. Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976, с. 109—129.
8. *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1983, с. 285—290, 304—310.
9. *Јанковић Д.* Идеја унитаризма и федерализма пре стварања прве Југословенске државе. — В књ.: Федерализам и национално питање. Београд, 1971, с. 191—200.
10. *Живков Т.* Избрани произведения, т. 13. София, 1976, с. 336—337.
11. *Митев А. Й.* Оценка на войните от 1912—1913 на I конгрес на Българското историческо дружество. — Военно-исторически сборник, 1970, № 2.
12. *Миринова М.* Българските марксисти в защита на националните интереси на България 1909—1912. София, 1975.
13. *Атанасова Е.* Димитрије Туцовић и бугарски револуционарни марксистско-тесни социјалисти. — В књ.: Српска социјал-демократија. Београд, 1965, с. 9—25.
14. *Марков Г.* България и нейните съюзници през Балканската война 1912—1913. — Исторически преглед, 1983, № 1.
15. *Potts J.* The loss of Bulgaria. — In: Russian Diplomacy and Eastern Europe 1914—1917. New York, 1963.
16. *Rieber A.* Russian Diplomacy and Rumania. — In: Russian Diplomacy and Eastern Europe 1914—1917. New York, 1963, p. 235—276.
17. Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Политархив.
18. Доклад на парламентарната изпитателна комисија. Т. I. София, 1918, с. 779.
19. *Дамьянов С.* Проблеми на политиката на великите сили спрямо България в навечерието на първата световна война. — В књ.: България в света от древността до наши дни. Т. 2. София, 1979.
20. Статистически годишник на Българското царство за 1912. София, 1915, с. 323—327.
21. *Грѝћ Г.* Развој привреде Србије и Војводине. Београд, 1953, с. 14.
22. *Svarons N.* Histoire de la Grèce moderne. Paris, 1980, p. 73.
23. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23.
24. Историски архив Комунистичке партије Југославије. Т. VI. Београд, 1950, с. 267.
25. *Озъянов Л.* Борбата на БЗНС против първата световна война. София, 1977, с. 110.
26. *Борѝевић Д.* Милован Миловановић. Београд, 1962, с. 178.
27. Државни архив Социјалистичке Републике Србије, ф. Миловановић, д. 10, № 1.
28. *Горавић В.* Преговори о балканским савезима. Београд, 1933, с. 18—23.

29. *Благов Д.* Съчинения, т. 2. София, 1952, с. 309.
30. *Тучовић Д.* Србија и Арбанија. Београд, 1914, с. 81.
31. Работнически вестник.¹
32. *Иванов П.* Тесни социалисти-официри в Балканската война.— Исторически преглед, 1964, № 5, с. 85.
33. *Димитров Г.* Съчинения, 1952.
34. *Коларов В.* Избрани произведения, т. I. София, 1954, с. 215—216.
35. *Кирков Г.* Избрани произведения, т. I. София, 1950, с. 377.
36. *Тучовић Д.* Целокупна дела, св. I. Београд, 1924.
37. *Кабачкиев Хр.* Спомена. София, 1959, с. 115.
38. *Велева М.* Из дейността на БРСДП (т. с.) в навечерието и по време на Балканските войни.— Известия на Института по истории на БКП. София, 1958, кн. 3—4, с. 203—246.
39. Радничке новине, 1913, 7 V.
40. История Румынии. 1848—1917. М., 1971, с. 495—499.
41. *Влазов Т.* Отношенията между България и Централните сили по време на войните (1912—1913). София, 1968.
42. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Berlin, 1926.
43. *Ноуос А.* Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Österreich-Ungarns. Berlin, 1922, S. 38.
44. *Пантев А.* Англия и външнополитическите проблеми на България (1879—1914). София, 1979.
45. *Скоко С.* Војнополитички положај Србије после Букурештског мира 1913.— В кн.: Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976, с. 331—347.
46. АВПР, ф. Комиссия по изданию документов эпохи империализма, оп. 910.
47. *Куюмджиев Б.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русие на България по време на Балканската война 1912—1913. София, 1968.
48. *Куюмджиев Б.* Прояви на руско-българската дружба в Балканската война 1912—1913.— Военно-исторически сборник, 1977, № 4, с. 126—129.
49. *Поповић Д.* Дипломати у Петрограду у време балканских ратова.— В кн.: Годишница Николе П. Чушаћа. Кв. XIII. Београд, 1934, с. 61.
50. *Гешов И.* Балкански союз. Пг., 1915.
51. Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 3054, л. 8.
52. Documents diplomatique francais (1871—1914). Paris, 1929, 3-me série, v. VIII, № 136.
53. *Гринберг С. Ш.* Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне первой мировой войны (1912—1914).— В кн.: Славянский сборник. Минск, 1947, с. 295.
54. Земеделско знаме, 1913, 18 XI.
55. АВПР, ф. Канцелирия, оп. 470, д. 17, л. 126—127.
56. *Потовић Ф. И.* О попытках австро-германской дипломатии вовлечь Болгарию в мировую войну в августе 1914.— Новая и новейшая история, 1960, № 1, с. 116—123.
57. *Виноградов В. Н.* Внешняя политика Румынии накануне первой мировой войны.— Новая и новейшая история, 1960, № 1; *Кросс Б. Б.* Предпосылки отхода Румынии от Тройственного союза накануне первой мировой войны.— Вопросы истории, 1971, № 10.
58. *Кирсенко М. В.* Внешняя политика Германии в период балканских войн.— Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, 1971.
59. Рабочая правда, 1913, 14 VI.

ЖИВОВ В. М.

ЯЗЫК ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И РОЛЬ ГИБРИДНЫХ ВАРИАНТОВ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

История славянских литературных языков в эпоху средневековья предстает как развитие и взаимное влияние различных изводов единого церковнославянского языка — литературного языка *Slavia Orthodoxa* [1; 2; 3]. История этого языка как целого еще не написана, но общие представления о ней — необходимые, в частности, для понимания процессов становления национальных литературных языков позднейшего времени — формируются преимущественно на основе «стандартных» вариантов церковнославянского языка, представленных прежде всего книгами библейского канона и богослужебной литературой в славянском переводе. Языковая норма этих текстов была относительно устойчивой, ее изменения носили, главным образом, сознательный характер, влияние разговорного языка данного славянского народа сказывалось здесь в ограниченном масштабе. Церковнославянская норма того или иного извода возникала в результате допущения в литературный язык отдельных черт живого языка при сохранении противопоставления между живым и литературным языком по основной массе фонетических, морфологических и синтаксических признаков [4, с. 48—51]. Эта норма («стандартный» вариант церковнославянского языка) определяла представления о правильном книжном языке у многих поколений славянских книжников и формировала в их языковом сознании оппозицию книжного и некнижного языка.

В разных типах книжных текстов эта норма, однако, выдерживалась не с одинаковой строгостью. Если в библейской и богослужебной литературе «для соблюдения определенных норм достаточно было следовать 'образцовому' тексту» [5, с. 166; 6, с. 18—20], то при создании новых текстов (особенно текстов нового типа), требовавшим активного владения языком, могли возникать достаточно радикальные отступления от стандартного варианта. При отсутствии основательного грамматического обучения менее начитанные и менее грамотные славянские авторы, создавая книжный текст, руководствуются своими представлениями о признаках, определяющих оппозицию книжного и некнижного языка. В определенном смысле они реконструируют книжный язык, опираясь на свое знание родного языка и свои навыки письма (переписывания книжных текстов, писания на некнижном языке). Результат этой реконструкции зависит от языкового сознания данной страны в данную эпоху, от того, с какими признаками связывается прежде всего оппозиция книжного и некнижного языка и какие признаки рассматриваются как нейтральные с точки зрения этой оппозиции. Понятно, что, задаваясь целью создать книжный текст, автор будет вводить в него отдельные элементы, указывающие на его книжный характер, т. е. смягчать его «признаками книжности»; в то же

время в сфере признаков, нейтральных в плане оппозиции книжного и некнижного языка, будет допускаться безразличное смешение книжных и некнижных (с точки зрения стандартного варианта) элементов.

Видимо, именно таков механизм возникновения целого ряда текстов, имеющих в языковом отношении явно смешанный, креолизированный характер. Такого рода креолизированные тексты характерны для разных локальных типов церковнославянского языка — понятно, что в разных ареалах их конкретный вид будет различен, поскольку различными являются наборы признаков, противопоставляющих книжный и некнижный язык. К таким текстам могут быть отнесены и сочинения Фр. Скорины [7 — 12], и разнообразные произведения светской литературы, имевшие широкое хождение в Московской Руси (о них пойдет речь ниже), и написанные на славеносербском произведения З. Орфелина, П. Юлинца, Г. Терлаича и других сербских авторов второй половины XVIII — начала XIX в. [13; 14; 5; 15 — 19], и некоторые болгарские церковнославянские дамаскины [20; 3, с. 269—270; 21; 22], т. е. очень широкий круг памятников, самым непосредственным образом связанных с литературным и языковым развитием в Slavia Orthodoxa. При всей несхожести этих текстов они характеризуются единым языковым механизмом в их построении и ставят исследователя перед одними и теми же методологическими проблемами¹.

В самом деле, взяв в качестве эталона тексты канонические, можно сказать, что сочинения этого рода написаны на неправильном церковнославянском языке. Тем не менее их авторы имели намерение писать на книжном языке и руководствовались своими знаниями церковнославянского. Поэтому, с точки зрения языкового сознания соответствующей эпохи и ареала, это были книжные тексты. Языковая «неправильность» не мешала их широкому распространению; они могли следовательно, вступать — в лингвистическом аспекте — в отношения преемственности и образовывать свою языковую традицию, не только отражающую языковое сознание их авторов, но и формирующую языковое сознание их читателей. Тем самым, анализируя язык подобных сочинений, недостаточно говорить о нем как о «плохом» [25, с. 106], «вульгарно-литературном» [26, с. 34—35], как о «тузем и скрпљеном језику, који није ни руски ни српски» (И. Склерич о языке И. Юлинца [27, с. 290]), или как о «ежичкој мешавини» (М. Стеванович о довуковском книжном языке [28, с. 6]). Во всех этих случаях исследователь имеет дело с особой разновидностью литературного языка, функционирующей наряду со стандартной разновидностью (их взаимоотношения и их осмысление могут быть различны и зависят, видимо, от характера языковой ситуации в данной стране в данную эпоху, ср. сноску 11). Эти разновидности могли бы быть названы гибридным (церковно) славянским языком, а в соответствии с локальными типами можно было бы говорить о гибридном славенороссийском, гибридном славенобелорусском, гибридном славеносербском и т. д.²

¹ На единый механизм построения указывает появление во всех этих текстах неправильно (с точки зрения стандартного варианта) образованных книжных форм, в которых признаки книжности реализуются в противоречии с грамматической нормой книжного языка, т. е. как бы получают автономную значимость. Они выступают не как показатель определенного грамматического значения, а как показатель принадлежности произведения к числу книжных, как элемент, накладывающийся на нейтральную основу и трансформирующий ее в книжный (для данного языкового сознания) текст. Так, у Скорины встречаются формы аориста, образованные от причастия на -л (от некнижной формы прошедшего времени), типа *пришлахъ, хотелахъ, позналахъ, сълюбилахъ и зналахъ* [7, с. 290] — для восточнославянского языкового сознания противопоставление книжного и некнижного языка связывается прежде всего с употреблением простых прошедших времен [23, р. 32], которые и выступают здесь как основные признаки книжности, выполняющие эту свою функцию и при грамматически неправильном употреблении (ср. еще в «Повести о Карпе Сутолуве» *Аа...би челом* [24, с. 90]). Таким же образом у З. Орфелина появляется форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *естъ*, «чине и тиме истовремено одињу и руско словенског, и руског, и српског, и српскословенског језика» [17, с. 101] — у сербов в качестве признака книжности выступает, понятно, не аорист, а — среди прочих — окончания на -тъ в 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр.

² В применении к церковнославянскому такое обозначение было в свое время предложено Н. И. Толстым [3, с. 234] по аналогии с буддийским гибридным санскритом.

Следует думать, что гибридные разновидности книжного языка, на которых написан целый ряд широко распространенных в свое время произведений, имеют не менее непосредственное отношение к формированию национальных литературных языков позднейшего периода, чем стандартный церковнославянский. Однако для русской традиции (которая имела существенное значение не только для России, но и для славянского Юга) вопрос о такой зависимости (зависимости русского литературного языка нового типа, формирующегося в середине XVIII в., от гибридного славяно-русского) практически не поставлен. За последнее время, однако, появился ряд достаточно детальных лингвистических описаний памятников гибридного языка, и этот материал позволяет предложить определенные гипотезы относительно связи этого языка с позднейшим литературным языком и о его воздействии на инославянские литературно-языковые процессы³. Особенно интересными в этом контексте представляют работы Л. Л. Кутиной [35; 36], которые в совокупности представляют небольшую монографию, посвященную языку проповедей Феофана Прокоповича.

Л. Л. Кутина анализирует грамматическую и лексико-стилистическую систему проповедей Прокоповича и прослеживает ее изменения по периодам его творчества (выделяются четыре таких периода — киевский с 1705 по 1716, первый петербургский с 1716 по 1720, второй петербургский с 1720 по 1730 и третий петербургский с 1730 по 1735 гг.). На всем протяжении своего творчества Прокопович пишет проповеди на церковнославянском языке, однако этот язык существенно эволюционирует — от «книжно-славянского» языка, близкого языку канонических текстов, к тому, что Л. Л. Кутина называет «простым славянским языком» [35, с. 44; 36, с. 8]. Эти изменения рассматриваются автором как индивидуальная эволюция, обусловленная идеологическими установками Феофана. Те же самые процессы допускают, на мой взгляд, иную интерпретацию: выходец из Украины, Феофан сознательно, хотя и постепенно усваивал великорусскую традицию гибридного церковнославянского. Если принять эту гипотезу, то приводимые Л. Л. Кутиной данные приобретают принципиальное значение для выяснения связей между русским литературным языком нового типа и гибридным славянским. Рассмотрению этих данных в указанном аспекте и посвящена эта статья.

Язык проповедей Прокоповича представляется исключительно интересным предметом исследования в силу ряда причин. Творчество Прокоповича занимает важное место в русском литературном процессе XVIII в., его взгляды оказали, видимо, определенное влияние на литературно-языковые концепции первых нормализаторов нового литературного языка (Кантемира, Татищева, Тредиаковского [37, с. 177—184]). Его «Первое учение отрокам», в котором церковнославянский текст соседствует с русским, в количестве 400 экземпляров было в 1726 г. привезено М. Суворовым в Сербию и там долгое время сохраняло свое значение как образец воспринятого сербами русско-славянского языка (возможно, эта книга была одним из импульсов идентификации русского и церковнославянского в языковом сознании сербов в XVIII в. [23, p. 45]). Сочинения Прокоповича, наконец, отражают функционирование церковнославянского языка в период, непосредственно предшествующий формированию рус-

В самом деле, механизм формирования последнего вполне сходен с только что описанным, он является «результатом переработки среднеиндийского текста на основании существовавших в то время представлений о соответствиях между санскритом и среднеиндийским. Эти представления служили базой для воссоздания санскритских форм на основе среднеиндийских» [29, с. 27; 30, с. 61].

³ Я имею в виду прежде всего анализ языка басен Эзопа в переводе Ф. Гозвинского, сделанный Р. Б. Тарковским: автор не только приводит очень ценный лингвистический материал, но и ясно ставит вопрос о связи церковнославянской литературной традиции XVII — начала XVIII в. с русским литературным языком нового типа [31, с. 43—47]. Важные данные содержатся и в работах О. Л. Рюминой о языке «Фадеец» [32—34]; автор, уделяет преимущественное внимание доказательству близости языка этого памятника к церковнославянскому языку канонических текстов, поэтому многочисленные отклонения от стандартного церковнославянского указываются лишь попутно, без попытки осмыслить их как своего рода систему. Отдельные сведения разбросаны и в других работах.

ского литературного языка нового типа. Рассматривается, таким образом, языковая система (и диапазон ее вариаций) той литературной традиции, которая лежит у истоков новой литературы и нового литературного языка.

Вместе с тем, исследование языка Феофана представляет специфические трудности. Действительно, вначале писательская деятельность Феофана проходит на Украине, затем до конца жизни — в Великороссии. Традиции церковнославянского языка на Украине и в Великороссии различны, и Феофан причастен обеим. Это обстоятельство обуславливает особый интерес изучения языка Феофана, поскольку в нем отражается конфликт этих традиций, по это же обстоятельство осложняет исследование, поскольку они мало изучены в их чистом виде и, соответственно, трудно установить, к какой из них восходят те или иные черты языка Феофана. Этот язык отчетливо эволюционирует и на грамматическом, и на лексическом уровне. Л. Л. Кутина справедливо считает, что «сознательность и целеустремленность совершившихся перемен не оставляет сомнений». С ее точки зрения «Ф. Прокопович реформировал свой книжно-славянский язык, сознательно упрощая его и сближая с языком своей аудитории» [35, с. 44]. Отсюда основное направление эволюции понимается как сближение с русской (некнижной) языковой системой [36, с. 49]. Само по себе это верно. Однако определение того полюса, к которому стремится Феофан, как языка некнижного основывается на суженном понимании великорусских книжных традиций, при котором их языковое разнообразие сводится к оппозиции стандартного церковнославянского и некнижного русского языков, а гибридный славянский не учитывается. Если принимать во внимание широкое распространение в Великороссии этого последнего, то можно думать, что стимулом к языковой эволюции было у Феофана не желание сделать свой язык более понятным и доходчивым, но усвоение живой великорусской книжной традиции.

В самом деле, в России и на Украине церковнославянский язык употреблялся по-разному. В рассматриваемый период на Украине церковнославянский функционировал наряду с другим литературным языком, «простой мовой», причем в отношении к простой мове церковнославянский выступал как язык специфически ученый, малопонятный для широкой аудитории. На нем писали, как на иностранном языке, и его употребление свидетельствовало об особой эрудиции автора. Соответственно, писали на нем «по грамматике»: правильность языка задавалась грамматикой, и поэтому сомнения в правильности построенной фразы разрешались обращением к грамматическому руководству. На церковнославянском писали так, как мы сейчас пишем на латыни или древнегреческом. Поэтому неудивительно, что слова Прокоповича киевского и раннего петербургского периодов относятся «к чистому книжно-славянскому типу» [35, с. 43].

В Великороссии церковнославянский был единственным литературным языком, его употребление определялось живой литературной традицией, причем со второй половины XVII в. эта традиция получает новую силу, расширяя сферу своего приложения и возрастая количественно (показывается церковнославянская переписка, церковнославянские дневники, научная литература на церковнославянском языке, церковнославянский функционирует как разговорный язык в ученой беседе [38; 39, с. 85—90]. В какой мере великорусский книжник пользовался грамматическими руководствами, трудно судить — этот вопрос, весьма существенный для определения литературных норм XVII столетия, остается практически неисследованным. Косвенные данные побуждают, однако, думать, что большая часть пишущего, переписывающего и читающего общества ориентируется не на грамматические руководства⁴, а на тексты, которые образуют

⁴ Ориентация на грамматические руководства должна иметь основанием школьное грамматическое учение. Почти до самого конца XVII в. достоверных данных о таком обучении нет; если оно и имело место, то охватывало (вплоть до XVIII в.) лишь весьма узкий круг. Следовательно, обучившись грамоте, великорус, как правило, дальнейшее усовершенствование в церковнославянском осуществлял самостоятельно. Очевидно, что при таком самообучении к грамматикам прибегало лишь относительно малое число лиц. Между тем, круг людей, причастных книжной культуре, был — как показывает распространение рукописей — достаточно обширен. Надо полагать, таким

ее культурный кругозор и служат постоянным фоном собственной литературной деятельности. При этом следует иметь в виду, что обучение церковнославянскому языку в Великороссии в значительной степени рассчитано на его пассивное употребление. Именно поэтому активное употребление церковнославянского оказывает здесь преобразующее воздействие на саму систему языка, существенно видоизменяя ее сравнительно с системой, свойственной классическим церковнославянским текстам.

В самом деле, активное владение оказывается зависимым от характера пассивного восприятия церковнославянских текстов: при пассивном восприятии осуществляется перевод с церковнославянского на русский, при зависимом от него активном — обратный перевод с русского на церковнославянский (см. подробнее [40]). Таким образом, в основе такого «активизированного» церковнославянского лежит русский (некнижный) язык. Пассивное восприятие церковнославянских текстов формирует у носителя языка представление о наборе признаков, противопологающих книжный и некнижный язык. Соответственно, при активном употреблении пишущий следит лишь за признаками, входящими в этот набор (употребляя, например, формы типа *благая* в им. п. мн. ч. ср. р. вместо привычного *благие*, оборот с *уже* вместо оборота с *которой* и т. д.); остальные элементы он в плане оппозиции книжного и некнижного языка не дифференцирует, и это приводит к безразличному смешению в его тексте церковнославянских и русских образований.

Такое употребление, естественно, открывает широкую дорогу к упрощению церковнославянского языка, к редукции его грамматической системы, к его русификации. С одной стороны, при таком употреблении теряются те семантические оппозиции, которые свойственны церковнославянскому, но не свойственны русскому; так, например, формы прошедшего времени могут заменяться формами аориста, имперфекта, перфекта со связкой, однако все эти формы будут употребляться как книжные соответствия некнижному прошедшему времени, т. е. без исконной семантической дифференциации. С другой стороны, набор «окнижняющих» признаков может быть достаточно произволен сравнительно со всей совокупностью черт, противопологающих стандартный церковнославянский и русский языки. Выбираются какие-то определенные признаки, по которым осуществляются замены, остальные же оставляются без внимания. Поэтому вне ограниченного набора признаков церковнославянская система подменяется свободной (бессистемной) вариацией церковнославянских и русских элементов. Отдельные признаки выступают как знаки церковнославянского языка. Если эти знаки появляются, хотя бы и непоследовательно, текст является книжным — каким бы некнижным ни был контекст, в который они поставлены⁵. Подобный гибридный язык был в широком употреблении в Москве XVII и начала XVIII в., на нем написан ряд па-

образом, что большинство овладело навыками церковнославянского без помощи грамматических руководств, что и обуславливает, в конечном счете, утверждение гибридного славянского. Апологию этому процессу находим, например, в эпическом санскрите [30, с. 53].

⁵ В качестве примера приведу несколько фраз из одной из повестей, входящей в состав «Римских Деяний»; разрядкой выделяю «признаки книжности», курсивом — специфически некнижные элементы, указывающие на некнижный язык как субстрат данного текста. «Бы с ть нѣкій рыцарь вельми лютой которой былъ въ великомъ времени, имѣль у себя нѣкотораго слугу вѣрнаго во всемъ осторожливаго, и прилучилося въ нѣкоторой день *какъ* онъ ехаль с тѣмъ слугою на ярмонку, и едучи чрезъ лѣсы посредѣ погубилъ е с и тридесять сребреникъ. *а какъ* ихъ немощь обрести, вопросилъ, своего слуги, *нешаюль* ли е с и ты. тогда слуга его а б і е отперся и клятвою р е к л ѣ что о нихъ невѣмъ ничего з а н е правду сказалъ ему. и *какъ* ихъ рыцарь не сыскалъ, тогда от с е к л ѣ утялъ слугѣ своему ногу и оставилъ его тамъ в лѣсу, а самъ ѣхаль до дому своего, и былъ недалече от дороги в томъ мѣстѣ пустышникъ, которой, *какъ* услышалъ плачь и кричаніе оного слуги, бѣжалъ къ нему и выслушалъ его исповѣди, тогда *как* узналъ я к о онъ невиненъ былъ, в ѣ н е с л ѣ его в домъ свой на рамѣхъ своихъ, и служилъ ему съ милосердіемъ. *потомъ* онъ пустышникъ вшелъ на мѣсто идѣ же обичай имѣлъ молитись и н а ч а Господу Богу молитися и рече я к о н ѣ с т ь праведенъ Судія и Богъ» [41, с. 203—204]. Как видим, «признаками книжности» служат здесь формы аориста, архаические формы зловых причастий, употребление

мятников как переводного, так и оригинального характера⁶, его развитие можно видеть в церковнославянском языке поздних старообрядческих сочинений.

Понятно, что отличие гибридного церковнославянского от стандартного в Великороссии имеет принципиально иной характер, чем оппозиция стандартного церковнославянского и «простой мовы» на Украине. Украинская языковая ситуация определяется сосуществованием двух литературных языков, противопоставленных в языковом сознании их носителей и ориентирующихся на разные нормы правильности; четкая противопоставленность этих языков подчеркивается возможностью перевода с церковнославянского на «простую мову» (см. подробнее [3; 39, с. 70—81]). Совсем иная ситуация имеет место в Великороссии. Стандартный и гибридный церковнославянский не противопоставляются, а отождествляются в языковом сознании. Образцом правильности для гибридного языка служат те же канонические тексты, что и для стандартного церковнославянского. Никакого перевода со стандартного церковнославянского на гибридный не может быть — речь бы шла в этом случае о замене правильных форм на неправильные: понятно, что такой бессмысленной деятельностью никто не занимался. Поэтому здесь нельзя говорить о двух разных литературных языках, но только о разновидности единого литературного языка. Гибридный язык опирается не на особую норму, а на литературную традицию, которая фиксирует наборы значимых для книжного языка признаков, и на ряд ошибок приучает смотреть как на допустимые отклонения.

Я думаю, что, оказавшись в Великороссии, Прокопович стал постепенно усваивать традицию гибридного славянского и что изменения в языке его проповедей связаны именно с усвоением этой традиции, а не со стремлением быть более понятным и доступным (в конце концов, совсем не очевидно, что полногласная форма, например, много «доступнее» неполногласной). Во всяком случае, большинство изменений, которые претерпевает язык Прокоповича, может быть рассмотрено как введение черт гибридного языка в ученый церковнославянский язык югозападнорусской редакции — великорусская система постепенно вытесняет малорусскую⁷.

При данном подходе исследование Л. Л. Кутиной приобретает первостепенный интерес. Это уже не анализ языка одного писателя, а анализ преобразования одного литературного языка в другой, т. е. раскрытие противопоставления двух традиций церковнославянского языка в их динамическом взаимодействии.

Особенно существенно здесь преобразование грамматической системы, поскольку, как не раз отмечалось, «решающее слово при определении языковой системы письменного текста остается за показателями грамматического уровня» [34, с. 66] (ср. [42]). Именно грамматические характерис-

связки в перфекте (в одном случае связка 2 лица употреблена при подлежащем в 3 лице), ридсоюзов и наречий. Эти признаки накладываются на нейтральный фон (которому свойствен, в частности, бессвязочный перфект в качестве немаркированного выражения прошедшего времени), допускающий целый ряд специфически книжных элементов.

⁶ К переводным памятникам относится, например, старый русский перевод басен Эзопа (ср. [31]), «Римские Деяния», «Фадееция», отдельные редакции «Петра Златых Ключей», «География» Помония Мелы и т. д. Из оригинальных памятников назову, например, «Сказание о куре о лисице», «Повесть о Карше Сутулове», тетрадки старца Авраамия, «Описание дел Петра Великого» П. Крекшина и т. д.

⁷ Такой переход от одного языка к другому у украинского книжника, переселившегося в Великороссию, не представляется чем-то уникальным или неожиданным. Барочная культура побуждает писателя ориентироваться на вкусы (в том числе и лингвистические) его аудитории, а не на идеальные представления о норме (значимость нормы, системы правил вообще отходит в барокко на второй план). Поведение Феофана не было беспрецедентным. Известно, например, что, переехав в Москву, Симеон Полоцкий выучивает церковнославянский и начинает писать на нем, тогда как до переезда он писал на «простой мове». Ряд характеристик отличает и церковнославянский язык Димитрия Ростовского в великорусский период его творчества от церковнославянского же языка его более ранних сочинений. Ясно, что во всех этих случаях переход с языка на язык был сознательным актом. В этот ряд естественно ставится и языковая эволюция Феофана Прокоповича.

тики противоположают в языковом сознании того времени книжный язык и некнижный, именно на их основании различаются разные варианты книжного языка. Следует думать, что преимущественно из грамматического материала формируются и «признаки книжности», определяющие облик гибридного языка. Лексические же элементы в своей массе в плане оппозиции книжного и некнижного языка могут не дифференцироваться (для гибридного славянского такая недифференцированность особенно характерна). Напомню в этой связи, что еще в 1935 г. Б. Г. Унбегаун выделял морфологические (формы аориста и имперфекта) и синтаксические (Dativus Absolutus и обороты с *еже* + инфинитив) признаки, характеризующие «le slavon russisé», противопоставляя их непоказательным для определения языка вариациям лексических элементов и форм именного склонения [23, р. 32].

Л. Л. Кутина отмечает, в частности, следующие грамматические изменения, характеризующие эволюцию языка Прокоповича. В системе прошедших времен исчезают формы плюсквамперфекта, «формы бессвязочного перфекта приобретают все больший удельный вес..., число аористов и имперфектов все более сокращается. В 20—30-е годы нормой выражения прошедшего времени у Прокоповича становится бессвязочный перфект, хотя аористы и имперфекты продолжают существовать в качестве очень редких вкраплений даже в текстах аннинского периода (30-е годы)» [35, с. 16]. Однако формы спряжения атематических глаголов последовательно сохраняют канонический вид, не подвергаясь аналогическим заменам. У Прокоповича они, тем самым, оказываются постоянным признаком книжного языка (в великорусских гибридных текстах анологические замены здесь обычны — правильное употребление Феофана обусловлено, видимо, его киевской выучкой). Тексты Прокоповича (всех периодов) насыщены причастиями, которые выступают как необходимый элемент книжной речи. В петербургский период у Прокоповича «появляется тенденция к употреблению формы им. п. ед. ч. краткого действительного причастия наст. вр. м. р. при синтаксических субъектах всех трех родов, а в 20-е годы — и обоих чисел» [35, с. 21]. Несогласованное употребление причастий вообще характерно для гибридного славянского [31, с. 58 сл.], и именно оно было, видимо, одним из источников формирования категории деепричастия в русском литературном языке [43, с. 352—357; 40, с. 169 сл.]. В именной морфологии отдельные параметры претерпевают эволюцию (например, имеет место экспансия флексии *-ов* в р. п. мн. ч. м. р., флексий *-ам*, *-ами*, *-ах* в д. п., тв. п., м. р. мн. ч.), в то время как другие остаются достаточно стабильными (например, выдерживается, хотя с самого начала не вполне последовательно, чередование задненебных со свистящими). Формы звательного падежа при обращении остаются неизменной нормой. Употребление форм дв. числа постепенно сводится лишь к двум лексемам — *очи* и *руки*. Очевидно, что и здесь отдельные характеристики выделяются как релевантные для книжного языка признаки, тогда как другие различия церковнославянского и русского начинают восприниматься как незначимые, что автоматически ведет к русификации текста по этим признакам. В синтаксисе отмечу постепенное вытеснение одинарного отрицания двойным [35, с. 37—38] (единичные употребления одинарного отрицания возможны и в проповедях позднего периода — оно, видимо, сохраняет статус «признака книжности»⁸); родительный восклицания выдерживается достаточно стабильно [36, с. 41].

Л. Л. Кутина подробно анализирует изменения в лексике. Прежде всего рассматриваются слова, образующие соотносительные пары в цер-

⁸ То, что одинарное отрицание может и в петровскую эпоху выступать как средство окнижения, очевидно из примеров, в которых противопоставление конструкций с одинарным и с двойным отрицанием служит для создания стилистического контраста: контраст создается за счет противопоставления регистров и, соответственно, характер отрицания оказывается показателем регистра. Пример такого контраста находим в письме Петра I к царевичу Алексею (1716): «Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точно бранил, но и бивал, к тому же сколько лет почитай не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь...» [44, с. 48, 348].

ковнославянском и русском языках (полногласные/неполногласные формы, *ч* или *щ* на месте **tj* и т. д.). Исследование демонстрирует, что «вариантные группы слов, противопоставленные своей формой в славянской и русской языковой системах, показывают нам однотипный процесс: абсолютная (чистая) церковнославянская норма в Словах киевского периода, проникновение в первом петербургском периоде отдельных русских вариантов форм, стихийно возникающих в языке, но иногда вводимых целенаправленно; снятие запрета на русские формы и непрерывное увеличение в текстах 20-х и 30-х годов русских образований; сохранение ведущей позиции за вариантами славянскими» [36, с. 25]. Замечу, что та вариация соотносительных лексем, которая характерна для поздних произведений Феофана, свойственна и ряду великорусских текстов на гибридном языке (см. ниже). Описывая употребление синонимических славянских и русских лексем, Л. Л. Кутина заключает, что количество русских (и украинских) лексических средств «безусловно превышает обычный объем стихийно вплетающихся в церковнославянский язык русизмов» [36, с. 39]. Этот вывод представляется спорным — явно не учтены многочисленные памятники гибридного славянского языка, в которых лексические русизмы многочисленны и не подвержены нормативным ограничениям.

Как видно из этого краткого обзора, эволюция языка Феофана нигде не противоречит гипотезе о постепенном усвоении великорусской традиции гибридного славянского как мотивирующем факторе происходящих изменений. К данной гипотезе подводит и то обстоятельство, что широко употребляемые Феофаном русизмы в стилистическом отношении оказываются нейтральными. Так обстоит дело с русизмами грамматическими (ср. о вариации флексий: [35, с. 26]), так же и с русизмами лексическими (ср. о вариативности полногласных и неполногласных форм: [36, с. 18]). Если бы Прокопович сознательно вводил русизмы как элементы специфически «простые», «удобопонятные», «народные», это должно было бы отразиться на их стилистических характеристиках: они должны были бы использоваться как средство стилистического снижения, как материал для создания стилистического контраста и т. д. Такое употребление русизмов для Феофана не характерно (хотя стилистический контраст входит в его поэтику — см. ниже).

Стилистическая нейтральность русизмов, вообще стилистическая незначимость варьирующихся в одном абзаце славянизмов и русизмов естественно объясняется, если исходить из представления о гибридном церковнославянском как традиции, которую усваивал Феофан. Стилистическая нейтральность русизмов в гибридном языке совершенно понятна. Как я уже говорил, текст на этом языке строится путем наложения отдельных славянских оквижняющих характеристик на основу, которая в отношении к оппозиции русского и славянского не дифференцирована. Книжный характер текста определяется отдельными славянскими элементами, выступающими как показатели языкового регистра; в рамках прочих элементов чередование русских и славянских форм произвольно, и конечно же, не несет никакого стилистического задания. Чтобы не быть голословным, приведу один пример из литературы, явно далекой от Феофана и чуждой ему, но основанной на той же традиции гибридного языка. В старообрядческой поэзии имеется значительное количество стихотворений, написанных на таком языке (об этом говорят специфически книжные элементы, указывающие на интенцию писать по-церковнославянски); в этих текстах находим и стилистически немотивированную вариацию славянизмов и русизмов. В стихах «Прекрасная мати пустыня» довольно последовательно употребляются славянские формы местоимений (*азъ*, *мя*, *тя*, *мене* (в. п.), *тебе* (в. п.) и т. д.), один раз используется аористная форма (*Потцахся въ тебе убъжати*), в то время как полногласные и неполногласные лексемы находятся в свободной вариации (*по болотам*, *гласъ*, *древа*, *на деревъ*, *главу*, *перемънити*). Такая же вариация и в стихах «Горе тебъ, душе моя» (*голодомъ*, *златымъ вънцомъ*) [45, с. 9—10, 28]. Итак, в гибридном славянском видим те самые черты, которые характеризуют эволюцию языка Феофана.

Выбор гибридного славянского как языка для проповеди безусловно сделан Феофаном сознательно. Феофан вообще очень чувствителен к вариации языковых норм и различиям языковых регистров. Об этом свидетельствует, например, написанный им в киевский период «Разговор гражданина з селянином да певцем или дячком церковным» (см. публикацию [46]), где проводится (в духе украинских интермедий) четкая дифференциация речи персонажей, принадлежащих разным социокультурным группам. Об этом же говорит и «Первое учение отрокам» (СПб., 1723), в котором церковнославянский язык в изложении традиционных молитвословий и догматических определений контрастирует с «простым» языком петрадиционного религиозно-политического назидания. Феофан, следовательно, ясно понимал диапазон имевшихся у него возможностей выбора. Альтернативой гибриднему славянскому мог служить или церковнославянский стандартный, или «простой» язык.

Отвергая стандартный церковнославянский, Феофан руководствовался установками языковой политики Петра I, в которой этот язык определялся как язык специфически клерикальный, неприемлемый для новой секулярной культуры⁹. Стандартный церковнославянский ассоциировался у Феофана с культурной и политической программой противников петровских преобразований (Стефана Яворского, Феофилакта Лопатинского, Федора Поликарпова и др.). Накладывая на русскую культурно-политическую ситуацию европейские схемы, Феофан и его единомышленники рассматривали своих антагонистов как клерикалов, противопоставляющих светскому просвещению церковную идеологию, церковную ученость и особый церковный язык. Чтобы подчеркнуть эзотерически-клерикальный характер этого языка, Феофан приписывал этому языку в целом ту искусственность и эллинизованную ученость, которую насаждали в нем эллиофилы (от Епифания Славинецкого до Федора Поликарпова)¹⁰.

Отказ от стандартного церковнославянского оставлял выбор между гибридным славянским и «простым» языком. Можно думать, что Феофан понимал соотношение этих языков иначе, чем великорусские книжники. Для последних гибридный язык отождествлялся (в языковом сознании) со стандартным церковнославянским, они выступали как две разновидности единой нормы, и простой язык (определявшийся негативно по отношению к церковнославянскому) должен был противостоять обеим разновидностям. Для Феофана, воспитанного в украинской языковой ситуации, представление о церковнославянском связывается со стандартным церковнославянским языком, тогда как любое отклонение от этого языка

⁹ Эта установка накладывалась на старые, сложившиеся еще в Киеве представления Феофана о необходимости общеповитного разговорного языка в религиозно-просветительной литературе. В курсе богословия, который Феофан читал в Киевской академии, он посвящал особую главу вопросу о том, «*utrum liceat S. Scripturam ex hebraeo, graeco, latino aut alio quopiam ignoto idiomate, in alias etiam linguas unicuique nationi proprias, notas et vernaculas vertere; et quod huic cognatum est, non modo Sacerdotibus ac Magistris, sed etiam hominibus promiscue omnibus*» [47, p. 236]. Хотя при этом церковнославянский противопоставляется латыни и объявляется понятным для русских («...*quemadmodum Graeci moderni diuersam in suis libris linguam habent a vulgari sua: illam etiam intelligunt valeat, vti etiam Russi slauonicam*» [47, p. 252]), однако ясно, что принципиальная установка на то, что «*licere, imo debere S. Scripturam in linguas vernaculas conuerti*» [47, p. 237], легко могла быть перенесена на противопоставление церковнославянского и русского языков. При этом пристрастие к ученому церковнославянскому уподоблялось пристрастию к латыни, а сторонники традиционных форм оказывались апологетами папизма, оберегающими от мирян особую клерикальную культуру.

¹⁰ В «Мнении об исправлениях в библейском переводе» 1736 г., в котором Феофан критикует недостатки выполненной в Синодальной типографии (под руководством Поликарпова) редакции библейского перевода, говорится, что «ветхое Славенскаго языка грамматическое учение весьма есть грубое, какъ въ нарѣчїяхъ многихъ, такъ и въ складѣ рѣчей. Нарѣчїя обрѣтаются обетшалыя, которыя давно уже износились и стали онучами, да и чтущимъ неудоборазумѣнныя...» [48, прилож., стлб. XXV—XXVI]. При этом особо осуждаются «безумныи книгочїи», употребляющие «склады... стропотные, наипаче эллинизмы» «для удивленїя народнаго, а своего смѣха достойнаго чванства» [48, прилож., стлб. XXV—XXVI]. Нападки на Ф. Поликарпова и эллиофилов делаются затем общим местом в лингвистических декларациях реформаторов литературного языка (Тредиаковского, Адогурова, Татищева и др.).

(будь то гибридный язык, «проста мова» или великорусские опыты «простого» языка) рассматривается как разновидность «простого» языка, противопоставленного требующему школьного обучения (и тем самым ученому) церковнославянскому¹¹.

Для Феофана, следовательно, вопрос состоит в том, как — функционально — должны быть распределены эти разновидности «простого» языка. Понятно, что для него естественно было связать это распределение с тем противопоставлением гражданского и церковного в языке, которое Петр I последовательно проводил в своей языковой политике (начиная от реформы азбуки [51]). Гибридный славянский оказывался, таким образом, церковным языком (в частности, языком проповедей), а «простой» язык — языком светской литературы. При такой установке Феофан и осваивает постепенно великорусскую традицию гибридного славянского. Постепенность усвоения была обусловлена именно тем, что гибридный язык представляет собой не четко очерченную норму (не особый литературный язык), а литературную традицию, которая требует привычки и навыка.

Сознательность этой функциональной дифференциации гибридного и «простого» языка отчетливо видна при сопоставлении аналогичных по содержанию фрагментов из «Истории императора Петра Великого», написанной (видимо, между 1716 и 1726 гг.) на «простом» языке, и из его «Слова похвального о баталии Полтавской» 1717 г. [52, с. 219], написанного на церковнославянском (в ряде моментов уже отличающемся от стандартного), т. е. светского исторического произведения и произведения ораторского церковного. Сознательность выбора для «Истории» «простого» языка, противопоставленного гибриднему славянскому, засвидетельствована правкой начальных страниц этого произведения, сделанной самим Феофаном [53, с. 124]. Феофан пишет «Историю», компилируя из ряда источников [54, прим., с. 16—18; 55, с. 142—143]. Такой компиляцией (сделанной самим Феофаном или кем-то из его помощников) является и рассказ о событиях 1672—1697 гг. (ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, № 1, л. 3—17). Эта часть первоначально была изложена на гибридном славянском, и именно здесь сосредоточивается лингвистическая правка Феофана. Эта правка имеет целью изменить характер языка — гибридный славянский заменяется на «простой» язык, что достигается удалением из него тех самых признаков книжности, о которых говорилось выше. Действительно, эта правка состоит в замене форм аориста и имперфекта на формы не книжного прошедшего времени, опущения связки в перфекте, замене согласованных причастий на (несогласованные) деепричастия, инфинитивов на *-ти* инфинитивами на *-ть*, форм дв. числа на формы мн. числа, оборотов с дательным самостоятельным на временные придаточные, равно как и в исправлении ряда служебных слов (замены *егда* на *когда*, *обаче* — на *однакожь*, *дабы* на *чтобы*, *аки бы* на *будто*, *тожмо* на *толко*, опущение *убо*)¹². Сопоставление «Истории» и «Слова» с очевидностью демонстрирует функциональную значимость выбора языкового регистра. Приведу несколько примеров:

¹¹ Такое понимание является, видимо, типологически закономерным в условиях двуязычия (а не диглоссии), когда конкурируют два языка: старый литературный язык, снабженный грамматиками и изучаемый в школе, и не имеющий устойчивой традиции новый литературный язык. Такая ситуация имела место на Украине в XVII — начале XVIII в., сходные соотношения можно наблюдать и в Сербии конца XVIII — начала XIX в. Как замечает В. П. Гудков относительно сербского материала, «у разных авторов практика „простого“ языка была различной. Определение „простой“ следует понимать в значении „не церковнославянский“ без идентификации понятия „простой язык“ с феноменом языка народного, диалектного» [49, с. 210]. Соответственно, гибридные разновидности относились здесь к сфере «простого» языка, а не отождествлялись с церковнославянским (как в Великороссии), ср. очень показательный список элементов, позволяющих перейти от славяносербского текста к церковнославянскому в послесловии к итальянской грамматике В. Луштыны [50, р. 53—56].

¹² В 1773 г. «История» была издана М. М. Щербатовым, вновь подвергнувшись при этом лингвистической правке [56, предисловие, л. 2 об.], долженствовавшей приблизить ее язык к нормам последней трети XVIII в. Очевидно, что текстологическое исследование этого сочинения могло бы дать наглядную картину изменения языковых норм в России XVIII в.

Великую, кромѣ инныхъ, видѣти было на оной баталіи обоихъ противныхъ монархъ отвагу: царь Петръ в самом жестокомъ огню неотступно пребывалъ, и воинство приводя дѣйствовалъ: и шляпу на немъ пулею протрѣлено, такъ недалече смерть ходила.

(ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, № 1, л. 190об.—191; ср. [56, с. 213—214]).

И се оная есть славная викторія Полтавская которая инныхъ многихъ скоро по ней бывшихъ викторей матеръ нарецися можетъ. Она бо извѣстно показала, какъ сильное русское воинство, когда шведа /.../ в два часа вконецъ разорило. И под Полтавою [да тако речемъ] сбѣлось что скоро послѣ в Ливоніи, Карелии, Финляндіи, и на инныхъ мѣстѣхъ нетрудно пожала Россія. Сей бо викторіи служомъ пораженны сердца непріятельскіе, немогли в прочихъ акціяхъ воинству російскому долго противитися.

(ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, № 1, л. 191об.—192; ср. 56, с. 214—215).

Самодержецъ нашъ и воинственникъ нашъ: гдѣ не съ стороны, аки на позорищи стоять, но самъ въ дѣйствиіи толикой трагедіи, и гдѣ страшнѣйшій огонь /.../ ту и онъ /.../ И засвидѣтельствова страшный случай мужественное его смерти небреженіе шляпа пулею пробитая. О страшный и благополучный случай! далече ли смерть была от боговѣдчанныхъ главы? [57, ч. I, с. 158].

/.../ како бо неописанная сія побѣда, кто не видить? /.../ Множайшія /.../ издаде намъ плоды поле Полтавское; Полтавская бо побѣда многихъ инныхъ побѣдъ мати есть. Не она ли виновна есть, что Рига со всею Ливонією, Выборгъ и Кексгольмъ со всею Карелиєю, Абовъ съ непобѣдимую (якоже словяще) Финією /.../ и инныхъ крѣпости славныхъ, аки сложенныхъ власти Россійской покорилися, и въ маломъ времени толикое совершилося дѣло /.../ подъ Полтавою, О Россіане! подъ Полтавою сбѣано было все сіе, что послѣ благоволи намъ Господь пожати. Стѣны еще только помянутыи грядовъ стояли, а души и сердца оныхъ подъ Полтавою были уже сокрушены.

[57, ч. I, с. 160—163.]

Такие примеры можно умножить. Они наглядно показывают, что выбор языкового регистра у Феофана содержательно мотивирован — языковые характеристики зависят от функциональной заданности текста, причем показательны здесь не столько риторические украшения (восклицания, вопрошания и т. д.), сколько элементы грамматической структуры (прежде всего такие признаки книжности, как аористы *засвидѣтельствова*, *благоволи*, *издаде*). Таким образом, Феофан явно сознает те выразительные возможности, которые создаются различиями языковых характеристик книжного и некнижного языка.

Эти возможности Феофан использует не только при переходе от жанра к жанру, но и внутри одного текста. Подчеркивая стилистическую нейтральность русизмов в проповедях Прокоповича, Л. Л. Кутина упускает из виду те места этих проповедей, где сочетание разнородных элементов имеет все же стилистическое задание. Контраст языковых регистров является типичным приемом барочной литературы (не только русской, но и французской, немецкой, польской), создающим столь важный для барокко эффект неожиданности, двусмысленности и разнообразия. Если на Западе этот эффект создается соположением ученого и вульгарного, то в России для этой цели естественно используется противопоставление церковнославянского и русского языков (не имеющее аналога на Западе). Этот прием свойствен всей русской барочной проповеди, Феофану — в несколько меньшей степени, чем другим проповедникам (в силу определенного, хотя и непоследовательного отталкивания Феофана от барочной поэтики). Как бы то ни было, у Феофана этот прием представлен, ср., например: *«Влекутъ его [грѣшника] вони сатанинскія; туды ночь суетъ гдѣ чувствуетъ удобныи способы къ прелюбодѣянню»* [57, ч. III, с. 275]. Использование этого приема показывает, что Феофан в принципе осознает стилистические возможности, сообщаемые сочетанием гетерогенных языковых элементов. Для создания стилистического контраста он использует, од-

нако, не отдельные лексические или грамматические элементы (как это делает впоследствии Державин), а более крупные единицы текста. После ломоносовской кодификации всякое соположение церковнославянских и русских элементов оказывается значимым, в эпоху же Прокоповича такое соположение входит в пределы нормы и поэтому стилистической значимости не имеет. Отсюда ясно, что в неограниченном смешении русизмов и славянизмов Феофан не оригинален (как полагает Л. Л. Кутина), а следует определенной традиции современного ему литературного языка, а именно традиции гибридного славянского.

В этом контексте должна решаться и проблема значения языка Феофана для формирования русского литературного языка нового типа. Эта проблема должна быть поставлена как вопрос об отношении гибридного славянского к языковой практике первых кодификаторов нового языка (прежде всего Тредиаковского и Ломоносова). Известно, что формирование нового литературного языка не было органическим эволюционным процессом [58, 59]; он вырос из петровских преобразований и был сознательно построен по образцу западноевропейских литературных языков¹³. В соответствии с этим образцом (прежде всего французским литературным языком, подвергнувшимся классицистической обработке) новый литературный язык должен был стать «почти самым простым Руским словом, то есть каковым мы межъ собой говоримъ»; ориентация на разговорную речь предполагала изгнание из этого языка «глубокословный славенщины» [61, с. 649]. Поскольку, однако, в России отсутствовала нормированная разговорная речь, ориентация на разговорное употребление была в значительной степени фиктивной. В этих условиях задача создания простого языка, противопоставленного славянскому, в какой-то мере сводилась к удалению из нового языка специфических «признаков книжности».

Этим создается зависимость нового литературного языка от предшествующей литературной традиции. Именно эта традиция определяла лингвистический кругозор первых реформаторов языка; именно из нее, следовательно, черпали они свои представления о том, какие признаки являются специфически книжными, а какие — нейтральными (в плане противопоставления книжного и разговорного языка). Можно предположить, что исходной лингвистической традицией, служившей отправным моментом для реформы литературного языка, была как раз традиция гибридного славянского. Новый литературный язык создавался как трансформация старого — та совокупность «признаков книжности», которая раньше вводилась в текст для создания его литературности, теперь из литературного текста изгоняется. Подобная схема хорошо объясняет, почему в первых памятниках нового литературного языка (в произведениях Тредиаковского и Кантемира) имеет место широкая вариация русизмов и славянизмов, в первую очередь русизмов и славянизмов лексических [62, с. 47—51; 63, с. 64—67, 71—76; 64, с. 88—91]. Такое положение естественно, если думать, что новые тексты преобразуются из старых одним снятием признаков книжности: признаки книжности снимаются, но то, что не имело к ним отношения и допускало свободную вариацию в старых текстах, допускает свободную вариацию и в текстах новых. Огрубляя, можно сказать, что реформа литературного языка в какой-то мере сводилась к предписаниям типа «не употребляй форм аориста и имперфекта», «не

¹³ Вряд ли справедлива концепция, которую предлагает в этой связи Л. Л. Кутина. Она пишет: «Главной причиной недолговечности „простого славянского“, лежащей в общей культурной, идеологической плоскости, было то, что к 30-м годам отчётливо и сильно осознается идея национальности, особенности и самобытности русского народа... Эта общественная настроенность привлекала внимание к русскому языку, его богатству и достоинствам. На идеи национальной самодостаточности основаны и реформаторские устремления В. Тредиаковского и А. Кантемира, и стилистическая реформа М. Ломоносова» [36, с. 51]. Церковнославянский язык не воспринимался в России как нечто чужое, противопоставленное национальному началу. Напротив, национальное самосознание связывается именно с церковнославянской языковой стихией, тогда как космополитическое сознание ориентируется на русский язык культурной элиты, открытый для иностранных влияний и международной моды [60].

употребляя форм дв. числа», «вместо яко пиши что» и т. д., в остальном же литературный язык мог сохранять прежний вид.

Этот механизм создания текстов на «простом» языке с несомненностью засвидетельствован правлеными текстами, относящимися к числу первых произведений на этом языке. Правка в них как раз и сводится к элиминации признаков книжности: церковнославянский (гибридный) текст преобразуется в текст русский. О правке Прокоповича на «Истории Петра Великого» уже было сказано выше. Такого же рода правка, принадлежащая Софронию Лихуду, имеется и на наборном экземпляре «Географии генеральной» Б. Варения в переводе Ф. Поликарпова (ЦГАДА, ф. 381, № 1008). Как известно, Петр I остался недоволен церковнославянским переводом Поликарпова и потребовал от него использовать в книге более простой язык [65, стлб. 1054]. Эту задачу Поликарпов и поручил Лихуду, и осуществлена она была именно как замена признаков книжности на нейтральные элементы¹⁴. Поскольку признаки книжности относятся в основном к грамматике, реформа литературного языка в наименьшей степени затрагивала вариативность лексики. Показательно, что за исключением служебных слов лексическая правка практически отсутствует в отредактированной Феофаном части «Истории Петра Великого», случаи же лексических замен в исправленной Лихудом «Географии генеральной» никак не могут быть охарактеризованы как постановка русизмов на место славянизмов. Вариативность лексики характеризует все ранние памятники «простого» языка — от «Географии генеральной» до «Езды в остролюбви» и «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Тредиаковского.

Сходные процессы можно, видимо, выявить и в истории других славянских литературных языков. Так, естественно задаться вопросом, являются ли архаические формы в новоболгарских дамаскинах архаизмами разговорного языка (как полагал в свое время Л. Милетич), или же теми вариативными элементами, которые были широко представлены в написанных на гибридном языке церковнославянских дамаскинах (ср., например, в Бобошевском дамаскине, описанном С. Кожухаровым [21, с. 162]) и которые сохранились при их переложении на «народный» язык. Подобную же нейтральность ряда признаков с точки зрения оппозиции книжных и некнижных элементов в славеносербском языке можно, видимо, считать источником употребления славянизмов и русизмов в сербском литературном языке после реформы Караджича (ср. о языке И. Стерия Поповича [66]).

В русских условиях подобное развитие приводит к противоречию между лингвистической теорией и языковой практикой первых реформаторов языка [64]. В теории литературный язык ориентируется на разговорную речь и исключает славянизмы, на практике же он ориентирован на предшествующую литературную традицию и славянизмы допускает. Это противоречие оказывается стимулом для преобразования теории: литературный язык противопоставляется разговорному, славянизмы объявляются органическим элементом русского литературного языка, а церковнославянский (язык церковных книг) становится образцом правильного употребления. В лексике это приводит к неограниченному усвоению новым литературным языком как слов славянских, так и слов разговорного языка. Полное смешение этих лексических пластов находим, например, в «Телемахиде» Тредиаковского [67]. Такое смешение, однако, могло противоречить новым представлениям о чистоте и правильности языка, сложившимся в результате усвоения лингвистических теорий французского классицизма. Именно здесь можно видеть стимул к стилистической реформе Ломоносова.

¹⁴ Такого же рода правка имеется и на «Библиотеке» Аполлодора, переведенной А. К. Барсовым (ЦГАДА, ф. 381, № 1015). Барсов по прямому указанию Петра переводил на «простой» язык, однако иногда, отдаваясь привычкам церковнославянского письма, употреблял специфические книжные элементы (формы аориста и имперфекта, родительный принадлежности и т. д.). Редактировавшие его перевод справщики заменяли эти признаки книжности нейтральными элементами. Подробному анализу правленных текстов будет посвящена особая работа.

Как я уже говорил, принцип стилистического контраста свойствен поэтике барокко. С точки зрения поэтики классицизма такой контраст воспринимается как недопустимая пестрота, как уродство. В русских условиях подобную оценку получает смешение русских и церковнославянских форм. Барочная «грубость» усматривается не только в том сочетании русских и церковнославянских фраз, которое служило для создания стилистического контраста, но и в таком смешении русизмов и славянизмов, которое раньше воспринималось как стилистически нейтральное¹⁵. Таким образом, нормализация вступает в конфликт с вариативностью русских и славянских элементов, унаследованной литературным языком нового типа от гибридного славянского. В самом деле, Ломоносов из высокого стиля исключает маркированные русизмы, из низкого стиля — маркированные славянизмы, а среднему стилю, в котором допустимы и русизмы, и славянизмы, предписывает «всевозможную ровность, которая особенно тёмь теряется, когда реченіе Славенское положено будет подлѣ Россійскаго простонароднаго» [71, с. 288]. Таким образом, новому преобразованию подвергается все та же традиция гибридного славянского языка.

Итак, в определенной перспективе создание русского литературного языка нового типа может рассматриваться как ряд последовательных трансформаций гибридного славянского языка (это, конечно, не исключает ряда иных моментов, значимых для его формирования). Та же традиция повлияла, видимо, и на формирование славеносербского языка в 1740—1780 гг.: собственно русское влияние не отграничивается здесь от влияния русского извода церковнославянского языка; нельзя исключить возможность того, что эта контаминация имела источником гибридный славянский (славенороссийский), знакомый сербским авторам по тем же проповедям Прокоповича и находивший прямое употребление в произведениях ряда сербских литераторов (ср. о языке «Истории» Й. Райча [23, с. 46—47]). В этом плане изучение памятников гибридного языка оказывается крайне важным и актуальным. Существенным материалом для исследования этой традиции могло бы, видимо, служить и изучение эволюции языка украинских писателей, переселившихся в Великороссию — наряду с языком Феофана Прокоповича, следовало бы провести анализ языка Гавриила Бужинского, Феофилакта Лопатинского, Амвросия Юшкевича и других современных им авторов.

¹⁵ Ср. обусловленное классицистическими позициями (требованиями чистоты языка) критическое отношение к языку Феофана у Ломоносова [68, с. 821], Сумарокова [68, с. 821; 69, с. 280], С. Ф. Наковальнича [57, ч. I, Предисловие, с. 2—3], А. С. Шишкова [70, с. 9—10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. — Вопросы языкознания, 1961, № 1.
2. Толстой Н. И. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 5—21.
3. Толстой Н. И. Взаимотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.). — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 230—272.
4. Дурново Н. Славянское правописание X—XII вв. — *Slavia*, 1933, г. XII, sec. 1—2, с. 45—82.
5. Толстой Н. И. Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.) — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 154—197.
6. Толстой Н. И. Одно старог српског књишког језика према старом словенском језику. — В кн.: Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд — Приштина — Трпшић, 1978, с. 15—25.
7. Владимиrow П. В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888.
8. Журавский А. И. Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературных языков. — Советское славяноведение, 1965, № 2, с. 44—54.

9. Жураўскі А. І. Мова друкаваных выданняў Ф. Скарыны.— В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 277—304.
10. Журавский А. И. О разграничении белорусских и церковнославянских памятников.— В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972, с. 95—101.
11. Журавский А. И. Язык предисловий Франциска Скарыны.— В кн.: Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Федоровские чтения 1977. М., 1979, с. 85—93.
12. Анічанка У. В. Скарынінскія традыцыі на Украіне.— В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 263—276.
13. Голстой Н. И. К историко-культурной характеристике «славяно-сербского» литературного языка.— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 267—281.
14. Голстой Н. И. Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX в.— В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 269—328.
15. Младеновић А. Однос измеђ и домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове вуковске стандартизације.— Зборник за филологију и лингвистику, 1969, XII, с. 43—51.
16. Младеновић А. Норма и књижни јазик у сербов во второй половине XVIII — первых десятилетиях XIX в.— В кн.: Проблема нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976, с. 117—127.
17. Младеновић А. О неким питањима и особинама славеносрпског типа књижевног језика.— Зборник за филологију и лингвистику, 1978, XXI/1, с. 93—112.
18. Младеновић А. Напомене у вези са схватањима о књижевном језику код Срба у XVIII и у првим деценијама XIX в.— Зборник за филологију и лингвистику, 1981, XXIV/1, с. 89—92.
19. Младеновић А. О неким питањима примања и измене рускословенског језика код Срба.— Зборник за филологију и лингвистику, 1982, XXV/2, с. 47—81.
20. Андрейчин Л. Ролята на церковнославянския език за изграждането на съвременния български книжовен език.— Български език, 1958, г. VIII, кн. 4—5, с. 309—320.
21. Кожухаров Ст. Две ръкописни книги.— Българска Академия на науките. Известия на Института за литература, 1965, кн. XVI, с. 147—162.
22. Велчева Б. Норма и традиция в българския книжовен език от XVI—XVIII в.— Български език, 1966, г. XVI, кн. 2, с. 110—124.
23. Unbegaun V. Les debuts de la langue litteraire chez les Serbes. Paris, 1935.
24. Русская демократическая сатира XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977.
25. Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.
26. Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
27. Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII в. Београд, 1909.
28. Стевановић М. Значај и потребе детаљног проучавања вукова језика.— В кн.: Вуков зборник. Уредник В. Повак. Београд, 1966, с. 3—32.
29. Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит. М., 1960.
30. Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
31. Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975.
32. Рюмина О. Л. Формы прошедшего времени в переводной новелле второй половины XVII в. (формы на -л).— Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1970, т. 278. (Русский язык, вып. 17).
33. Рюмина О. Л. Глагольные формы в книжно-литературном языке XVII в. (на материале фаяций). АКД. М., 1971.
34. Хабургаев Г. А., Рюмина О. Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII в.— Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1971, № 4, с. 65—76.
35. Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа.— В кн.: Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981, с. 7—46.
36. Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика.— В кн.: Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л., 1982, с. 5—51.
37. Пумпянский Л. В. Кантемир.— В кн.: История русской литературы. Т. III. М.— Л., 1941, с. 176—212.
38. Кутина Л. Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России.— В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 241—264.
39. Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
40. Живо В. М., Успенский Б. А. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII в. О книге: Grigorij Kotosixin. O Rossii v carstvovanie Alexeja Mixajlovica. Text and Commentary. Ed. by A. E. Penningtin. Oxford, 1980.— International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1984, v. 28, p. 149—180.
41. Римские Деяния (Gesta Romanorum). Изд. ОЛДП. Вып. 1—2. СПб., 1878.
42. Hüttl-Worth G. Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen.— In: Studia Linguistica Alexandro Vasili filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata. Lisse, 1978, p. 187—190.

43. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
44. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. VI. СПб., 1859.
45. Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1910.
46. Верховской П. В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. Т. II. Ростов-на-Дону, 1916.
47. Christianae Orthodoxae Theologiae in Academia Kiowiensis a Theophane Prokopowicz eiusdem academiae rectore, postea archiepiscopo Novogrodensi adornatae et propositae volumen primum. Lipsiae, 1782.
48. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. III. СПб., 1878.
49. Гудков В. П. Борьба концепций «славянского» и «простого» языка у сербов.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 198—211.
50. Costantini L. Slavo ecclesiastico e volgare nella Grammatika Italianskaja di Vikentije Ljuština. Firenze, 1976.
51. Живов В. М. Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование.— В кн.: Труды по знаковым системам, вып. 18. Тарту, 1985.
52. Левин В. Д. Петр I и русский язык (К 300-летию со дня рождения Петра I).— Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1972, т. XXXI, вып. 3, с. 242—227.
53. Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
54. Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1. (XVIII в.). СПб., 1912.
55. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. Л., 1961.
56. История Петра Великого от Рождения Его до Полтавской баталии... сочиненная Феофаном Прокоповичем... Изданная с обрабающегося в кабинетской архиве дел Его Имп. Величества Списка, правленною рукою самого сочинителя. СПб., 1773.
57. Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. Ч. I—IV. СПб., 1760—1774.
58. Issatschenko A. V. Vorgeschichte und Entstehung der modernen russischen Literatursprache.— Zeitschrift für slavische Philologie, 1974, Bd. 37, H. 2, S. 235—274.
59. Исаченко А. В. Когда сформировался русский литературный язык?— Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1978, Bd. XXIV, S. 124—136.
60. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1975, вып. 358, с. 168—322.
61. Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. 3. СПб., 1849.
62. Сорокин Ю. С. Стилистическая теория и речевая практика молодого Тредиаковского.— В кн.: Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976, с. 45—54.
63. Сорокин Ю. С. У истоков литературного языка нового типа (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтепеля).— В кн.: Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л., 1982, с. 52—85.
64. Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского.— В кн.: Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л., 1982, с. 86—128.
65. Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной Типографии Ф. Поликарпова с гр. И. А. Мусиным-Пушкиным...— Русский Архив, 1868, № 7—8.
66. Младенович А. Славеносрпски елементи у језику дела «Роман без романа» Јована Стерије Пошвића.— Зборник за филологију и лингвистику, 1982, XXV/1, с. 121—140.
67. Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды».— В кн.: Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981, с. 68—95.
68. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. VII. М.— Л., 1952.
69. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. Ч. VI. Изд. 2-е. М., 1787.
70. Шишков А. С. Опыт о российских писателях для чтения в «Беседе» (Феофан).— Чтения в Беседе любителей российского слова, 1813, № 8, с. 3—64.
71. Ломоносов М. В. Сочинения. Т. IV. СПб., 1898.

КОСТЮШКО И. И.

ДОЛГОСРОЧНАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СССР И ПНР НА ПЕРИОД ДО 2000 ГОДА

С победой социалистической революции в Польше важным фактором прогрессивного развития ПНР и СССР стало советско-польское сотрудничество, основанное на принципах социалистического интернационализма, уважения государственного суверенитета, независимости и национальных интересов, невмешательства во внутренние дела, полного равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи.

Большое место в советско-польских отношениях занимало и занимает экономическое и научно-техническое сотрудничество. СССР оказал большую помощь Польше в восстановлении ее народного хозяйства, разрушенного в годы войны и гитлеровской оккупации, в создании новой материально-технической базы страны. Советские поставки топлива, энергии, сырья, комплектного оборудования сыграли важную роль в развитии польской экономики, а поставки продукции ПНР в СССР имели существенное значение для советского народного хозяйства. Всестороннее экономическое взаимодействие способствовало созданию в обеих странах ряда современных производств и повышению технического уровня промышленности. Реализация долговременной программы развития специализации и кооперирования производства между СССР и ПНР до 1990 г., координация народнохозяйственных планов и консультаций по согласованию экономической политики знаменовали собой дальнейшее развитие экономического сотрудничества обеих стран. Помощь СССР Польше и углубление сотрудничества между ними содействуют преодолению экономических трудностей ПНР и создают условия для устойчивого развития польской экономики.

СССР и ПНР, придавая важное значение планомерному взаимовыгодному экономическому и научно-техническому сотрудничеству между обеими странами, признали целесообразным осуществлять его на стабильной договорной основе. Во время рабочего визита Первого секретаря ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР В. Ярузельского в СССР 4 мая 1984 г. была принята «Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой на период до 2000 года» [1, 1984, 7 V]. Этот важный документ за Советский Союз подписал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, за ПНР — В. Ярузельский.

Исходя из того, что долгосрочное экономическое сотрудничество между СССР и ПНР отвечает коренным интересам советского и польского наро-

дов, обе стороны считают его главной целью активное содействие повышению благосостояния народов, более полному удовлетворению потребностей населения, развитию народного образования и здравоохранения. «Для достижения этой цели, — указывается в программе, — стороны имеют в виду сконцентрировать взаимное сотрудничество на задачах дальнейшей интенсификации народного хозяйства, всемерного повышения общественной производительности труда на основе ускорения научно-технического прогресса, обновления материальной базы производства путем широкого внедрения современных высокоэффективных технологических процессов, машин, оборудования и материалов, рационального использования производственных мощностей, экономии трудовых и материальных ресурсов, улучшения качества продукции».

В соответствии с определенными КПСС и ПОРП направлениями социально-экономического развития СССР и ПНР и курсом на дальнейшее углубление социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ советско-польское экономическое и научно-техническое сотрудничество в период до 2000 г. будет развиваться по важнейшим отраслям народного хозяйства.

Сотрудничество в области машиностроения предусматривает, прежде всего, решение задач по перевооружению производства с использованием достижений научно-технического прогресса, причем особое внимание обращается на приоритетное развитие качественно новых отраслей машиностроения, в частности микроэлектроники, робототехники, гибких автоматизированных производственных систем. СССР будет углублять специализацию в производстве энергетического, горно-шахтного и металлургического оборудования, дорожно-строительных машин, подъемно-транспортного оборудования, грузовых автомобилей, тракторов, сельскохозяйственных машин, тепловозов и электровозов, металлообрабатывающего и электротехнического оборудования, авиационной техники, различных приборов, изделий радиотехники, средств электронно-вычислительной техники, сложных бытовых машин и приборов и расширять поставку их в ПНР. Польша, углубляя специализацию в судостроении, включая суда для освоения континентального шельфа, в производстве железнодорожного подвижного состава, строительной и авиационной техники, машин и оборудования для легкой и пищевой промышленности, машин для сельского хозяйства, химического, металлообрабатывающего и горно-шахтного оборудования, изделий электротехнической промышленности, электронно-вычислительной техники, радиотехники, средств связи, приборов и др., будет увеличивать поставку их в СССР.

Вместе с тем предусматриваются более глубокая и устойчивая кооперация в разработке и организации производства современных средств комплексной автоматизации производственных процессов, промышленных роботов, микропроцессорной техники и других прогрессивных видов продукции машиностроения и радиотехники, расширение кооперации в производстве автомобилей, станков, подъемно-транспортного оборудования, совместные работы по улучшению технико-экономических характеристик выпускаемых машин и оборудования, повышению конкурентоспособности экспортной продукции и мероприятия по развитию производства машин, оборудования, материалов и комплектующих изделий, импорт которых затрудняется дискриминационными мерами со стороны некоторых западных государств.

Стороны будут осуществлять совместные работы по строительству магистральных и других газопроводов, мероприятия по увеличению добычи угля в ПНР, повышению степени переработки нефти, развитию атомной энергетики, линий электропередач, по налаживанию производства жидкого топлива и газа из углей, использованию сжиженного и сжатого газа в качестве моторного топлива, что обеспечит более полное удовлетворение потребностей обеих стран в топливе и энергии.

В области черной металлургии планируется сотрудничество по поддержке и расширению сырьевой базы, завершению строительства и модернизации некоторых польских предприятий, эффективному исполь-

зованию производственного потенциала, его совершенствованию, повышению качества и расширению ассортимента продукции, увеличению производства легированных сталей и прогрессивных видов проката черных металлов.

Сотрудничество в области цветной металлургии предполагает совместные работы по более полному использованию природных ресурсов, комплексной переработке сырья, повышению степени извлечения полезных ископаемых. Предусматриваются углубление специализации в химической промышленности, расширение взаимного обмена ее традиционными видами сырья и продукции, развитие производства новых видов конструкционных пластмасс, химических и биохимических добавок к кормам, консервантов, средств защиты растений.

В отраслях аграрнопромышленного комплекса главное внимание будет сосредоточено на увеличении производства мяса, молока, жиров, фруктов и овощей, укреплении кормовой базы животноводства, налаживании глубоких производственных связей в области комплексной механизации и химизации, селекции и повышения продуктивности животноводства. СССР окажет содействие ПНР в оснащении сельского хозяйства крупной машинной техникой, оборудованием для мелиорации, в строительстве молочных заводов, а ПНР примет участие в сооружении в СССР хранилищ и предприятий по переработке овощей и фруктов, промышленных холодильников, сахарных заводов и внедрении безотходных технологий переработки продуктов сельского хозяйства.

Планируется расширение сотрудничества в области разработки и внедрения машин и оборудования, технологических процессов и высококачественных материалов для производства товаров народного потребления, увеличение поставок товаров, в том числе из СССР — длительного пользования, а из ПНР — изделий легкой промышленности, систематическое расширение и обновление ассортимента и повышение качества товаров, использование различных форм обмена ими.

В сотрудничестве на транспорте основные усилия будут направлены на обеспечение возрастающих перевозок за счет оснащения транспорта прогрессивными техническими средствами, на совершенствование технологии обработки и перевозки грузов, взаимоувязанного развития транспортных узлов и магистралей. СССР окажет дальнейшее содействие в строительстве варшавского метрополитена.

Научно-техническое сотрудничество сосредоточивается на совместных фундаментальных и прикладных исследованиях. Предусматривается разработка совместной комплексной программы научно-технического прогресса на длительный период, которая будет использована при составлении двусторонних пятилетних планов научно-технического сотрудничества. Намечаются меры по унификации и стандартизации выпускаемых изделий, более эффективному использованию научно-технического опыта и координации деятельности в области закупок (продажи) документации и лицензий.

СССР и ПНР считают необходимым дальнейшее совершенствование форм и методов экономического и научно-технического сотрудничества между ними. Это сотрудничество будет строиться на долговременной плановой основе. «Особое значение, — говорится в документе, — стороны придают более глубокому согласованию важнейших направлений экономической и научно-технической политики, совместной выработке решений по наиболее крупным народнохозяйственным проблемам, представляющим взаимный интерес, усилению прямого взаимодействия плановых и хозяйственных органов обеих стран в сфере науки, техники и материального производства». В связи с этим предусматривается существенное расширение координации пятилетних народнохозяйственных планов, дальнейшее развитие внутриотраслевого сотрудничества, основанного, прежде всего, на производственной кооперации, прямых связях хозяйственных организаций, укреплении договорной системы сотрудничества на уровне правительств, министерств и хозяйственных организаций, расширение обмена опытом между плановыми и хозяйственными органами, сотрудни-

чества профсоюзов и непосредственных контактов между трудовыми коллективами. «Осуществлению положений постоянного документа, — отмечается в нем, — будет содействовать активное участие СССР и ПНР в подготовке и реализации коллективных программ, согласованных планов многосторонних интеграционных мероприятий стран-членов СЭВ и многосторонних соглашений в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Договоренности, включенные в эти программы, планы и соглашения, найдут отражение в мероприятиях по двустороннему сотрудничеству между СССР и ПНР и в народнохозяйственных планах обеих стран».

Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР на период до 2000 г., основанного на принципах социалистического интернационализма, имеет большое экономическое и политическое значение. Она убедительно свидетельствует об успешном развитии советско-польского сотрудничества и о больших возможностях дальнейшего расширения его в интересах обеих стран, дела социализма и мира. «Хотя, — указывал К. У. Черненко, — ее основное содержание составляет развитие народнохозяйственных связей, это, безусловно, документ, имеющий крупное политическое значение. Реализация заложенных в нем идей позволит эффективнее и ко взаимной выгоде использовать созданный в наших странах производственный и интеллектуальный потенциал, сообща продвигаться к новым рубежам прогресса, глубже раскрыть соиздательные возможности социализма» [1, 1984, 5 V]. Высоко оценивается долгосрочная программа и польской стороной. «Это, — подчеркивал В. Ярузельский, — яркое доказательство прочности наших взаимных связей и в то же время их благоприятная долгосрочная перспектива» [1, 1984, 5 V].

Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР успешно претворяется в жизнь. В октябре 1984 г. в Варшаве состоялись переговоры о координации планов экономического и социального развития обеих стран на 1986—1990 гг. и до 1995 г. в соответствии с долгосрочной программой и решениями Совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне. Осуществляются совместные мероприятия по развитию техники, топливно-сырьевой базы, кооперации и специализации обрабатывающей промышленности.

В декабре 1984 г. были подписаны протокол о переговорах между правительственными делегациями СССР и ПНР по вопросам научно-технического сотрудничества и соглашения о разработке комплексной перспективной программы научно-технического прогресса в СССР и ПНР, о пропаганде достижений советской и польской науки и техники и результатах сотрудничества в 1985—1987 гг., о сотрудничестве в разработке изделий широкого потребления высокого качества, о сотрудничестве в области механизации и автоматизации монтажных работ [1, 1984, 16 XII].

Всестороннее и взаимовыгодное сотрудничество между СССР и ПНР содействует сближению братских стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда.

КАЛАШНИКОВА Н. Ю.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ РУМЫНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Вступление Румынии на путь социалистического строительства открыло перед ней широкие перспективы экономического и социально-политического развития. За короткий исторический срок «в румынском обществе осуществлены самые глубокие структурные преобразования экономического, социального и политического порядка... Румыния превратилась из страны с явным аграрным характером, слабо развитой промышленностью и отсталым сельским хозяйством в промышленно-аграрную страну с мощной, быстро развивающейся индустрией...» [1, с. 50—51].

В результате социалистической индустриализации и кооперирования сельского хозяйства была создана единая социальная экономика, утвердились социалистические производственные отношения, повысился жизненный и культурный уровень народа. IX съезд РКП (1965) констатировал завершение построения основ социалистического общества в стране [1, с. 21—22].

В процессе реализации плана экономического и социального развития на 1966—1970 гг. происходила достройка основ социалистического общества, консолидация социализма [1, с. 22].

X съезд РКП, подводя итоги развития страны, отметил наличие необходимых условий для перехода к построению всесторонне развитого социалистического общества. Этот этап, указывается в «Программе РКП», начался одновременно с переходом к выполнению задач пятилетки 1971—1975 гг. и охватит несколько десятилетий [1, с. 23]. По мнению некоторых румынских авторов, период 1971—1980 гг. составляет первый подэтап строительства развитого социализма, когда «был достигнут значительный прогресс в гармоничном, поступательном развитии страны, рост экономического потенциала всех уездов, новый импульс получило развитие науки и культуры, социалистической демократии» [2, р. 27]. Выполнение пятилетнего плана 1981—1985 гг. позволит «обеспечить переход Румынии на новую стадию — социалистического государства со средним уровнем развития» [2, р. 16].

■ За годы строительства социализма румынский народ под руководством РКП добился значительных успехов во всех областях общественно-политического и экономического развития страны. Как отмечалось на XIII съезде РКП, объем промышленной продукции с 1945 по 1984 г. вырос в 100 раз, сельского хозяйства — в семь раз [3, 1984, 20 XI]. Один лишь город Бухарест производит сегодня промышленной продукции в шесть раз больше, чем вся довоенная Румыния. Индустрия дает народному хозяйству свыше $\frac{3}{4}$ необходимых машин и оборудования [4].

Одновременно с процессом индустриализации проходил процесс урбанизации страны. В период 1967—1977 гг. ежегодный прирост городского населения в стране составлял около 260 тыс. человек.

Таблица 1

Эволюция основных показателей уровня жизни
(в % относительно 1950 г.)

Показатели	1955 г.	1970 г.	1980 г.
Национальный доход на душу	354	482	11 раз
Реальная зарплата (ретрибуция)	226	272	418
Средняя номинальная чистая зарплата	305	382	664
Доходы крестьян (кооп. и некооп.) на работающего:			
реальная	189	202	434
номинальная чистая	296	342	822

Таблица 2

Потребление предметов первой необходимости на душу населения

Предметы потребления	1950 г.	1965 г.	1980 г.
Мясо и мясные продукты кг	16,7	26,6	62
Молоко и молочные продукты л	107,6	105	200
Жиры кг	5,35	11,8	19
Яйца шт.	59	115	270
Сахар и производные кг	6,9	15	30
Овощи и производные кг	65,6	75,3	160
Фрукты и производные кг	20,7	26,7	63
Ткани, включая конфекцию м	13,19	16,26	29
Обувь (пары)	0,62	1,97	4

Таблица 3

Социально-классовая структура занятого населения
(в тыс. человек)

Основные социальные категории	1950 г.	1980 г.	1980 г. (в % от всего занятого населения)
Рабочие	1 223	5 868	56,7
Интеллигенция (вместе со служ.)	900	1 471	14,2
Кооперированные ремесленники, ремесленники-единоличники, представители свободных профессий	304	513	4,9
Кооперированные крестьяне	—	2 195	21,2
Некооперированные крестьяне	—	302	2,9
Всего занятого населения	8 380	10 350	100

Таблица 4

Индекс рабочих, занятых в основных отраслях народного хозяйства
(в % относительно 1950 г.)

Отрасли народного хозяйства	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1975 г.	1980 г.
Промышленность	143	167	225	399	420
Строительство	221	229	318	476	490
Сельское и лесное хозяйства	129	145	195	228	240
Транспорт и связь	161	182	259	338	402
Сфера обслуживания	158	270	405	662	680
Всего	161	187	254	408	450

Намного повысился жизненный уровень народа, о чем убедительно свидетельствуют табл. 1—2 [5, 1980, № 19, р. 24; 6, 1980, р. 45].

Строительство социализма сопровождалось существенными изменениями в социальной структуре общества (табл. 3) [6, 1984, р. 127, 223].

Рабочий класс, обладая средствами производства, стал ведущей силой в обществе. В процессе социально-экономических преобразований, научно-технического прогресса, модернизации народного хозяйства, углубления общественного разделения труда, развития всеобщего и профессионально-технического образования происходили количественные и качественные изменения рабочего класса. Его ряды рекрутировались из рабочей среды (35—40%), кооперированного крестьянства (ок. 55%) крестьян-единоличников, кустарей, путем сокращения административного аппарата, за счет привлечения не занятых на производстве женщин. В результате этого происходили определенные сдвиги в социальной структуре общества. Численность рабочих в 1980 г. по сравнению с 1950 г. возросла в пять раз, на их долю приходится более половины всех занятых в народном хозяйстве [6, 1979, р. 129]. Среди рабочих женщины составляют 40%, а в отдельных отраслях производства до 80%.

Большинство рабочих в настоящее время (более 50%) занято в промышленности и обеспечивает около 60% национального дохода [3, 1979, 20 IX].

О распределении рабочих по отраслям народного хозяйства и удельном весе отдельных отрядов рабочего класса в 1955—1980 гг. дает представление табл. 4 [7, 1980, № 7; 6, 1981, р. 124—125].

Существенные изменения произошли в профессиональной структуре промышленных рабочих, причем более быстро росло число рабочих в ведущих отраслях промышленности. В машиностроении, металлургии, энергетической промышленности в 1950 г. было занято 27%, в 1980 г. — около 45% всех рабочих [3, 1979, 21 XI] (в машиностроении — 1,06 млн человек, в металлургической — 178,5 тыс. человек) [3, 1979, 21 XI]. В лесной и деревообрабатывающей промышленности в 1980 г. насчитывалось 292,4 тыс. человек, в текстильной — 361,4 тыс., в пищевой — 207,7 тыс. человек [6, 1981, р. 209]. Дальнейшая специализация производства и новые технологические процессы обусловили появление ряда новых профессий.

Сравнительно высокой степени достигла концентрация рабочих в промышленности. В среднем на одно предприятие приходилось в 1970 г. 1338 человек, в 1980 г. — 2171 человек. В 1980 г. предприятия с числом рабочих свыше 500 человек составляли 72% всех промышленных предприятий, на них работало 95% рабочих и производилось почти 94% валовой промышленной продукции [6, 1981, р. 144—145]. В общем числе рабочих лица, выполняющие вспомогательные работы (погрузка, мелкий ремонт и т. п.), составляют более 22% [8].

Характерной чертой образовательного и социо профессионального развития рабочего класса является рост так называемого образовательного запаса, т. е. числа лет обучения на душу населения. По сравнению с 1950 г. он к 1980 г. увеличился в два раза [5, 1982, № 2, р. 14—16]. Удельный вес рабочих с начальным образованием сократился с 85% в 1956 г. до 30% в 1978 г. Свыше 37% всех рабочих имеют образование 7—8 классов [9, 1979, № 23, р. 27].

В социологическом исследовании, проведенном на 32 промышленных предприятиях, приняли участие рабочие с образовательным запасом от 4 до 10 лет. Из них 12,2% имели 4 класса школьного образования, 67,9 — от 4 до 7 классов; 80,1% от всего числа опрошенных получили квалификацию на предприятии [10, 1980, № 13, р. 14].

Широкое развитие получило профессиональное обучение в специальных школах, лицеях, на курсах повышения квалификации и т. п. Число выпускников профессиональных школ выросло в период с 1950 г. по 1980 г. в четыре раза, краткосрочные курсы повышения квалификации только за пятилетку 1975—1980 гг. окончили на 84,9% слушателей больше, чем в 1971—1975 гг.

О повышении квалификации рабочих в 1964—1978 гг. можно судить по данным табл. 5 [9, 1979, № 16, р. 35; 11, с. 100].

Путь к модернизации села был открыт осуществленным к 1962 г. кооперированием сельского хозяйства. Хотя общий объем продукции сель-

ского хозяйства значительно возрос, его доля в общественном продукте сократилась с 30,4% в 1965 г. до 14,3% в 1976 г., уменьшилась и его доля в национальном доходе (с 37,4% до 18,3%) [3, 1977, 10 V]. К 1980 г. население, занятое в сельском хозяйстве, сократилось на 74,1% по сравнению с 1950 г. [3, 1980, 22 XI]. В настоящее время кооперированные крестьяне составляют примерно $\frac{1}{4}$ занятого населения страны. Доля кооперированных крестьян достигла 72% занятого в сельском хозяйстве населения [6, 1981, p. 121].

Электрификация села была осуществлена к 1968 г. Принятые в 70-х годах постановления по совершенствованию структуры и организации

Таблица 5

Профессиональное обучение промышленных рабочих

Форма обучения	1964 г. тыс. чел.	1978 г. тыс. чел.	1964 г. %	1978 г. %
Специализированные лицеи, школы мастеров	21	238	0,9	5,4
Профессиональные школы	327	1 338	14,8	28,4
Курсы повышения квалификации	574	1 921	25,8	40,8
Практика на производстве	1 303	1 213	58,6	25,7
Всего квалифицированных рабочих	2 225	4 710	100	100

управления сельским хозяйством направлены на ускорение процесса концентрации и специализации производства, формирование аграрно-промышленного комплекса. К настоящему времени 200 населенных пунктов страны, расположенных в сельской местности, получили статус аграрно-промышленных центров [5, 1983, № 20, p. 28].

С расширением механизации сельского хозяйства труд кооперированного крестьянина приобретает некоторые черты индустриального труда. Качественные изменения внутриклассовой структуры крестьянства сопровождаются повышением степени разделения труда в сельском хозяйстве, появлением новых профессий, связанных с освоением новейшей техники и оборудования. Растет удельный вес квалифицированных организаторов сельскохозяйственного производства. По данным на 1980 г. в сельском хозяйстве Румынии работало 1 2633 агрономов с высшим и 7259 со средним образованием; 4222 зоотехников с высшим и 2323 со средним образованием; 3122 ветеринарных врачей с высшим и 2890 со средним образованием; 2684 инженеров-механизаторов с высшим образованием [6, 1981, p. 379].

В то же время необходимо отметить, что уровень квалификации и общеобразовательной подготовки крестьян-кооператоров значительно ниже, чем рабочих.

Наряду с падением численности крестьянства современная румынская деревня сталкивается с проблемами старения и феминизации. Увеличивается доля женского труда: по данным на 1981 г. в сельском хозяйстве было занято: в возрасте от 15 до 20 лет — на 100 мужчин — 155 женщин; от 36 до 40 лет — на 100 мужчин — 183 женщины; от 55 до 60 лет — на 100 мужчин — 195 женщин [5, 1980, № 1, p. 11].

В настоящее время в сельском хозяйстве работают около 416 тыс. молодых тружеников (11,8% занятых по сравнению с 27% в 1950 г. и 26% в 1960 г.) — т. е. около 16% всей занятой молодежи, в то время как ее удельный вес в национальной экономике в целом составляет примерно 25%. В современных секторах сельскохозяйственного производства, где для освоения ряда профессий необходима специальная подготовка, удельный вес молодых кадров выше и составляет почти 50% [6, 1982, p. 316, 321].

Остро стоит проблема маленьких деревень (73% их имеют население менее 1 тыс. человек). Предусматривается концентрация их на сравнительно компактной территории. Многие жители деревень Прикарпатья не имеют возможности найти работу рядом с домом и трудятся в городах Буззу и Рокпань. Остро стоит проблема сезонной незанятости. В уезде

Яссы, например, из 310 тыс. активного населения 100 тыс. работают в сельском хозяйстве и заняты 77 дней в году, с учетом личного хозяйства — 102 дня в году, т. е. $\frac{1}{3}$ от возможно используемого времени [5, 1982, № 2, р. 33].

В горной и предгорной местностях сохранилась определенная доля некооперированных крестьянских хозяйств, составляющая 585 тыс. крестьянских дворов с населением более 818 тыс. человек. Частный сектор располагает 9,4% всех земельных сельскохозяйственных угодий, в их собственности — 1 млн голов крупного рогатого скота. Индивидуальные хозяйства производят 4% зерновых, 9 — овощей, 15% мяса [5, 1981, № 3, р. 16].

Важное место в обществе занимает интеллигенция. Рост ее влияния на этапе построения развитого социалистического общества вызван увеличением доли умственного труда в сфере материального производства, превращением науки в определяющий элемент производительных сил общества. Велика роль интеллигенции в осуществлении задачи воспитания нового человека и закрепления в обществе нового, социалистического и коммунистического типа общественных отношений. Она сформировалась в основном в годы социалистического строительства. Так, к 1968 г. насчитывалось только 12,3% лиц с высшим образованием, получившим его до 1944 г., т. е. при буржуазно-помещичьем строе, а 87,7% — в годы народной власти. Заметно растет численность интеллигенции — в 1956 г. она вместе со служащими составляла 10,4% активного населения, в 1966 г. — 11,9%, в 1976 г. — 14,7% [3, 1977, 10 V]. Техническая интеллигенция в 1980 г. составляла свыше 40% от всей интеллигенции страны [12]. В 1976—1980 гг. в народное хозяйство пришли еще 300 тыс. специалистов с высшим и средним образованием [11, с. 332]. Бурный рост производства и культурная революция потребовали подготовки большего числа специалистов высокой квалификации. Система высшего образования имеет две параллельные формы обучения — сокращенную (сроком до трех лет) и полную (сроком до шести лет). По сокращенной программе готовятся младшие инженеры, преподаватели лицеев, врачи-дантисты (техники) и т. д. В настоящее время в стране функционируют 19 университетских центров со 134 факультетами (в 1938 г. было 3 университета с 33 факультетами). В 1982 г. в вузах обучались 181,1 тыс. студентов, т. е. в 6,8 раз больше, чем в 1938 г., работали 14,3 тыс. преподавателей (в 1938 г. — 2,2 тыс.) [3, 1983, 9 II]. За годы народной власти существенно увеличилось число медиков, юристов, педагогов, творческой интеллигенции. Так, в 1983 г. в Румынии работало 44,5 тыс. врачей, в том числе 7,3 тыс. стоматологов; на каждые 10 тыс. жителей приходилось 19,7 врачей всех специальностей (по сравнению с 9,5 в 1950 г.) [6, 1983, р. 312].

Наряду с возрастанием роли интеллигенции в обществе происходит все более тесное ее сближение с рабочим классом. Однако следует отметить, что интеллигенция имеет самую высокую степень самовоспроизводства [13].

Определенное место в социально-классовой структуре общества занимают кустари и ремесленники (513 тыс. человек, или около 5% занятого населения). В настоящее время $\frac{2}{3}$ ремесленников кооперированы в артели и мастерские. Частный сектор в городе занимает незначительный удельный вес. Некооперированные кустари и лица свободных профессий составляют около 0,8% всего занятого населения и трудятся в основном в сфере услуг. Мелкие ремесленники-частники, как и крестьяне единоличники, используют свой труд и труд своих семей и не являются носителями общественно-экономических и политических отношений, отличных или противоположных господствующим социалистическим отношениям. В процессе строительства развитого социализма они интегрируются в общую структуру, образуя промежуточные слои, дальнейшая социализация которых еще недостаточно подготовлена или целесообразна [14].

В процессе развития общественного производства, повышения жизненного и культурного уровня населения по мере развития и взаимопроникновения двух основных форм социалистической собственности

происходит сближение классов и социальных групп общества. Это не стихийный процесс, а составная часть политической стратегии РКП. Этап построения всеобщего развитого социалистического общества не предполагает уничтожения классов; процесс создания социально однородного общества завершится с перерастанием всеобщего развитого социалистического общества в коммунистическое [1, с. 113].

Перспективные программы социально-экономического развития страны на 90-е годы призваны способствовать дальнейшим качественным изменениям социальной структуры общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Програма Румынской Коммунистической партии по построению всеобщего развитого социалистического общества и движению Румынии к коммунизму. Бухарест, 1975.
2. *Mitrăn I.* Concepția PCR cu privire la societatea socialistă multilateral dezvoltată.— *Era socialistă*, 1982, № 1.
3. *Știința*, 1984, 20 XI.
4. Правда, 1984, 20 VIII.
5. *Era socialistă*, 1982, № 2.
6. Anuarul statistic al RSR pe anul 1979, București, 1980.
7. Румыния, 1980, № 7.
8. *Băți I.* Folosirea rațională a forței de muncă. Condiție a creșterii productivității.— *Era socialistă*, 1980, № 24, p. 13—15.
9. *Păcuraru I.* Dinamica dezvoltării și calificarea forței de muncă. *Era socialistă*, 1979, № 23.
10. *Gușan A.* Calificarea personalului muncitor și creșterea productivității.— *Era socialistă*, 1980, № 13.
11. Социалистическая республика Румыния. М., 1984.
12. *Trăistaru E.* Dinamica structurii sociale și omogenizarea socială *Era socialistă*, 1981, № 21, p. 17.
13. *Trăistaru E., Trăistaru I.* Omogenizarea societății românești. Craiova, 1979, p. 16.
14. Социальная политика коммунистических и рабочих партий в социалистическом обществе. М., 1979, с. 466.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Рабочий класс социалистической Венгрии 60-х и первой половины 70-х годов. М., 1984, 336 с.

Комплексное изучение современного социалистического общества и его структуры, деятельности и развития каждого класса и социального слоя, и, прежде всего, рабочего класса как ведущей политической, основной производительной и главной социальной силы, является особенно актуальным в связи с необходимостью решения целого ряда сложных научно-практических задач строительства и совершенствования развитого социализма. В материалах XXV, XXVI съездов КПСС, Июньского (1983) Пленума ЦК партии, съездов братских партий стран социалистического содружества указывалось на необходимость глубокого и всестороннего исследования проблем современной социальной истории, выявления закономерностей становления бесклассового общества, основных тенденций в развитии и сближении классов, обобщения богатого опыта других стран социализма.

В рецензируемой монографии Б. Й. Желицки освещаются важные проблемы социальной истории страны и венгерского рабочего класса на этапе строительства развитого социализма. Книга состоит из двух взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга разделов. В первом анализируются важнейшие социально-экономические предпосылки и факторы, способствовавшие стремительному росту рядов рабочего класса — изменения в экономической политике, структуре народного хозяйства и в профессиональном составе рабочей силы. Тут же нашли отражение важнейшие результаты переменений в социально-классовой структуре ВНР: рост числен-

ности и влияния рабочего класса, углубление и дальнейшее развитие социалистических черт венгерского общества, подняты проблемы сближения различных социальных групп населения, выявлены основные пути и тенденции социального развития. Все это является как бы фоном для раскрытия основной темы труда, но имеет вместе с тем и самостоятельное научное значение, так как носит сугубо исследовательский характер. Автор практически впервые знакомит советских читателей с ходом и содержанием тех интересных и плодотворных дискуссий о характере изменений в социальной структуре общества и о социальных границах современного рабочего класса, которые имели место в ВНР во второй половине 60-х и в 70-е годы.

Б. Й. Желицки эту часть монографии подает в полемическом ключе, с анализом взглядов и концепций венгерских ученых А. Вирта, М. Бузы, А. Хегедюша и Ж. Ферге. Они предложили две различные позиции в подходе к изучению социальной структуры, затронули теоретико-методологические проблемы социального развития. Полемический тон автора книги при изложении определяется необходимостью критики и уточнений некоторых положений, высказанных исследователями. Различия во взглядах венгерских исследователей объясняются как их теоретико-методологическими позициями, так и разницей в методике анализа, в подходе к выбору и использованию его исходных показателей и критериев.

Нужно отметить, что и данная монография не поставила точку над «i» и дискуссия о границах и структуре рабо-

чего класса до конца не завершена, выявляются разные толкования понятия «рабочий класс». Автор книги делает вывод; что венгерский рабочий класс «стал не только важнейшей общественной силой, объединяющей подавляющее большинство населения ВНР, но предстал в качестве сложного многогранного социального организма со всеми присущими ему исторически сложившимися чертами, которые он впитал в себя на протяжении истории. Наличие в его составе различных отрядов, групп и прослоек не ослабляет его роль как ведущей силы социалистического общества, наоборот, расширяет возможности его социального влияния и политического воздействия на все другие группы общества» (с. 82).

Во втором разделе книги подробно излагается история развития венгерского рабочего класса, анализируется процесс его превращения в самую могучую и влиятельную силу общества, дан его дифференцированный социальный портрет. Здесь раскрыты проблемы и динамика роста численности, показаны источники социального пополнения, территориальной и производственной концентрации, количественного и качественного роста и изменения состава рабочего класса по ряду основных признаков, дается анализ главных направлений и тенденций развития его внутриклассовой структуры, характеристика его современных отрядов и прослоек. Из приведенной в книге социальной биографии рабочего класса ВНР узнаем очень много нового и интересного об этой главной силе венгерского общества. Автор убедительно показывает, что венгерский рабочий класс 60—70-х годов — это обновленный и преобразованный класс, который существенно отличается от пролетариата эпохи капитализма, на который наложили глубокий качественный отпечаток условия строительства социализма. Значителен рост его численности; его ряды за 1949—1975 гг. в составе активного самостоятельного населения практически удвоились (с 1,5 млн до 3 млн) и этот рост только за 1960—1975 гг. составил более полмиллиона человек (с. 168, 208). Удельный вес рабочих в составе активного населения за 1949—1975 гг. увеличился с 39 до 53%. Притом, к середине 70-х годов такого же уровня (58%) достигли в составе всего рабочего класса индустриальные рабочие — его основное ядро. В работе подробно освещается процесс социального пополнения рабочего класса из самых разных источников, особенно

из рядов крестьянства, женщин и молодежи, анализируется проблема адаптации рабочим классом этих свежих сил, рассматриваются вопросы формирования и развития отдельных основных отрядов и категорий рабочего класса. Специальная глава посвящена анализу структурных изменений и социально-демографическим проблемам его развития. В главе о важнейших отрядах и специфических слоях рабочего класса ВНР весьма оригинален и в определенной мере даже уникален материал о сельских отрядах (особенно о рабочих-мигрантах, совершающих ежедневные «маятниковые трудовые поездки») и о рабочих, занятых в частном секторе. Такое построение раздела само по себе отражает сложность и многогранность внутриклассовой структуры современного рабочего класса ВНР, оно позволило автору выявить общезначимые для всего класса черты, закономерности его социального развития, а вместе с тем определить и специфические черты, свойственные только отдельным группам и слоям венгерских рабочих.

Раздел заключает глава о возрастании роли рабочего класса и его партии в венгерском обществе, росте социального влияния и значения социальных связей рабочего класса в условиях строительства развитого социализма. В ней нашли отражение также вопросы повышения жизненного уровня рабочих, раскрыты основные тенденции и направления начавшегося сближения классов и слоев венгерского общества в свете Программного заявления ВСРП, принятого в 1975 г.

Выводы и обобщения книги, базирующиеся на конкретном страноведческом материале, подтверждают основные теоретические положения марксизма-ленинизма о рабочем классе, о его исторической миссии, о неуклонном возрастании его влияния в условиях социалистического строительства. Они точны, логичны и принципиальны. При написании работы автор использовал новейшие достижения целого ряда общественных дисциплин: марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, социальной статистики, демографии, социологии, экономики. Обращает на себя внимание и богатство источниковой базы — автор привлек немало сборников документов и материалов КПСС и ВСРП, речи и выступления партийных и государственных деятелей ВНР, и, что особенно ценно, множество архивных источников из таких хранилищ ВНР, как Архив

Института истории партии ЦК ВСРП, Будапештский городской архив, Центральный архив венгерских профсоюзов, Текущий архив Всевенгерского совета профсоюзов и др., материалы ряда исследовательских центров Венгрии (ЦСУ, Министерства труда, Всевенгерской организации мелких ремесленников, Института теоретических исследований венгерских профсоюзов и др.), конкретные социологические и исторические исследования, многочисленные общественно-политические и публицистические материалы. Все это позволило Б. Й. Желицки составить широкую панораму социального развития рабочего класса социалистической Венгрии, написать серьезное, интересное, глубоко научное историческое исследование, привлекающее новизной постановки и решения сложных проблем современной социальной истории.

В заключительной части своей работы автор отмечает, что в ней нашли освещение лишь самые основные, наиболее существенные и характерные для рассматриваемого этапа черты развития венгерского рабочего класса, другие же только обозначены. Конечно, можно было бы

полнее раскрыть отдельные аспекты его развития, в частности, подробнее остановиться на его социальных связях с интеллигенцией, а также обратить внимание на выход в 1982 г. в Киеве книги Г. И. Шманько о повышении культурно-технического уровня рабочего класса народной Венгрии в 1948—1975 гг. Вместе с тем это ни в коей мере не снижает большую научную значимость этой первой фундаментальной исторической работы, посвященной ведущей силе венгерского социалистического общества. Монография Б. Й. Желицки является серьезным вкладом в исследование проблем современной социальной истории одной из братских стран социалистического содружества, строящей развитое социалистическое общество. Она предлагает богатый и ценный материал о современной Венгрии, окажется весьма полезным для историков, экономистов, социологов, для исследователей и преподавателей, студентов и пропагандистов, занимающихся проблемами социалистического строительства.

Худанюк В. И., Ковальчук Т. Н.

И. В. ШАБЛОВСКАЯ. Самой высокой мерой: современная проза европейских социалистических стран о войне. Минск, 1984, 208 с.

Книга И. В. Шабловской — итог многолетнего интереса автора к проблемам развития литератур европейских социалистических стран, преимущественно славянских, на современном этапе. Славяноведческий аспект отчетливо сказался и в данной работе, посвященной в основном литературам славянских социалистических стран.

Тема второй мировой войны в реалистической литературе последних десятилетий не перестает волновать писателей, литературоведов и читателей. В свете исторической ретроспекции война и сопутствующие ей обстоятельства приобретают свой подлинный смысл, помогающий решению философских и социально-идеологических проблем современности.

Замысел рецензируемой работы выражен в названии книги и трех ее глав: «Испытание смертью», «Испытание любовью», «Испытание памятью». Подобное построение книги позволяет автору успешно спра-

виться с непростой задачей — осмыслить совокупность (впервые в советском литературоведении) эпических жанров малой формы в литературах европейских социалистических стран последних двух десятилетий.

Сознательно оставляя в стороне большие эпические полотна, исследовательница сосредоточивает свое внимание на тех произведениях, где «вопросы личности, ее идейного и нравственного становления, испытания ее духовных сил и системы ценностей войной, которые монументально освещены в эпосе, решаются в эпических жанрах малой формы, (...) где именно личность человека является главным предметом и проблемой, привлекающей писателя» (с. 72).

На первый взгляд, такой подход как бы сужает возможности исследования. Но четкий отбор наиболее характерных произведений этого плана и их анализ в интернациональном контексте с широким

привлечением опыта советской литературы и литературоведения позволили всесторонне и глубоко рассмотреть эту остропроблемную и актуальную литературу в ее соотносительности с общим характером и новаторскими открытиями социалистического реализма.

В книге представлено многообразие «малой» прозы европейских социалистических стран, облагороженной пафосом драматических нравственно-этических исканий и философских раздумий. В первой главе к анализу привлекается свыше двух десятков произведений, в которых одна и та же ситуация испытания воссоздается писателями на разном материале с учетом национально-исторического своеобразия изображаемой действительности, с выраженной тягой к глубинному осмыслению нравственно-психологических качеств личности, их истоков и природы, устойчивости в кризисных ситуациях. Последние могут выступать как эффективное средство проверки ценностных ориентиров и поступков, а также используются в «художественной реализации той или иной концепции человека» (с. 13).

Общее структурообразующее начало — ситуация испытания и высокий этический пафос — объединяет, с точки зрения исследовательницы, столь непохожие по своим художественным решениям произведения, такие, как «Сотников» В. Быкова, «Перед молчанием» П. Джорджеску, «Итог» Л. Фулги, «Колонелло» М. Божича, «Звезды над нами» П. Вежинова, «А как будешь королем, а как будешь палачом» Т. Новака и др.

Не теряя из виду идейно-художественного своеобразия каждого из многочисленных анализируемых с разной степенью полноты произведений автор стремится к выявлению общих закономерностей развития литературы социалистических стран о войне, установлению типологических особенностей жанра повести, сюжета, композиции.

Среди этих закономерностей расширение масштабности художественного изучения поведения человека в ситуации испытания: проза социалистических стран не довольствуется социальным измерением, а ведет «глубинный психологический анализ человеческой личности в ее исторической конкретности и „родовой“ человечности, исследует, (...) в чем состоит проблема выбора добра и зла» (с. 17). Это обуславливает усиление этического пафоса, выдвигание на первый план интереса к внутреннему миру лич-

ности, мотивов и нравственных последствий ее поступков.

Существенными чертами прозы о войне называются также переход от описательности к художественному эксперименту, от эпического воссоздания событий в их повседневном течении к изображению экстремальных ситуаций, стремление сопоставить прошлое и современность, соотношение духовного опыта личности с опытом истории, а также тяга к альтернативности, двуплановости изображения, притче, параболе, к масштабному философскому осмыслению событий прошлого и настоящего.

Справедливы и другие наблюдения И. В. Шабловской над структурно-композиционными особенностями анализируемых произведений (распространение жанра моноповести, тяготение к дневниковой форме, сочетание прекрасного и трагического в героическом характере), общими конструктивными элементами.

Типологическое сходство различных произведений («Хатынская повесть» А. Адамовича, «В погоне за Адамом» Е. Ставинского) может обнаруживаться в основном литературном приеме, характере конфликта и, самое главное, в социалистической концепции человека, отражение которой И. В. Шабловская тщательно исследует в каждом произведении. Это в значительной мере определяет уровень исследования и его тональность, обращенность к сегодняшним нравственно-этическим и философским исканиям и конфликтам.

Поэтому столь органичны в книге размышления о социально-идеологической природе героического поведения и поступка, о тесной взаимосвязи этического и эстетического в нем, о духовности, развитой до совершенства, как основе подвига, и об опасности бездуховности, инфантилизма, эрозии совести. Образы героев, способных не только на эпически впечатляющие поступки, но прекрасных в будничных и ужасающих условиях военных перипетий, — подлинное художественное достижение военной прозы, великий нравственный урок поколениям, не знавшим войны и черпающим порой облегченное, а порой и ложное представление о героическом из так называемых «кассовых» кинопроизведений.

Большое место в книге занимает последняя глава — «Испытание памятью», где, опираясь на анализ целого ряда произведений с ведущей темой памяти о войне («Записки молодого варшавянина» и «В погоне за Адамом» Е. Ставинского,

«А бог был глух» В. Клевиса, «Остановка в пуга» Г. Канга и др.), автор убедительно показывает, что память в прозе социалистических стран «выступает как могущественный аргумент в споре с антигуманизмом и скептическим неверием в человека, как необходимый аспект исторического оптимизма, как весомое свидетельство неразрывной связи личных действий людей и судеб народа, возрастающей роли каждого отдельного человека в истории и ответственности за судьбу всего человечества» (с. 161).

Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что современная литература социалистических стран о войне — это качественно новый уровень художественного осмысления уроков войны, представляющих как уроки общечеловеческого и непреходящего значения. Социально-философский вопрос способности человека излекать уроки из трагического опыта получает в книге аргументированное лучшими образцами художественной литературы социалистических стран положительное решение.

Обращенная к проблемам развития современной литературы, работа И. В. Шабловской по-настоящему современна — и высоким уровнем анализа обширнейшего многонационального материала, и весомостью и новизной выводов, и полемической заостренностью стиля.

Художественная действительность анализируемых произведений постоянно соотносится с духовно-идеологической ситуацией наших дней, поверяется принципами социалистического гуманизма, возвышающий характер которых очевиден в споре автора с модными экзистенциалистско-нигилистическими концепциями ущербности человеческой природы, абсурдности бытия, фатального одиночества перед лицом природы и общества.

Оригинальная по замыслу и исполнению работа И. В. Шабловской — весомый вклад советского славяноведения в осмысление современного процесса братских литератур; она с интересом будет прочитана не только специалистами.

Михилев А. Д.

РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ «ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ»

26—28 сентября 1984 г. в Москве в Институте славяноведения и балканистики АН СССР было проведено рабочее совещание «Тенденции демократизации и интернационализации современных славянских литературных языков», организованное сектором славянского языкознания. Проблематика совещания связана с темой «Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе», объединяющей исследования языковедов Москвы, Ленинграда, Львова. В работе приняли участие специалисты различных научных организаций указанных городов, а также Киева, Минска и Одессы. Всего было прочитано 20 докладов.

Обсуждались прежде всего сущность и соотношение двух указанных тенденций, социалингвистический и внутриязыковой, аспекты их действия. С докладами по этим вопросам выступили Л. Н. Смирнов, В. К. Журавлев и В. В. Иванов. Научная актуальность ставящихся проблем была обоснована Л. Н. Смирновым. В его докладе были выделены социо- и интралингвистические аспекты демократизации славянских литературных языков на современном этапе их развития. Демократизация находится в комплементарных отношениях с интернационализацией, которая в свою очередь взаимодействует с тенденцией интеллектуализации литературных языков. Поддержку участников совещания получил тезис докладчика о двойственном проявлении демократизации (проникновение разговорных и диалектных элементов в литературный язык, с одной стороны, и детерминологизация — с другой). Особое внимание Л. Н. Смирнов уделил чрезвычайно важному понятию интернационализмов (в частности, лексических).

О социальной обусловленности тенденции интернационализации говорилось в

докладе В. К. Журавлева. Интернационализация языков в современном мире имеет глобальный характер — в отличие от ареальной интернационализации, наблюдавшейся на предшествующих этапах истории. обстоятельному обсуждению был подвергнут тезис В. К. Журавлева о вторичной демократизации, происходящей в современных славянских языках (с дополнениями и уточнениями выступили А. Г. Широкова, Л. Н. Смирнов и другие участники совещания).

История и проблемы изучения интернационализации языков (в том числе славянских) — выделение локально-международных ареалов распространения интернационализмов, вопросы перевода и др. — рассматривались в докладе В. В. Иванова. Особое внимание было уделено историко-культурному аспекту развития интернациональной лексики различных языковых ареалов.

Ряд докладов был посвящен собственно социалингвистической проблематике, в частности, изучению языковой ситуации в современных славянских странах. Западнославянские языки рассматривались в докладах А. Г. Широковой, М. И. Ермаковой и К. К. Трофимовича (Львов)¹. Проанализировав в историческом и синхронном планах языковую ситуацию в Чехии, А. Г. Широкова детально рассмотрела тенденцию демократизации, которая проявляется во взаимодействии и частичном выравнивании литературной и разговорной нормы в современном чешском языке. Приводились факты проникновения разговорных грамматических форм и категорий в литературный язык. М. И. Ермакова охарактеризовала языковую ситуацию в серболужицкой области, особо остановившись на соотно-

¹ Город указывается только для немосковских участников совещания.

шений и взаимовлияний литературного языка (с его разговорным вариантом), диглоссия и регионального разговорного языка. К. К. Трофимович рассказал о борьбе за культуру речи в истории лужицких языков, остановившись на конкуренции с немецким языком и отношении к германизмам в современной Лужице.

На материале южнославянских языков эта проблематика рассматривалась в докладах Г. К. Венедиктова и Р. П. Усиковой. Выступление Г. К. Венедиктова было посвящено соотношению восточно- и западно-болгарских элементов (на фонетическом и других языковых уровнях) в истории литературного болгарского языка, а также их относительной роли в современном литературном и разговорном языке. Р. П. Усикова сообщила об особенностях формирования македонского литературного языка и его функционирования в настоящее время, специально остановившись на соотношении с болгарским и сербохорватским литературными языками (в частности, в сфере терминологической лексики).

В. Л. Воренич (Минск) проанализировал языковую ситуацию у населения зоны польско-литовско-белорусского контактирования (районы Гродно, Белостока). Докладчик детально рассмотрел специфику функционирования белорусского языка на территории ПНР.

Темой специального внимания в ряде выступлений явились проблемы интернационализации и демократизации в области лексики, частично затронутые и в других докладах. Так, И. А. Стоянов (Киев) рассказал о проникновении диалектных слов, характеризующих трудовую деятельность человека, в современный литературный болгарский язык. Особое внимание выступавших привлекла терминологическая лексика, составляющая в славянских языках мощный пласт интернационализмов вообще. В докладе Л. П. Рупосовой рассматривалась конкуренция интернациональной и собственной языковой номинации в области математической терминологической системы (в русском и словацком языках). На материале польской терминологии эта проблематика была исследована С. А. Парфеновой (Львов); особо отмечалась характерная для последнего времени тенденция вытеснения интернациональных терминов собственно польскими названиями.

Функционирование отдельных слов славянского происхождения в широком

социолингвистическом контексте (в частности, в иноязычной среде) стало предметом внимания Г. А. Лилич (Ленинград) и В. Э. Орла. Г. А. Лилич остановилась на обозначении лиц, занятых в сельском хозяйстве, в современном чешском литературном языке. Новые наименования в этой области проявляют прямую зависимость от экстралингвистических факторов (ср. взаимоотношение *kuřák* и собственно чешского *vesnický boháč*). Функционирование *sputnik* в англо-американской языковой среде было раскрыто в докладе В. Э. Орла. Как показал докладчик, это слово следует относить к сниженному стилю литературного языка (на его освоение влияет соотношение с суффиксом *-nik* в заимствованиях из языков польского, русского и идиш, с одной стороны, и с английскими словами с основой *sput-* с другой).

Большой интерес представляет проблема интернационализации в словообразовании славянских языков, поставленная в ряде докладов. Большинство выступавших основывалось на данных именно словообразования. Как показала З. Н. Стрекалова на материале современного польского языка, одним из основных проявлений интернационализации в сфере субстантивов следует признать гибридизацию. В докладе были указаны продуктивные форманты и основы интернационального (главным образом греко-латинского) происхождения, формирующие словообразовательные блоки с собственно польскими и интернациональными элементами. Г. Г. Тяпко остановилась на соотношении интернационального и национального элементов в сфере образования отвлеченной лексики современного сербохорватского языка. Наибольшую продуктивность в этом процессе проявляют суффиксы интернационального происхождения. Конкуренция суффикса *-ist(a)* с собственно чешскими формантами при образовании наименований деятелей была рассмотрена в выступлении Ю. Е. Стейковской. Доклад Е. Н. Овчинниковой был посвящен словообразованию аббревиатур в современном словацком языке.

Словообразование интернациональных глаголов (в польском и русском литературных языках) рассматривалось в докладе М. А. Осиповой. Сравнительно с русским в польском языке словообразовательное освоение глагольной лексики интернационального происхождения происходит значительно более активно.

Проблемам перевода было посвящено выступление Н. Г. Михайловской. О способности текста отражать инонациональную экстралингвистическую специфику, а также степень допустимости иноязычных слов в тексте (на материале переводов произведений художественной ли-

тературы с языков народов СССР на русский язык).

Участники совещания отметили актуальность обсуждавшейся проблематики и выразили готовность координировать усилия в ее дальнейшей разработке.

Осипова М. А.

КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

20—22 ноября 1984 г. в Варшаве состоялась очередная (XIX) научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР. Она была посвящена проблеме «40-летие Польской Народной Республики. Развитие политических, экономических и культурных связей между Польшей и СССР в 1944—1984 гг.»

Польские историки представили на конференцию следующие доклады: Т. Валихновский — «Рождение Народной Польши»; М. Лечик — «Путь к Июльскому манифесту»; В. Т. Ковальский — «Польско-советские политические отношения (1944—1956)»; Е. Цепелевский — «Структурные изменения в польско-советских экономических отношениях после второй мировой войны (1945—1950 гг.)»; В. М. Грабский — «Начало польско-советских научных контактов как научно-ведческая и историко-ведческая проблема»; О. Вышомирская-Кузьмишская — «Связи польской и советской науки в 40-летний период ПНР».

Советские историки выступили с докладами: В. П. Дмитренко — «Строительство и совершенствование развитого со-

циализма в СССР — важный фактор мирового прогресса и безопасности народов»; И. С. Яжборовская — «КПСС и ПОРП — последовательные поборники дружбы и братского сотрудничества между советским и польским народами»; В. С. Парсаданова — «Договоры между СССР и ПНР о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи»; Н. А. Чудакова — «Экономическое сотрудничество между СССР и ПНР и их взаимодействие в рамках СЭВ»; В. Я. Сигалс — «Советская политика мира и борьба за претворение ее в жизнь»; И. И. Костюшко — «Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР до 2000 года»; В. А. Дьяков — «Советская историография российско-польских революционных связей».

Конференция прошла в творческой атмосфере, позволила обменяться мнениями по интересующим вопросам и в определенной мере обогатила знаниями по рассматриваемой проблеме.

И. К.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЛАВИСТОВ В ЩЕЦИНЕ (ПНР)

21—22 сентября 1984 г. в Щецине проходила I Международная конференция «Методологические проблемы изучения польско-русских литературных связей», организованная кафедрой русской филологии Щецинского педагогического института (зав. Е. Кухарская), воеводским правлением Общества польско-советской дружбы, Польским обществом русистов, Институтом русистики Варшавского университета, Филиалом Института русского языка им. А. С. Пушки-

на в Варшаве. На конференции, в которой приняли участие видные ученые Польши, Болгарии, ГДР, Советского Союза было заслушано 22 доклада, в основном посвященных вопросам польско-русских литературных связей.

Конференцию открыл секретарь городского комитета партии Зб. Пенджиньский. С приветствием к участникам конференции обратился консул Генерального консульства СССР И. Башарин. Ректор Щецинского педагогического института

доц. К. Яскот в своем приветственном слове подчеркнул, что в период, когда учащаяся молодежь ищет взаимной культурной близости с братскими народами, проблематика конференции имеет особую актуальность.

Советские слависты прочитали 5 докладов. Проф. Е. З. Цыбенко (МГУ) в докладе «Закономерный характер польско-русских литературных взаимосвязей во второй половине XIX в. (после 1864 г.)» отметила, что литературные связи России и Польши этого периода были проявлением общих закономерностей развития польской и русской литературы, объяснялись потребностью самого литературного процесса. Конфликт поколений и образ Базарова в романе И. Тургенева «Отцы и дети» оказались созвучными польскому позитивизму с его борьбой «старых» и «молодых», культом делового человека. Этот роман Тургенева художественной объективностью мог помочь польской литературе в преодолении схематизма «тенденциозного романа». Национальными условиями польского общества 70—80-х годов объясняется необыкновенная популярность в Польше произведений Салтыкова-Щедрина. В свою очередь особая популярность в России Э. Ожешко, Б. Пруса и Г. Сенкевича также имеет закономерный характер. Демократизм, любовь к народу, патриотическая направленность произведений этих писателей оказали сильное воздействие на русского читателя.

Вопрос литературной типологии и литературного влияния был в центре доклада д-ра филол. наук В. А. Хорева (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) «Маяковский и Броневский». Докладчик подчеркнул, что в складывании общих принципов социалистических литератур опыт советской литературы имеет важное значение. Однако главной целью сравнительного литературоведения является не установление заимствований и подражаний, а анализ творческого восприятия художником тех идейных и художественных импульсов, которые способны становлению оригинальности и самобытности его творчества.

Сравнительно-типологический аспект исследования был избран доц. В. И. Оцхели (Кутаисский пединститут) в докладе «Максим Горький и польская драматургия начала XX в.». Сопоставляя произведения польских драматургов (Г. Запольская, В. Оркан, Т. Риттгер) и драмы

Горького, автор сделала попытку углубить представление о путях развития реализма в польской литературе, выявить общую основу и специфическое различие в творчестве художников разных стран. Доц. С. А. Спасс (Гродненский ун-т) посвятила свое выступление вопросу активизации польско-русских литературных отношений в 1905 г., подчеркнув, что по мере нарастания революционного движения и приближения событий 1905—1907 гг. в польской и русской литературе появляются родственные мотивы и конфликты, близкие эстетические решения, аналогичные образы героев.

Доц. Н. К. Малыгина рассмотрела особенности восприятия русского художественного текста польскими студентами-филологами на материале «Записок охотника» и «Стихотворений в прозе» И. Тургенева.

Проф. Г. Германов (Софийский ун-т) в своем выступлении «Методологические проблемы изучения болгарско-русских и болгарско-советских литературных взаимосвязей» коснулся общих вопросов современного сравнительного литературоведения, в частности, проблемы генетических и типологических параллелей.

Слависты из ГДР представляли Лейпцигский педагогический институт. Проф. К. Каспер в докладе «Жизнь художника как орудие познания всякой жизни на свете» затронул вопрос художественного своеобразия творчества Б. Пастернака. П. Кислинг посвятила свой доклад повествовательной манере В. Быкова.

Польские слависты подготовили 13 докладов. Проф. М. Якубец (Броцлавский ун-т), один из зачинателей научного изучения польско-русских литературных связей, осветил методы и проблемы сравнительного изучения славянских литератур. Он выделил методологические проблемы сравнительного литературоведения, решавшиеся славистами на разных этапах его развития. Переломным этапом славянской компаративистики ученый считает период, начавшийся после второй мировой войны. Среди методов сравнительного изучения, проф. Якубец наиболее перспективным на современном этапе считает сравнительно-типологический.

Проф. Б. Бялокович (ПАН) остановил внимание на проблемах современного сравнительного литературоведения и вопросах польско-русских литературных связей, подчеркнув, что значительное количество работ, появившихся в

последние годы, является несомненным доказательством усиления сравнительного изучения польской и русской литературы. По мнению докладчика, только умелое сочетание сравнительно-исторического изучения литературных явлений с исследованием типологии литературного процесса, создаст возможность выявить их национальное своеобразие в мировом литературном процессе.

Проф. А. Семчук (Варшавский ун-т) посвятил свое выступление вопросам рецепции творчества И. Тургенева и Л. Толстого в Польше: хотя классики русской литературы и привлекали внимание представителей польской критики и общественной мысли издавна, но истинно научное их изучение началось только в народной Польше. Современные исследования в этой области дали много ценного документального материала и позволили ученым осветить проникновение идей и творений Тургенева и Толстого в польское общество.

Проф. Т. Пожвяк (Вроцлавский ун-т), рассматривая проблему реконструкции польских инсценировок русских драм в конце XIX — начале XX вв. отметил, что опыт изучения польских постановок драм Н. Гоголя, А. Островского, Л. Толстого, М. Горького, А. Чехова, Л. Андреева и других позволяет сделать ряд важных наблюдений, касающихся специфики сравнительного литературоведения, влияния театральной русской культуры на культуру соседних стран, а также изучения польского театра периода 1890—1918 гг.

Богатство и активность польско-русских литературных связей поставило советских и польских ученых перед необходимостью создать учебник по истории их развития для польских студентов и польской школы. Методологическим и методическим проблемам этого исследования был посвящен доклад проф. Е. Кухарской (Щецинский пединститут), предложившей положить в основу будущей работы хронологический принцип, дополненный — в зависимости от важности литературного материала — монографическим. Особый раздел предлагается посвятить литературной критике, периодике, личным контактам писателей и деятелей культуры.

Доц. К. Шимичев (Вроцлавский ун-т) выступил с докладом о русской теме в поэзии Николая Вацарова; д-р Ю. Малишевский (Ченстоховский пединститут) прочел доклад «Поэзия и музыка в сфере методологических исследований взаимо-

влияний и взаимоотношений»; доц. Я. Орловский (Люблинский ун-т) затронул проблему местного колорита в русской поэзии, связанной с темой Польши; доклад д-ра А. Лучиньской (Варшавский ун-т) был посвящен типологии польского и русского «производственного» романа 40—50-х годов.

Актуальной теме — Польша периода второй мировой войны в русской прозе 60—80-х годов — посвятила свое выступление д-р М. Мянговская (Торунский ун-т), в основном, уделившая внимание вопросам художественной формы — репортажу, эссе, очерку, рассказу, новелле, а также — сочетанию документализма с тонким психологизмом и лиризмом.

Ряд докладов (о выступлении проф. Е. Кухарской уже говорилось) представили слависты Щецинского пединститута. Д-р А. Вечорек, отмечая сильно возросший в последнее время интерес к проблеме мифа в литературе, остановилась на произведениях польских и русских писателей (С. Пшибышевский, С. Выспяньский, В. Реймонт, В. Брюсов, Л. Андреев, А. Ремизов), в которых проявилось мифотворческое начало. Интерес к польской культуре на страницах журналов ранних русских символистов «Северный вестник», «Мир искусства», «Новый путь» был темой доклада д-ра К. Чесьляка. Д-р Е. Врубельский говорил об истоках польской и русской литературы для детей и молодежи, отметив, что оригинальная детская литература и первые детские писатели-профессионалы появились и в Польше и в России только в первой половине XIX в. Несмотря на то, что польская и русская детская литература прошли одинаковый путь развития, они имели и свои особенности — в польской преобладали мотивы патристического воспитания, в русской — нравственные проблемы. Доц. Р. Вожняк рассказал о польско-советском сотрудничестве в области общественных наук.

Подводя итоги работы конференции, проф. М. Якубец подчеркнул актуальность и высокий научный уровень выступлений, многие доклады имели методологический и теоретический характер и обогатили изучение литературных взаимоотношений славянских народов. В докладах, посвященных конкретным вопросам, сделаны новые интересные наблюдения, что открывает перспективы для дальнейшей научной дискуссии. Некоторые вопросы требуют своего развития и освещения в будущем. Проф.

М. Якубец выразил надежду, что традиция Щецинской конференции будет продолжена.

Дни конференции совпали с важным событием в научной жизни города: Педагогический институт с 1 октября 1984 г. стал третьим, после Гданьска и Вроцлава, университетом на западных землях,

поэтому конференция прошла в особенно торжественной и праздничной обстановке. Работа конференции нашла отражение на страницах газеты «Глос Щецински» и в радиопередачах.

Оцзели В. И.

КОНФЕРЕНЦИЯ «Я. А. СМОЛЕР И ЕГО ВРЕМЯ»

С 12 по 15 июня 1984 г. в г. Бауцене (ГДР) проходила международная научная конференция «Ян Арношт Смолер и его время», организованная Институтом серболужицкого народоведения АН ГДР в связи со 100-летней годовщиной со дня смерти Я. А. Смолера (1816—1884) — крупного серболужицкого ученого и общественного деятеля периода возрождения, одной из центральных фигур в политической и культурной жизни серболужичан в XIX в.

В конференции наряду с сотрудниками научных учреждений ГДР (Ин-т серболужицкого народоведения АН ГДР в Бауцене, Ун-т им. В. Гумбольдта в Берлине, Ун-т им. Карла Маркса в Лейпциге и др.) приняли участие историки, этнографы, языковеды, искусствоведы, литературоведы, культурологи из славянских стран — Болгарии, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Югославии, а также соробисты из Великобритании и ФРГ — всего 120 человек.

На конференции было заслушано около 30 докладов, в основном сосредоточенных на вопросах политического и культурного развития серболужичан в XIX в., их связей с другими славянскими народами, формирования серболужицких литературных языков, изучения народной культуры, а также развития серболужицкой литературы, искусства, прессы, издательского дела в XIX в. Эти вопросы рассматривались на фоне развития других славянских народов.

Комплексный характер конференции отразил многогранность деятельности самого Я. А. Смолера, сказавшего свое слово в ряде областей серболужицкой науки и культуры.

Открывая конференцию, директор Института серболужицкого народоведения АН ГДР проф. М. Каспер обрисовал теоретическую и практическую, издательскую деятельность Я. А. Смолера, его

работу в области журналистики, народного образования и в распространении серболужицкой культуры. Я. А. Смолер был представлен как всемирно признанный славянский ученый и культурный деятель, внесший существенный вклад в развитие немецко-славянских культурных связей, разделявший и поддерживающий идею славянской взаимности. Определяя задачи конференции, проф. М. Каспер подчеркнул, что она должна не ограничиться оценкой отдельной личности, а рассмотреть универсальный характер нашего отношения к культурному наследию. Глубокие традиции являются предпосылкой современного культурного развития, а прогрессивное культурное наследие обогащает духовный потенциал народа, способствует развитию культурных связей между народами.

В докладе д-ра П. Кунце «Я. А. Смолер и его время» был изложен жизненный путь Я. А. Смолера, современные ему исторические условия, а также охарактеризована общественная деятельность Я. А. Смолера как основателя ряда научных обществ, его работа по созданию нового, так называемого аналогического правописания, научного общества «Матица Сербска» и др. Большое место в докладе было уделено отношению Я. А. Смолера к революции 1848 г., его политическим взглядам.

В докладе проф. Г. Шустера-Шевца «Я. А. Смолер и развитие современного верхнелужицкого литературного языка в XIX в.» детально характеризовались состояние верхнелужицкого литературного языка в период деятельности Я. А. Смолера, вклад ученого в развитие верхнелужицкого литературного языка, аналогическое правописание.

Д-р Ф. Ферстер («Серболужицкая этнография в XIX в. и особенно в период деятельности Я. А. Смолера») обрисовал путь, пройденный серболужицкой этно-

графией, начиная с XVII в., особенности ее развития в разные исторические периоды.

Связям серболужицян с другими славянскими народами были посвящены доклады: д-ра Ф. Метчка «Я. А. Смолер и балтийские народы», д-ра Й. Майовой «Смолер и кашубы», д-ра П. Малинка «Измаил Иванович Срезневский, основатель русского сербоведения, и народное возрождение серболужицян».

Ряд докладов освещал развитие литературы серболужицян в период серболужицкого возрождения (д-р Л. Гайниц), культурно-политическую ситуацию накануне революции 1848 г. (д-р Й. Раупп), общественно-политическую обстановку и состояние славистики в период деятельности Я. А. Смолера.

Были заслушаны доклады, посвященные деятельности Я. А. Смолера как основателя Матицы Сербской (чл.-корр. Я. Петр), общества серболужицкой истории и языка (д-ра Г. Порты), совместной работе немецких и серболужицких ученых по изучению древнейшего периода истории Лужицы (Й. Кнебель), а также работе в области топониматики (Б. Швелл). На конференции прозвучали и доклады советских ученых. М. И. Ермакова («Лингвистические взгляды Я. А. Смолера») рассмотрела особенности творческой деятельности Я. А. Смолера в области серболужицкого языкознания, основоположником которого он является; проф. Л. П. Лаптева остановилась на серболужицко-русских связях в XIX в.

Большой интерес представляли доклады о развитии лексики верхнелужицкого литературного языка в XIX в. (д-р Г. Енч), о работе Я. А. Смолера в области серболужицкой диалектологии (д-р З. Микалк), о некоторых особенностях языка Я. А. Смолера (д-р Р. Михалик), о новообразованиях в языке Я. А. Смолера (д-р Д. Стоун), о лексических особенностях словаря Пфуля.

В докладах по исторической и этнографической тематике были рассмотрены вопросы, связанные с взаимодействием социальных и этнических факторов при формировании серболужицкой народности (д-р К. Шиллер), с отражением нападок немецких буржуазных кругов на серболужицкую народность в серболужицкой публицистике (М. Фелькел), с отношением М. Гурника к деятельности Я. А. Смолера как этнографа (д-р Мусиат).

Часть докладов была посвящена вкладу Я. А. Смолера в изучение серболужицких народных обычаев, народного костюма и т. п. (А. Ланг, Л. Балко).

Конференция обогатила науку новыми данными о развитии серболужицкого языка и культуры, внесла свой вклад в распространение знаний о серболужицанах, их истории, культуры, в укрепление культурных традиций, и тем самым способствовала развитию культурного взаимодействия, взаимопонимания и дружбы между народами.

Ермакова М. И.

ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИИ ДВУХ АКАДЕМИЙ

Совместное советско-болгарское издание «Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы», т. 1. Ноябрь 1917 — сентябрь 1944 г. (М., 1976) и т. 2. Сентябрь 1944 — декабрь 1958 г. (М., 1981) удостоено в сентябре 1984 г. премии Академий наук СССР и НРБ.

Это издание, вышедшее на русском и болгарском языках, представляет собой первый опыт комплексного документального освещения истории отношений между СССР и Болгарией на протяжении значительного исторического периода, начиная со времени Великой Октябрьской социалистической революции и до конца 50-х годов. На основе различных

советских и болгарских источников — архивных документов и материалов периодики — показано многообразие взаимоотношений: государственных, дипломатических, общественно-политических, партийных, хозяйственных, научных и культурных. Над публикацией трудился большой коллектив составителей и редакторов, в который вошли представители академических и партийных научно-исследовательских институтов, работники архивных управлений и отделов обеих стран. С советской стороны возглавлял эту работу Институт славяноведения и балканистики АН СССР, с болгарской — Институт истории БАН.

В печати обеих стран два вышедших

тома получили высокую оценку. Они представляют большой интерес для специалистов, занимающихся изучением многосторонних советско-болгарских отношений, исследующих становление социалистического содружества, изучающих развитие Болгарии и СССР в новейшее время.

За участие в этом труде дипломов и премий удостоены: с советской сторо-

ны — д-р ист. наук Л. Б. Валев (по-смертно), д-р ист. наук Р. П. Гришина, д-р филол. наук В. И. Злыднев, канд. ист. наук М. Е. Позолотин; с болгарской стороны — акад. В. Хаджиниколов, акад. Х. Христов, д-р ист. наук В. Божинков, специалист Л. Кехаюва.

В. З.

Г. Г. ЛИТАВРИН—ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ ИМ. БРАТЬЕВ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Государственный Совет НРБ присудил советскому ученому, заведующему сектором древней и средневековой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР д-ру ист. наук Г. Г. Литаврину Международную премию имени братьев Кирилла и Мефодия за выдающийся вклад в изучение далекого прошлого болгарского народа, за крупные научные и публицистические работы в области староболгаристики и славистики.

Труды по истории Первого Болгарского царства, его взаимоотношений с другими славянскими государствами, в первую очередь — с Киевской Русью, по истории противоборства Болгарии и Византии и борьбы болгарского народа против византийских завоевателей, приведшей к восстановлению в конце XII в. его независимой государственности, наконец, работы, посвященные средневековой болгарской культуре, — все эти ис-

следования Г. Г. Литаврина получили широкое научное и общественное признание и в нашей стране, и за рубежом. Вручая советскому историку золотую медаль лауреата Международной премии 3 декабря 1984 г., Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета НРБ Т. Живков в своей речи подчеркнул заслуги Г. Г. Литаврина в освещении наиболее сложных проблем болгарского средневековья, таких, например, как проблема протоболгаро-славянского синтеза, ставшего основой формирования единой болгарской народности, или проблема этнического, политического и культурного коптинитета в развитии Первого и Второго Болгарского царства. Г. Г. Литаврин сердечно поблагодарил Государственный Совет НРБ за присуждение ему высокой Международной премии.

В. Р.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ПРАСОЛОВ

20 ноября 1984 г. скоропостижно скончался известный историк-богемист, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, кандидат исторических наук Сергей Иванович Прасолов. Его многолетняя научная и научно-организационная деятельность была тесно связана с развитием советского славяноведения.

Сергей Иванович Прасолов родился в 1918 г. в г. Краснодаре. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ, но закончить его помешала война. В июне 1941 г. он ушел добровольцем на фронт. В 1942 г. вступил в ряды КПСС. Был ранен. После войны вернулся в МГУ, в 1946 г. окончил университет. С 1946 г. С. И. Прасолов работал сотрудником Славянского комитета СССР, обозревателем Всесоюзного радио. В 1950 г. он стал младшим, а затем старшим научным сотрудником Института славяноведения АН СССР. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию. В том же году он был назначен ученым секретарем Отделения истории АН СССР, а затем начальником отдела стран народной демократии Президиума АН СССР. С 1966 по 1974 гг. С. И. Прасолов находился на дипломатической работе в ЧССР — сначала советником, а потом советником-посланником Посольства СССР в ЧССР. Имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника. С 1974 по 1979 гг. работал консултантом Отдела ЦК КПСС.

Его деятельность была высоко оценена партией и правительством. Он награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, Знак Почета, 8 медалями. Чехословацкое правительство наградило С. И. Прасолова орденом Белого Льва 2-й степени.

В 1979 г. С. И. Прасолов вернулся в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. С самого начала своей научной деятельности С. И. Прасолов основное внимание уделял проблемам истории внешней политики Чехословакии

в межвоенный период. Глубокое знание архивных материалов СССР и ЧССР, тщательный сравнительно-сопоставительный анализ различного рода документов придавали особую ценность его научным работам (их опубликовано свыше 40). Исследование им советско-чехословацких отношений в 30-е годы, истории заключения советско-чехословацкого договора 1935 г. имело большой научный резонанс, эти работы были переведены на чешский язык. В последнее время С. И. Прасолов уделял много внимания изучению внешней политики Чехословакии в 30-е годы в контексте международных отношений в Европе накануне второй мировой войны. Опубликовал серию монографических статей о тайных переговорах между Чехословакией и Германией в 1937 г., о политике Чехословакии в Малой Антанте. Он разработал проблематику складывания и развития внешнеполитической концепции чехословацкого правительства в межвоенный период. Проявляя постоянный интерес к истории мюнхенского договора, С. И. Прасолов исследовал важные аспекты этого вопроса. Благодаря его исследованиям в научный оборот было введено большое количество новых документальных материалов. Оригинальность и обоснованность трактовки С. И. Прасоловым сложных проблем межвоенной истории Чехословакии и ее отношений с другими европейскими странами явились существенным вкладом в советскую историческую науку.

С. И. Прасолов был активным, принципиальным коммунистом. Его отличали скромность и доброжелательность. Он пользовался большим уважением в коллективе. С. И. Прасолов внимательно и заинтересованно относился к научной работе молодых сотрудников Института, делился с ними своими знаниями. Память о Сергее Ивановиче Прасолове останется навсегда в коллективе Института, у его коллег и друзей.

Беляева В. И.

АНАТОЛИЙ ЕВСЕЕВИЧ МОСКАЛЕНКО

8 октября 1984 г. после тяжелой болезни скончался один из старейших советских историков-славистов Анатолий Евсеевич Москаленко. Ушел из жизни талантливый педагог и организатор, неутомимый исследователь, разносторонний и обаятельный человек.

А. Е. Москаленко родился 21 марта (3 апреля) 1909 г. в Киеве. В 1936—1940 гг. он учился на историческом факультете МГПИ им. К. Либкнехта и после его окончания поступил в аспирантуру института, специализируясь по истории средних веков под руководством Н. П. Грацианского. В 1941 г. в составе народного ополчения он ушел на фронт, воевал, а с 1943 г. учился в офицерской школе в Саратове.

А. Е. Москаленко одним из первых начал преподавать историю южных и западных славян в Саратовском университете, а затем совместно с Н. И. Бороздиным заложил основы историко-славистического направления в деятельности воронежских славистов.

На историческом факультете Воронежского университета А. Е. Москаленко работал с 1947 по 1973 г. Здесь он стал высококвалифицированным специалистом по истории средних веков, сосредоточив основное внимание на исследовании проблем славистической медиевистики. Кандидатская диссертация А. Е. Москаленко, защищенная в 1954 г., и его исследования середины 1950-х — начала 1960-х годов о социально-экономическом строе и классовой борьбе в далматинских городах в XII—XV вв. положили начало советской далматинистике как особому направлению в изучении средневековой истории славянских народов.

В 1961—1965 гг. А. Е. Москаленко работал деканом исторического факультета Воронежского университета. На этом посту в полной мере проявились его организаторские способности. По инициативе Анатолия Евсеевича в Воронеже с 1963 г. выходит единственное в стране продолжающееся издание по истории зарубежных славянских народов — межузовский научный сборник «Вопросы ис-

тории славян», научным редактором, а с 1977 г. членом редколлегии которого он был до конца жизни. На кафедре всеобщей истории ВГУ благодаря усилиям А. Е. Москаленко развернулась широкая исследовательская работа по проблемам славистики. В ней приняла участие целая группа славистов, занимавшихся как средневековой, так и новой и новейшей историей западных и южных славян; многие из них являлись учениками Анатолия Евсеевича. Успехи разработки историко-славистической проблематики в ВГУ позволили провести на его базе в 1966 г. III Всесоюзную конференцию историков-славистов, а в 1968 г. создать на историческом факультете ВГУ славистическую кафедру, первым заведующим которой стал А. Е. Москаленко.

С начала 1960-х годов, не оставляя занятий далматинистикой, А. Е. Москаленко с увлечением изучает историю отечественной славистики и медиевистики. Результаты его работы получили отражение в статьях о И. Н. Бороздине, М. В. Бречкевиче, В. К. Пискорском, Г. В. Раевском, А. Рейце, В. Ф. Семенове, П. А. Яковенко, А. Н. Ясинском и других историках, при этом особенно активно А. Е. Москаленко исследовал научное творчество Н. П. Грацианского.

С 1973 г. А. Е. Москаленко работал на кафедре истории южных и западных славян Московского университета. Он читал курс историографии Югославии, вел семинары по проблемам развития феодальных отношений у зарубежных славянских народов и истории крестовых походов, руководил дипломными и аспирантскими работами, научным студенческим обществом кафедры. А. Е. Москаленко как педагога отличало умение терпеливо и постоянно помогать своим ученикам и младшим коллегам, исключительно внимательное отношение к студентам.

Важное место в педагогической деятельности А. Е. Москаленко занимала научно-методическая работа. Он принимал участие в подготовке учебных программ и методических разработок, стал автором учебного пособия «Возникнове-

ние феодализма у южных славян», глав по югославянскому средневековью в учебнике по истории южных и западных славян, активно участвовал в подготовке учебника по историографии зарубежных славянских народов.

Свою научную деятельность в московский период А. Е. Москаленко подчинил одной цели — разработке историографических проблем. Его особенный интерес вызвала история славяноведения в МГУ. Он был ответственным редактором, одним из авторов и составителей двух специальных сборников на эту тему — «Историки-слависты Московского университета» (выпущен к 40-летию кафедры истории южных и западных славян МГУ) и «Из истории университетского славяноведения в СССР» (к 80-летию С. А. Никитина).

Продолжая занятия историей отечественной славистики и медиевистики, А. Е. Москаленко написал ряд статей для библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России», опубликовал статьи об А. Ф. Конокотине, А. Р. Корсунском, В. В. Самаркине. Сложным проблемам историографии А. Е. Москаленко нередко посвящал выступления на заседаниях кафедр истории южных и западных славян и средних веков. Незадолго до кончины А. Е. Москаленко выступил с докладом о терминологических проблемах историографии на Ломоносовских чтениях в МГУ.

Вдумчивым исследователем, внимательным и доброжелательным педагогом останется А. Е. Москаленко в нашей памяти.

Горина Л. В., Горяинов А. Н.

CONTENTS

<p><i>Maryina V.</i> The liberation from fascism and the development of the revolutionary process in the countries of Central and South-Eastern Europe. <i>Semin V. V.</i> The major factor of peace and security (The 30th anniversary of the Warsaw Pact). <i>Bazyli Biatokozowicz</i> (Poland). Polish-Soviet cultural exchange. The state of research and the perspectives. <i>Borisova O. V.</i> Social and economic conditions of the Bulgarian intelligentsia (the end of 1920s — the beginning of 1930s). <i>Pisarev Yu. A.</i> The Balkan alliance of 1912 — 1913 and Russia. <i>Zhivov V. M.</i> The language of Feofan Prokopovich and the function of hybrid variants of Church Slavonic in the history of Slavonic literary languages</p>	3
--	---

COMMUNICATIONS

<p><i>Kostyushko I. I.</i> The long-term programm of economic and technological cooperation of the USSR and Poland before 2000. <i>Kalashnikova N. Yu.</i> The change of the social and class structure of the Roumanian society and the building of socialism</p>	86
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Khudanich V. I., Kovalchuk T. N.</i> Желицки Б. Й. Рабочий класс социалистической Венгрии 60-х и первой половины 70-х годов. <i>Mikhilev A. D.</i> И. В. Шабловская. Самой высокой мерой: современная проза европейских социалистических стран о войне.</p>	96
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Osipova M. A.</i> Conference «Democratization and internacionalization of modern Slavonic literary languages». <i>I. K.</i> Conference of the Committee of historians of the USSR and Poland. <i>Okhtseli V. I.</i> International conference of slavists in Szczecin (Poland). <i>Yermakova M. N.</i> Conference «J. A. Smoler and his time». <i>V. Z.</i> Two academic prizes awarded. <i>V. R. G. G.</i> Litavrin — Cyril and Methodius international prize laureate <i>Belyayeva V. I.</i> Sergey Ivanovich Prasolov. <i>Gorina L. V., Goryainov A. N.</i> Anatoly Yevseyevich Moskalenko</p>	101
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 12.02.85]	Подписано к печати 08.04.85	Т-03408	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр-отт. 12,0 тыс.	Уч.-изд. л. 11,4 Бум. л. 3,5
	Тираж 1186 экз.	Зак. 1066	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсоенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

№-17
И ОРИДИКА 34/38-40
ТОЛСТОМУ И И
70891

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891